КНИГИ ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

Редьярд Киплинг

МАУГЛИ

#эксмодетство

Маугли

Редьярд Джозеф Киплинг

Аннотация
Редьярд Киплинг. Маугли
Маугли и его братья
I
II
Ill
IV
V
Охотничья песня волчьей стаи с Сеонийских холмов
Охота Каа
I
II
Ill
IV
V
VI
Дорожная песня бандерлогов
Откуда страх пошёл
I
II
Ill

IV
Закон джунглей
Тигр! Тигр!
I
II
Ill
IV
V
VI
Песня Маугли на шкуре Шер-Хана
Нашествие джунглей
I
II
Ill
IV
V
VI
VII
Песня Маугли против людей
Барский анкус
I
II
Ill
Песня маленького охотника
Красные собаки
I

II
Ill
IV
V
VI
VII
VIII
Песня коршуна Чиля
Время новых песен
I
II
Ill
IV
V
Прощальные песни
Балу
Каа
Багира
Все трое

Аннотация

Однажды тёплой ночью у волчьего логова появился человеческий детёныш. Ребёнок, который навсегда изменил привычный уклад жизни, установленный в джунглях с незапамятных времён. Постепенно джунгли стали для него вторым домом, где он обрёл семью и друзей, а обитатели научили его главному Закону Джунглей: «Мы с тобой одной крови».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Редьярд Киплинг
Маугли

Вот коршун Чиль и мышь с ним Манг
Вещают джунглям ночь.
Скот на покой спешит домой
Скорей из джунглей прочь.
Теперь для нас приходит час,
Когда, покинув сон,
Мы ждём призыв: «Тот будет жив,
Кто джунглей чтит Закон!»

Вечерняя песня джунглей

Книги для внеклассного чтения

Иллюстрации *Сергея Ярового*

#эксмодетство

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Маугли и его братья

I

Над Сеонийскими холмами спускалась тихая тёплая ночь. Уже взошла луна, когда Волк-отец пробудился после дневного отдыха. Чуть приподнявшись и зевнув, он потянулся сначала передними, потом задними лапами, встряхнулся, помотал головой. Волчиха-мать всё ещё лежала, уткнувшись носом в подстилку, между четырьмя волчатами, которые копошились и пищали. Свет луны проникал через отверстие входа в небольшую пещеру, где устроила себе логово волчья семья.

— Вррр! — проворчал Волк-отец. — Пора отправляться на охоту.

И он шагнул было к выходу, намереваясь бежать в долину, как вдруг отверстие заслонила небольшая тень с пушистым хвостом. Какой-то зверёк нерешительно остановился у входа в пещеру и жалобно пропищал:

— Мир тебе, предводитель волков, твоему дому и твоим деткам! Да ниспошлёт судьба им удачу, пусть растут на славу джунглей, но не забывают, что есть на свете несчастные и голодные.

Волк-отец узнал этого попрошайку: шакал

Табаки, любитель подбирать объедки и устраивать всякие пакости. Волки не любят Табаки за мерзкий характер, однако побаиваются, так как он чаще других обитателей джунглей впадает в бешенство. В таком состоянии он никого не страшится, носится по джунглям и кусает всех, кого встретит. Даже тигры спешат скрыться, когда завидят злобного взбесившегося шакала. Все звери страшно боятся бешенства: это самое большое несчастье, какое может свалиться на голову свободного обитателя джунглей. Люди тоже страдают от этой болезни — обычно в сезон дождей — и называют её «водобоязнь».

— Ну, заходи, поищи себе чего-нибудь, — сухо продолжил Волк-отец. — Только вряд ли что найдёшь.

— О, это благородному волку здесь нечем поживиться, а для такой ничтожной твари, как я, обглоданная кость отличное лакомство. Где уж нам, низменным гидурлогам, шакальему племени, выбирать, что хорошо, что худо?

Табаки пробрался в глубь пещеры, нашёл в углу засохшую полуобглоданную кость и тотчас принялся её грызть.

— Премного благодарны за щедрое угощение! — раздавалось из темноты между хрустом

и чавканьем. — О, какие красивые у вас детки! Какие большие у них глазки! Такие малышки, а уже такие смышлёные! Да, недаром говорят, что дети владык рождаются владыками!

Лесть лилась из Табаки рекой, хотя он отлично знал, что хвалить детей в глаза — признак очень дурного тона, но уж такой у него гадкий характер. Ему доставляло удовольствие видеть, как оба родителя места себе не находят.

Довольный, что ему удалось напакостить, Табаки на некоторое время замолчал, но вскоре опять взялся за своё:

— Я вот что слышал: владыка Шер-Хан собирается поохотиться здесь, в ваших краях, в ближайшую луну. Так его милость соблаговолил сказать мне.

Обитал тигр Шер-Хан, про которого говорил Табаки, выше по реке Вайнганге, километрах в двадцати-тридцати от пещеры.

— С какой стати? — возмутился Волк-отец. — По Закону джунглей он не может переменить место охоты, не известив об этом заранее соседей. Он распугает дичь на десятки километров кругом, а мне теперь приходится добывать пропитание за двоих.

— Недаром его с рождения зовут Ленгри — Хро-

мым, — заметила Волчица-мать. — Он хромает на одну ногу, потому и охотится только на домашний скот. Местные крестьяне потеряли терпение и принялись устраивать на него облавы, вот он и решил перебраться сюда. Он здесь будет пакостить, а мы за него отвечать. Он потом уйдёт в какое-нибудь другое место, а крестьяне возьмут да и подпалят наши джунгли. Нечего сказать, хорош повелитель этот твой Шер-Хан!

— Может, мне так и передать его милости? Мол, благодарите, то-сё… — прогнусавил Табаки.

— Вон! Сию минуту вон! Отправляйся к своему повелителю! — не выдержал Волк-отец. — Довольно и тех мерзостей, что ты успел натворить этой ночью.

— О, конечно-конечно! Уже ухожу, — тявкнул Табаки. — Да вот, кстати, и владыка Шер-Хан: слышите его голос? Так что зря я старался, передавал вам известия о его прибытии.

Волк-отец прислушался. Действительно, из глубины оврага, где протекал ручей, доносились отрывистые, хриплые звуки тигра, явно разочарованного: похоже, от него ускользнула добыча. Его даже не смущало, что теперь об этом узнают все джунгли.

— Да кто же начинает ночную охоту таким

шумом? — возмутился Волк-отец. — Неужели он думает, что наши лани похожи на жирных быков, которые пасутся в долине Вайнганги?

— Ш-ш-ш! Нет, это не на быка и не на лань он сейчас охотится, — тревожно прошептала Волчица-мать, — а на человека!

Вой тем временем сменился рычанием, от которого кровь стыла в жилах, который приводил в ужас дровосеков и цыган, если тем случалось заночевать под открытым небом. Этот звук заставлял их вскакивать с места и бросаться куда глаза глядят — порой даже в пасть тигра.

— Да, так и есть! Охотится на человека! — оскалился Волк-отец. — Вот мерзавец! Мало ему лягушек в болоте. Это же надо: закусить человеком, и притом на нашей земле!

II

Закон джунглей не запрещает ничего, кроме охоты на человека, за одним-единственным исключением.

Нападать на человека можно лишь в том случае, если нужно показать детёнышам, как следует охотиться, но только в той местности, где обычно охотится племя. В противном случае в джунглях появляются белые люди на слонах с ружьями, а за ними сотни темнокожих с гонгами и факелами, и от этого страдают поголовно все обитатели. Сами же звери толкуют мудрый Закон иначе. Они говорят, что человек — существо слабое и беззащитное и нападать на такую дичь уважающему себя охотнику неприлично. К тому же обитатели джунглей свято верят, что у людоедов выпадает не только шерсть, но и зубы.

Тем временем ворчание приближалось, но вдруг его сменил оглушительный рык, а вслед за ним по джунглям разнёсся отчаянный вой, совсем не похожий на мощный голос тигра.

— Похоже, не повезло, — заключила Волчица-мать. — Что бы это могло значить?

Волк-отец высунулся из пещеры и вдруг услы-

шал яростное завывание Шер-Хана, который метался где-то в гуще кустарника.

— Там, внизу, дровосеки жгут костёр — видно, он прыгнул сдуру и обжёг лапы, — сказал, вернувшись в пещеру, Волк-отец. — И этот пакостник Табаки тоже с ним.

Волчица-мать вдруг насторожилась и тревожно сказала:

— Кто-то поднимается на холм: надо бы посмотреть.

Из кустарника послышались шорохи, и Волк-отец припал на задние лапы, изготовившись к прыжку, но прыгнул как-то странно: словно испугавшись, подскочил вверх и приземлился на том же месте, обескураженно пробормотав:

— Человек! Там человеческий детёныш…

Прямо напротив Волка стоял, держась за ветку, темнокожий ребёнок, явно едва научившийся ходить. В следующее мгновение совершенно голый малютка засмеялся и направился прямо к нему.

— Это детёныш человека? — удивилась Волчица. — Вот он какой! Я никогда ещё не видела человеческих детёнышей. Принеси-ка его сюда.

Волк привык переносить в пасти своих волчат, мог бы и яйцо зубами взять, не раздавив, поэтому его челюсти, плотно обхватив ребёнка, не причи-

нили ему никакого вреда. Волк принёс ребёнка в пещеру и положил рядом со своими волчатами.

— Какой он маленький и совсем голый, без шерсти! А смелый какой! — засмеялась Волчица, когда малыш растолкал волчат и добрался до её тёплого бока. — Смотри! Он голодный, как настоящий волчонок. Ишь как присосался! Едва ли ещё найдётся волчица, которая могла бы похвастать, что кормила своим молоком человека!

— Нет, такое бывало: мне как-то приходилось слышать, — но только это было давно и не в нашей стае, — возразил Волк-отец. — Ведь поди ж ты, совсем без шерсти; стоило мне лапой махнуть — и всё, а он не боится, смотрит прямо в глаза да ещё улыбается!

Вдруг лунный свет, проникавший в пещеру, сразу померк, и огромная квадратная голова загородила отверстие. Широкие плечи не позволяли тигру пролезть внутрь, поэтому он зарычал, из-за спины его тут же раздался противный лай Табаки:

— Мой господин! Я видел, он спрятался именно сюда. Видел собственными глазами!

— Шер-Хан лично нас посетил? Это великая честь, — стараясь не выдать гнева, спокойно проговорил Волк-отец. — Что привело к нам

владыку?

— Моя добыча! Верните мою добычу! — прорычал Шер-Хан. — Вы спрятали человеческого детёныша! Родители его бросили и убежали, так что он мой!

Как и предполагал глава волчьего семейства, Шер-Хан угодил в костёр дровосеков, остановившихся на ночлег, и сильно обжёг лапы. Это привело его в ярость. Волки, однако, не очень-то испугались, поскольку знали, что зверь не сможет протиснуться сквозь узкое отверстие в пещеру — разве что мордой и передними лапами. Шер-Хану не удастся дотянуться до ребёнка в любом случае — скорее застрянет.

— Волки — свободные обитатели джунглей! — резко возразил Волк-отец. — И повинуются лишь вожаку своей стаи. Им нет никакого дела до полосатых воров, таскающих телят. Человеческий детёныш наш и не достанется никому другому! Нам решать, что с ним делать.

— Да что вы о себе возомнили! Долго я ещё буду торчать у вашей собачьей норы и ждать, пока мне вернут законную добычу? Забыли, кто перед вами? Сам повелитель Шер-Хан!

Пещеру огласил рёв рассвирепевшего тигра, но это никого не испугало. Волчица резким движе-

нием стряхнула с себя детёнышей и бесстрашно прыгнула к входу в пещеру. Её глаза вспыхнули зелёным пламенем гнева и смело встретили сверкающий взгляд Шер-Хана.

— А ты знаешь, хромоногий убийца, кто перед тобой? Я Ракша — бесстрашный демон, и я повторяю: человеческий детёныш мой! Я не дам его убить. Он будет жить и расти вместе со стаей, а когда повзрослеет, с ней же станет охотиться. А ты, бесстрашный охотник на домашний скот и маленьких беззащитных детей, пожиратель лягушек и рыбоед, запомни: настанет час, когда этот самый детёныш придёт и убьёт тебя! Теперь же убирайся, да поторопись, а не то, клянусь оленем, которого убила (я ведь не ем дохлятину, как ты), как бы тебе не захромать и на остальные лапы. Вон отсюда, палёная кошка!

Волк-отец с удивлением смотрел на свою подругу, успев позабыть тот день, когда добыл её себе, выдержав схватку с пятью сородичами. Не зря её в стае называли Ракшей, то есть демоном: она всегда оправдывала это прозвище. И Шер-Хан, который без страха смотрел в глаза Волку-отцу, не мог выдержать огненного взгляда Волчицы-матери. К тому же он хорошо понимал, что все преимущества на стороне Волчицы, если

она вздумает завязать смертный бой, поэтому поспешил отойти от входа, прорычав:

— Каждая собака огрызается у себя в норе. Посмотрим, что скажет стая, когда узнает, кого вы пригрели. Детёныш мой, и ему один путь — ко мне в пасть. Помните это, серые!

III

Волчица-мать опустилась на своё место возле детёнышей, порыкивая в негодовании, а Волк-отец серьёзно заметил:

— Шер-Хан на сей раз прав: детёныша придётся показать стае. А ты что, надумала держать его при себе?

— И никак иначе! — заявила Волчица. — Он пришёл к нам ночью, один, голодный, и не побоялся! Смотри, как он храбро подвинул волчонка и занял его место! А этот хромой мясник хотел его сожрать, затем дать тягу, а нам пришлось бы расплачиваться. Даже не думай, что я его отпущу от себя. Смотри, как ворочается лягушонок! Вот и придумала, как станем его звать: Маугли-лягушкой. Придёт время, и ты, малыш, станешь охотиться на Шер-Хана, как он охотился на тебя.

— А что скажет на это стая? — тяжело вздохнул Волк-отец.

Закон джунглей гласит, что всякий подросший волк, когда находит себе подругу, может оставить стаю, но до того, как детёныши начинают бегать, их следует представить на совет стаи, чтобы другие волки с ними познакомились и стали

признавать. Такой совет собирался обыкновенно раз в месяц, в лунную ночь, и после осмотра стаи молодые волчата могли свободно бегать где вздумается. Но до тех пор, пока им не удастся самостоятельно поймать свою первую добычу, волку, который убил бы такого волчонка, не может быть никакого оправдания. Наказание за это одно — смерть, если только удастся отыскать убийцу. Иначе и быть не может.

Волк-отец дождался, когда волчата стали уверенно держаться на лапах и немного бегать, и в одну из ночей, в полнолуние, повёл их на совет стаи вместе с Маугли и Волчицей. Стая собиралась на скале Совета — возвышенности среди валунов, где могло свободно укрыться от посторонних взглядов до сотни ВОЛКОВ. Акела, большой серый волк-одиночка, был вожаком и занимал отдельный камень, вытянувшись во всю длину. Все остальные волки — от молодняка до опытных матёрых волков, каждый из которых мог бы легко взвалить на спину и унести оленя, — расположились ниже. Акела благодаря своей силе и мудрости был бессменным предводителем стаи уже на протяжении нескольких лет. В молодости он дважды попадал в капкан, один раз его избили до полусмерти и оставили

умирать, так что ему лучше, чем кому бы то ни было другому в стае, были известны нравы и обычаи людей. Молодых волчат, которых привели для осмотра, поместили в центр круга, рядом с родителями. Время от времени к ним подходил то один волк, то другой: присматривался, обнюхивал их и возвращался на своё место. Остальные молчали, чтобы не мешать производить осмотр. Временами то одна мамаша, то другая подталкивала которого-либо из детёнышей туда, где посветлее, чтобы подходившие взрослые волки могли получше его рассмотреть.

Среди торжественной тишины время от времени раздавался голос вожака стаи:

— Вы знаете Закон, волки! Знаете Закон, так что смотрите хорошенько!

В унисон с ним ворчали и мамаши, озабоченные судьбой отпрысков:

— Да, смотрите хорошенько, волки, смотрите внимательнее!

Дошла очередь и до Маугли. Волчица-мать ощетинилась, когда Волк-отец вытолкнул малыша на лунный свет, но ребёнок уселся и принялся беззаботно играть блестящими камешками.

Акела по-прежнему лежал на своём камне, вытянув морду между лапами, ни на кого не глядя,

и только протяжно выводил:

— Вы знаете Закон! Осматривайте внимательнее!

Вдруг из-за камней, ограждавших место совета, раздался сдавленный рёв:

— Этот человеческий детёныш принадлежит мне. Какое дело свободному племени волков до человеческого отродья?!

Все узнали голос Шер-Хана, а у Акелы даже уши не дрогнули, он по-прежнему протяжно выводил своё:

— Смотрите хорошо, волки! Вы знаете Закон! Свободному племени не резон слушать тех, кто к нему не принадлежит! Смотрите внимательно!

Вдруг из задних рядов раздалось многоголосое ворчание, и один из молодых волков-трёхлеток выпрыгнул из-за спины Шер-Хана на середину и остановился напротив Акелы:

— Но какое дело свободному племени до человеческого отродья? Закон джунглей гласит: если возникнет спор относительно того, принять ли или не принять кого-то из детёнышей в стаю, то за него должны вступиться по крайней мере двое из присутствующих, исключая родителей.

Вдруг в наступившей тишине раздался голос, чуждый стае, принадлежавший единственно-

му жителю джунглей, которому разрешалось говорить на совете. Это был Балу, вечно сонный добродушный бурый медведь, который обучал молодых волчат Закону джунглей. Поскольку он питается только орехами, корнями да мёдом диких пчёл, никто не препятствовал его передвижениям, и он присутствовал на советах.

— Да что он вам дался-то? Какой нам вред от человеческого детёныша? Я не мастер говорить, но за него замолвлю словечко. Пусть себе бегает вместе с другими, а я возьмусь учить его.

— Нужен ещё один голос, — провозгласил Акела. — Балу, учитель наших детёнышей, высказался за. Кто ещё готов говорить?

Тогда в центр круга, образованного волками, бесшумно проскользнула длинная чёрная тень. Это была Багира, чёрная как уголь пантера с заметным в лунном свете пятнистым отливом, свойственным этим леопардам. Всякий обитатель джунглей знал Багиру, но ни у кого не возникало желания встретиться с ней где-нибудь на узкой тропинке. Багира была столь же хитра, как Табаки, сильна, как буйвол, и бесстрашна, как раненый слон.

— О, Акела, и вы, свободные волки, — голосом слаще мёда диких пчёл промурлыкала Багира, —

я, конечно, не имею права говорить на вашем совете, но мне известно, что по Закону джунглей можно выкупить жизнь детёныша, по поводу которого возникает спор. Так гласит Закон, но кто может или не может внести выкуп, в нём не говорится. Я правильно излагаю, свободные волки?

— Правильно! Правильно! — раздались многочисленные голоса молодых, вечно голодных волков, которые прямо растаяли, услышав про выкуп. — Слушайте, слушайте Багиру! Детёныша можно принять за выкуп! Закон на этот счёт говорит совершенно ясно!

— Зная, что не имею права утруждать ваше внимание, свободные волки, я умолкаю.

— Говори, Багира, продолжай, — раздалось не меньше двух десятков голосов.

— Что ж, хорошо, я буду в таком случае говорить, — милостиво произнесла чёрная пантера. — Согласитесь, что убить голого беззащитного детёныша не делает никому чести. К тому же не забудьте: когда подрастёт, он может стать вам очень полезным. Балу сказал за него своё слово, ну а я хочу предложить вам за него вместо слова целого быка, притом прежирного, что пасётся неподалёку. Я отдам его вам, если согласитесь согласно Закону джунглей принять человеческо-

го детёныша в свою стаю. Ну как, согласны или, может, есть ещё какие-то затруднения?

В ответ раздался нестройный гул голосов:

— За чем дело стало? Довольно уже обсуждать! Пусть живёт! С наступлением дождей мы отделаемся от него: он сам погибнет — или от холода, или от жары.

Стоит ли так волноваться из-за какой-то голой лягушки! Давайте примем его поскорее в нашу стаю, и дело с концом! Где бык, Багира? Да принимаем его, принимаем!

Весь этот нестройный хор голодных волков покрыл протяжный, спокойный, могучий голос Акелы:

— Смотрите хорошенько, волки! Вы знаете Закон!

А Маугли меж тем продолжал играть с камешками, не обращая ни малейшего внимания на подходивших волков, которые его осматривали и обнюхивали. Наконец все волки мало-помалу спустились с холма в долину, куда пантера принесла быка. На скале остались только Акела, Балу, Багира и волки, приютившие Маугли. Ночную тишину разрывал лишь рёв Шер-Хана, всё выражавшего своё недовольство.

— Реви сколько вздумается, — пробормотала

себе под нос Багира. — Придёт день, и это маленькое голое существо заставит тебя реветь по-настоящему. Так и будет, уверена, а если нет — значит, я не знаю людей.

— Мы поступили мудро, — проговорил Акела. — Люди и их дети умны и сообразительны. Со временем этот приёмыш может нам очень пригодиться.

— О, несомненно! Разве можно быть уверенным, что предводитель стаи навсегда останется прежним, — многозначительно заметила Багира.

Акела предпочёл проигнорировать слова пантеры — лишь понурился, подумав, что для каждого вожака стаи наступает час, когда ему начинают изменять крепкие ноги и острые зубы, когда сила постепенно оставляет мощное тело, пока в один несчастный день не кинутся на него, одряхлевшего, молодые волки и не загрызут, чтобы вместо него выбрать нового вожака, которого со временем постигнет та же участь.

— Прими его к себе, — сказал Акела Волку-отцу, — и воспитай так, как полагается волкам свободного племени.

Так Маугли благодаря слову медведя Балу и выкупу, предложенному Багирой, сделался пол-

ноправным членом волчьей стаи на Сеонийских холмах.

IV

Мы можем только догадываться, как жил Маугли среди волков первые десять-одиннадцать лет, и могли бы написать об этом не одну книгу. Его братья-волчата стали взрослыми волками, в то время когда Маугли оставался ребёнком. Волк-отец учил его всему, что должен знать представитель свободного племени, и скоро Маугли стал понимать сокровенный смысл всего, что происходило в джунглях. Его слух улавливал теперь даже самые тихие звуки: шорох травы, легчайшее дуновение тёплого ночного ветра; он понимал даже едва ощутимые оттенки в крике ночной птицы; слышал прикосновение когтя летучей мыши к коре дерева и плеск рыбы в реке. Все эти ночные звуки были ему очень понятны теперь и ясны.

Когда Маугли не учился чему-нибудь, то разваливался на солнце и засыпал, просыпался, ел и засыпал опять; когда чувствовал жажду или изнывал от жары, спускался к лесному озеру и купался; когда ему хотелось мёда (Балу говорил, что мёд диких пчёл и орехи ничуть не хуже сырого мяса, которое едят волки), карабкался на

высокие стволы, как научила Багира. Бывало, уляжется где-нибудь в ветвях и крикнет Маугли: «Поднимайся ко мне, Маленький братец», — и он первое время с трудом, как молодой неуклюжий медвежонок, медленно карабкался вверх, но скоро научился стрелой взлетать даже на высокие деревья не хуже обезьян. У него уже было своё место на скале Совета, и, посещая эти собрания, он открыл в себе одно замечательное свойство.

Стоило ему кому-то посмотреть в глаза — хотя бы даже самому сильному волку, — как тот, не выдержав его взгляда, робко отворачивался. Маугли не раз пользовался этим своим свойством, если хотел над кем-нибудь пошутить. Частенько ему приходилось вынимать занозы из лап своих друзей, которые постоянно страдали от игл и шипов.

Иногда ночью он спускался с гор, доходил до того места, где начинались возделанные земли, и с удивлением смотрел на людей в их жилищах. Страх и недоверие к ним чувствовал Маугли с того момента, когда Багира показала ему капкан, так искусно скрытый среди леса, что он чуть было не попал в него. Пантера объяснила тогда, что эта ловушка устроена для свободных обитателей джунглей.

Больше всего ему нравилось бродить с Багирой в непроходимых дебрях, где тепло и сыро, спать у неё на боку туманными днями, а ночью наблюдать за её охотой. Багира, когда бывала голодна, убивала без разбору направо и налево. Её примеру подражал и Маугли до тех пор, пока не подрос. Тогда Багира объяснила:

— В джунглях ты можешь охотиться на кого угодно, но из уважения к памяти быка, который стал твоим выкупом, ты не должен ни убивать, ни есть домашний скот. Этого требует Закон джунглей.

И Маугли никогда его не нарушал.

Мальчик рос и становился таким крепким и сильным, как ни один из его ровесников, живших среди людей. Да и неудивительно: единственной его заботой было добыть себе пищу.

Мать-волчица предупреждала его, чтобы особенно осторожно относился к Шер-Хану, но в то же время уверяла, что придёт день, когда он станет сильнее тигра и убьёт его. Молодому волку было бы достаточно сказать один раз, и это прочно засело бы в его голове, но Маугли оставался ещё ребёнком, потому нет ничего удивительного, что очень скоро забыл предупреждение матери.

Шер-Хан же, напротив, в последнее время стал

гораздо чаще посещать места, где жила и охотилась стая с Сеонийских холмов. Дело в том, что Акела очень состарился и изо дня в день становился всё слабее. Пользуясь этим, хромоногий тигр приобрёл кучу друзей среди молодых волков, которые целой стаей ходили за ним, питаясь останками добытых им животных. Будь у Акелы прежняя сила, он сумел бы наказать своих волков за такую низость. Шер-Хан постоянно настраивал новых друзей против старого вожака, выражал удивление, как такие молодые и удалые охотники позволяют, чтобы их вожаком был полуживой волк, у которого в любимцах человеческий детёныш.

«Мне даже рассказывали, — говорил Шер-Хан, — будто на собраниях совета вы не осмеливаетесь поднять на него взгляд».

От таких слов молодые волки злобно ощетинивались и ворчали.

Все эти сведения собрала Багира, от ушей и глаз которой не могло ничто укрыться, и дважды предупредила Маугли, что Шер-Хан подстерегает его, намереваясь убить, но тот в ответ только смеялся: «Да ведь у меня за спиной целая стая, да ещё ты и Балу. Хоть он и ленив, но ведь не пожалеет ради меня одного-двух взмахов своей лапы? Чего же

мне бояться?»

В один из жарких дней Багира получила новое известие о планах Шер-Хана. Трудно сказать как, но, вероятнее всего, где-то подслушал дикобраз Икки и сообщил ей. И вот, когда Маугли отдыхал в глубине чащи, положив голову на роскошную мягкую шкуру Багиры, пантера ласково проговорила:

— Послушай, братец, сколько раз уже я говорила тебе, что Шер-Хан — твой самый опасный враг?

— О, столько, сколько орехов на этом дереве, — пошутил Маугли. — Ну и пусть! Мне хочется спать, Багира. А у Шер-Хана такой же длинный язык, как хвост, он болтлив, как павлин Мао.

— Но теперь совсем не время спать. То же самое скажет тебе и Балу, и вся стая. Да и ты сам, как ни глуп ещё, мой малыш, согласишься со мной, если капельку подумаешь. Даже Табаки подтвердит, что все мы правы.

— Ха-ха-ха, Табаки! Да он на днях приходил ко мне и пытался читать нравоучения, причём самым высокомерным тоном: мол, я голый человеческий детёныш и мне не пристало добывать из земли орешки. Я схватил этого мерзавца за хвост и дважды ударил о ствол дерева, чтобы

не забывал о вежливости и впредь думал, что говорит.

— О, ты сделал это совершенно напрасно. Табаки, правда, порядочный негодяй, но зато много чего может тебе сказать и тем самым предупредить. Одумайся, дружок: Шер-Хан теперь едва ли осмелится тебя убить, если застигнет среди джунглей, — и вспомни, что Акела совсем стар и скоро настанет момент, когда вожаком стаи выберут другого. Те волки, что знали тебя с тех пор, когда ты впервые предстал перед стаей на скале Совета, теперь тоже состарились, а молодые с тобой мало знакомы. Шер-Хан меж тем упорно твердит им, что человеческому детёнышу в стае не место, и эти глупцы повторяют его слова. Пройдёт совсем немного времени, и ты станешь взрослым человеком, а значит, должен жить среди людей.

— Но почему мне нельзя оставаться там, где вырос? — огорчённо воскликнул Маугли. — Я жил в джунглях, не нарушаю их Закона. Едва ли найдётся среди волков хоть один, у которого мне не приходилось вытаскивать из лап занозы. Разве все они не мои братья?

Багира вытянулась и, прикрыв глаза, предложила:

— Знаешь, потрогай лучше вот здесь, под че-

люстью.

Маугли протянул сильную мускулистую руку, ощупал подбородок Багиры и наткнулся на плешину.

— Никто в джунглях не знает про этот знак — след ошейника. А тебе, мой Маленький братец, я скажу, что родилась вовсе не в джунглях, а в городе, что там же, в клетке королевского дворца в Удайпуре, погибла моя мать. Вот почему я решила купить тебе жизнь, когда тебя, маленького и голого, представили стае. Я знала, что ты человеческий детёныш, потому что тоже родилась среди людей и долго не имела понятия о джунглях. Сидела я в клетке за железной решёткой. Так было до тех пор, пока однажды не узнала, кто я: вовсе не игрушка, а пантера. Тогда я сломала свою клетку и ушла на свободу. И поскольку у людей многому научилась, видела, что и как они делают, я стала самым страшным хищником в джунглях, даже ужаснее, чем Шер-Хан. Ведь так про меня все говорят, не правда ли?

— Да, правда, — согласился Маугли, — все в джунглях боятся Багиру, но только не я.

— О, ты не в счёт — ведь ты детёныш человека, — нежно проговорила Багира. — Но как я вернулась в свои родные джунгли, так и тебе

придётся в конце концов уйти к людям, потому что они твои братья. И если тебя не убьют на совете стаи, ты вернёшься к ним.

— Но почему меня непременно захотят убить? — удивился Маугли.

— Посмотри на меня, — вместо ответа предложила Багира.

Маугли посмотрел ей в глаза, но не прошло и полминуты, как пантера отвернулась от него.

— Теперь знаешь почему? — спросила Багира, вытягивая когти. — Даже я не могу выносить твоего взгляда, хотя родилась среди людей и люблю тебя, мой

Маленький брат. Многие же ненавидят тебя: кто-то потому, что не может вынести твоего взгляда; кто-то потому, что ты умнее; потому, что умеешь вынимать занозы из их лап; потому, что ты человек.

— А я никогда даже не думал об этом, — угрюмо признался Маугли, и между его тяжёлыми чёрными бровями залегла морщинка печали.

— Что такое Закон джунглей? Прежде нанеси удар, а потом — разговаривай. Из-за твоей беспечности они всегда чуют в тебе человека, поэтому будь осторожен. Акела слабеет не по дням, а по часам, и каждая новая охота отнимает у него

значительные силы. И чует моё сердце, что в тот момент, когда Акела промахнётся со своим ударом и упустит добычу, стая кинется сначала на него, а затем на тебя. Они собираются устроить торжественное собрание на скале Совета, и тогда… тогда помни, что… я с тобой!

Багира, изогнувшись, подпрыгнула и многозначительно прибавила:

— А теперь ступай в долину, к людям, и принеси Красный Цветок, который растёт только у них. С ним ты станешь сильнее, чем если бы мы все стояли у тебя за спиной.

Красным Цветком Багира называла огонь, потому что ни один обитатель джунглей не решится произнести это слово. Все питают к огню суеверный страх и стараются не говорить о нём.

— Тот самый Красный Цветок, — уточнил Маугли, — что расцветает по вечерам в людских хижинах? Хорошо, я соберу немного и принесу.

— Сразу видно, что в тебе говорит человек, — заметила пантера. — Запомни: он распускается и растёт в небольших горшках. Быстро хватай такой горшок и неси сюда, а потом храни его и заботься о нём, чтобы не увял до тех пор, когда может понадобиться.

— Хорошо, я сейчас отправлюсь за ним, но

прежде скажи мне, Багира… — Маугли обвил руками мягкую шею пантеры. — Ты уверена, что всё это проделки Шер-Хана?

— Клянусь тебе сломанной решёткой, которая дала мне свободу, что уверена в этом, мой Маленький братик.

— В таком случае и я клянусь быком, благодаря которому жив, что с лихвой отплачу Шер-Хану за всё, что он сделал, и очень скоро отплачу, — пообещал Маугли и исчез в глубине ущелья.

«Вот это человек, настоящий человек, — сказала себе Багира, устраиваясь поудобнее. — О, Шер-Хан, у тебя ещё не было более неудачной охоты, чем та, которую ты затеял тогда, десять лет назад, на маленькую лягушку!»

А Маугли нёсся по лесу, и сердце его стучало как молот. К родной пещере он прибежал, когда на землю уже стал спускаться вечерний туман и легла роса. Он остановился отдышаться, прежде чем войти. Братьев в пещере не было — видно, уже спустились в долину. Волчица-мать, услышав его прерывистое дыхание, сразу догадалась, что её дорогой Лягушонок чем-то сильно взволнован.

— Что с тобой, сын?

— Пустяки, не стоит и говорить: так, болтовня летучих мышей о проделках Шер-Хана. Я охочусь

сегодня там, внизу, по соседству с пашнями, — сообщил Маугли и исчез в чаще, направившись прямо вниз, к шумевшей в глубине долины реке.

Внезапно до его слуха донёсся многоголосый вой гнавшей добычу стаи, и он остановил свой стремительный бег. В следующее мгновение послышался хрип оленя, круто повернувшего к реке, и вслед за этим — яростные, раздражённые голоса молодых волков:

— Акела! Акела! Сюда! Пусть вожак покажет нам свою силу! Не трогайте, отдайте добычу ему! Ну-ка, Акела, хватай! Прыгай!

Очевидно, вожак стаи всё же прыгнул, но, похоже, неудачно, так как до Маугли донёсся сначала лязг зубов, а вслед за этим — стон волка, которого, вероятно, олень подмял под себя или ударил передними копытами.

Маугли не догадывался о том, что последует за неудачной охотой его друга и защитника Акелы, и стрелой понёсся вниз, к человеческим поселениям. Уже залезая в кучу сена, заготовленного для скота и сложенного возле хижины, прошептал, задыхаясь:

— Багира права, завтра наступит решительный день как для Акелы, так и для меня.

Приблизившись к окну хижины, он как заво-

рожённый уставился на огонь в очаге. Сколько он так простоял, Маугли не мог бы сказать, но видел, как пожилая женщина вставала ночью и кормила огонь, подкладывая в очаг куски обуглившегося дерева. А когда наступил рассвет и все предметы потонули в белом холодном тумане, какой-то мальчик — видимо, хозяйский сын — взял глиняный горшок, наполнил щепками и положил туда несколько тех самых обуглившихся деревяшек, только раскалённых, затем, прикрыв горшок платьем, вышел в загородку, где помещался скот.

«Только и всего? — усмехнулся Маугли. — Ну, если ребёнок справился, тогда и мне нечего бояться огня».

Стрелой выскочив навстречу мальчику, он выхватил у него из рук горшок и скрылся в белой туманной мгле, прежде чем тот успел поднять крик.

«Как они похожи на меня!» — думал Маугли, изо всех сил раздувая содержимое горшка с огнём, как это делала женщина, потом набрал сухих сучков и обломков коры и сунул в горшок, вспомнив, что огонь умрёт, если его не кормить.

На полдороге к вершине горы ему попалась Багира — от утренней росы шерсть её сверкала

разноцветными искорками — и грустно сказала:

— Акелу сегодня постигло несчастье на охоте. Они хотели разорвать его там же, на месте, но вспомнили о тебе и решили подождать. Вся стая рыскала по горе — искала тебя.

— А я был внизу, у человеческих хижин. Теперь я готов встретить и Шер-Хана, и его прихвостней. Смотри, Багира!

— Вот и отлично! Я видела, как люди опускали в горшок конец сухой ветви, и тогда распускался Красный Цветок. Может, и ты попробуешь? Не испугаешься?

— Да чего здесь бояться! Теперь я начинаю кое-что припоминать. Ещё до того, как стал волком, я лежал у Красного Цветка, и мне было так тепло, так уютно!

V

Весь этот день Маугли сидел в пещере перед горшком и совал в него сухие ветки, наблюдая, что при этом происходило. То и дело приходилось отправляться за новыми, и, отыскав один большой сухой сук, он отложил его про запас. К вечеру явился Табаки и насмешливым, дерзким тоном заявил, что его давно ждут на скале Совета, а потом, принюхавшись, поспешил прочь. Маугли рассмеялся и вышел следом за ним из пещеры.

Вся стая уже собралась на скале Совета. Акела по-прежнему лежал, но уже не на прежнем месте, на камне, а подле него; это значило, что он уже не предводитель стаи и что место вожака свободно. Среди присутствующих на виду у всех важно расхаживал Шер-Хан, окружённый толпой молодых волков, которые без стеснения пресмыкались перед ним. Багира медленно подошла к Маугли и улеглась у его ног, тогда как сам он уселся на своём обычном месте, поставив горшок с огнём между коленями.

Первым начал говорить Шер-Хан — такое невозможно было до сих пор даже вообразить; если бы Акела пользовался своим прежним поло-

жением, никто не решился бы на это.

— Какое он имеет право? — возмутилась себе под нос Багира. — У него же собачья душа!

Тогда Маугли вскочил со своего места и воскликнул:

— Свободное племя! Разве Шер-Хан стал нашим вожаком? С каких это пор тигры верховодят над волками?

— Так ведь место вожака свободно, а кроме того, меня просили начать собрание… — заговорил было Шер-Хан, но Маугли оборвал его:

— Кто просил? Мы что, стали шакалами, которые вьются около хромоногого мясника, пожирающего домашний скот? Вожака должна выбрать стая, таков Закон.

В ответ на эти слова раздался оглушительный вой:

— Молчать, человеческое отродье! Тебе ли говорить?

В противовес этим раздавались и другие голоса:

— Дайте ему слово! Он соблюдал наш Закон, а значит — имеет право.

— Пусть начнёт совет Мёртвый волк! — раздались наконец громовые голоса ветеранов стаи.

Если вожака стаи постигла неудача на охоте,

с этого момента его называли Мёртвым волком, и никак иначе, потому что жить ему оставалось недолго.

Акела медленно поднял седую голову:

— Вы, волки свободного племени, и вы, шакалы Шер-Хана! Целых двенадцать лет я водил вас на охоту, и за это время ни один волк не попал в западню, ни один не был искалечен. Вчера меня постигла неудача, но я знаю, что всё это было подстроено. Вы увидели молодого сильного оленя, совершенно свежего, незагнанного, и направили в мою сторону для того, чтобы выставить меня слабым. Вам удалась эта хитрость, и теперь можете разорвать меня прямо здесь, на скале Совета. Я готов, но хочу спросить: кто из вас выйдет нанести последний удар бывшему вожаку стаи? Закон джунглей гласит: вы должны выходить против меня один за другим. Так кто начнёт?

В стае волков произошло замешательство: никто не осмеливался вступить с Акелой в смертный бой.

Тогда разнёсся рёв Шер-Хана:

— Ну что за охота связываться с этим беззубым старцем: он всё равно осуждён на смерть, — если у нас есть человеческий детёныш, который что-то слишком долго мозолит нам глаза. Свободное

племя, вы ведь знаете, что с самого начала это была моя добыча. Так отдайте же его наконец мне! Мне надоели его безумства: целых десять лет он баламутит наши джунгли. Если не отдадите, я стану охотиться на вашей земле и не оставлю даже косточки. Что вам до него? Он человек, не зверь.

Со всех сторон послышался вой, и волки заголосили:

— Он человек, человек! Ему не место в нашей стае! Пусть убирается!

Это не устраивало Шер-Хана, и он опять заревел:

— Вы хотите, чтобы он вернулся к людям, которые живут в селениях, и настроил их против нас? О нет, не совершайте эту глупость. Просто отдайте его мне. Он человек, и вы все боитесь смотреть ему прямо в глаза.

Тогда Акела опять поднял голову и заговорил:

— Он ел с нами, спал с нами, приносил нам добычу и не преступил ни одной буквы Закона джунглей.

— Мне тоже есть что сказать, — вдруг заговорила своим мягким приятным голосом Багира. — Хочу напомнить, что я заплатила вам за него, за то, чтобы приняли его в стаю. Конечно, цена

была не особенно велика, но для меня не столько дорог бык, сколько верность слову. Поскольку здесь затронута моя честь, я не откажусь от своего права защитить её в бою.

— О чём это она? Какое нам дело до быка, которого съели десять лет назад? — заворчали молодые волки. — Да от него и костей уже не осталось!

— И до Закона вам тоже нет дела? — оскалилась Багира, сверкнув зубами. — Хороши же вы, свободное племя!

— Человеческому детёнышу не место среди народа джунглей! — упрямо ревел Шер-Хан. — Отдайте его мне!

— Да ведь он наш брат во всём, кроме крови, — попытался урезонить смутьянов Акела. — А вы хотите его убить. Да, похоже, я действительно живу слишком долго, если дожил до таких времён! Кое-кто из вас уже приспособился забивать домашний скот, а есть, я слышал, даже такие, кто по примеру Шер-Хана пробирается по ночам к людям, чтобы стянуть детёныша. Вы стали трусами, и потому я говорю с вами как с низкими трусами. Раз решено, что я должен умереть, пусть моя жизнь станет оплатой места человеческого детёныша в вашей стае. Клянусь честью стаи

— это та самая безделица, которую вы успели забыть, не имея вожака, — что не обнажу ни одного зуба против вас, когда придёт мой последний час, если вы пообещаете отпустить Маугли, когда он захочет уйти. Я готов умереть без боя, и это сохранит жизнь по меньшей мере троим из вас. Больше я ничего не могу вам обещать. Если вы согласитесь на моё предложение, то избавите себя от позора стать убийцами брата, который ни в чём не виноват перед вами и жизнь которого была выкуплена у стаи согласно Закону джунглей.

— Но он человек! Человек! — завопила стая, и большая толпа волков стала собираться вокруг Шер-Хана, нетерпеливо колотившего хвостом.

— Ну, теперь исход дела в твоих руках, — прошептала Багира. — Мы уже больше ничего не можем сделать, разве что вступить в бой.

Маугли тут же вскочил с земли, выпрямился во весь рост и вытянул руки с горшком перед собой. Некоторое время он стоял молча, не в силах вымолвить ни слова от бешенства и огорчения: он и не подозревал, как глубоко ненавидели его волки, хотя ни разу не показали ему открыто, — потом, справившись с собой, громко заговорил:

— Слушайте меня! Я обращаюсь к вам, подхалимы, низкие лизоблюды. Вы так часто повторяли

сегодня «человек», «человек», что я, хотя до сих пор считал себя вашим братом, волком, и что останусь им до конца моих дней, — почувствовал справедливость ваших слов. Итак, больше я не стану называть вас своими братьями, вы будете для меня только подлыми псами, как называют вас люди. Что станете делать вы и чего не станете, меня теперь не волнует, главное — что буду делать я. И для того, чтобы у вас не оставалось больше никаких сомнений в моей природе, я принёс немного Красного Цветка, которого вы, подлые псы, я знаю, боитесь.

Он опрокинул горшок с огнём на землю, раскалённые угли воспламенили сухой мох, и тотчас все волки, столпившиеся на скале Совета, ринулись вниз, спасаясь от быстро бежавших потоков огня.

А Маугли тем временем схватил заранее заготовленный сук, сунул в пламя и, когда он разгорелся, треща и разбрасывая искры, принялся размахивать им над обезумевшими от ужаса волками.

— Теперь ты можешь диктовать им условия, — тихо проговорила Багира. — Воспользуйся этим и спаси Акелу: он всегда был твоим другом.

Акела, гроза волков, ни разу в жизни не про-

сивший ни у кого пощады, жалобно посмотрел на Маугли, когда тот, голый, с длинными, рассыпавшимися по плечам волосами, с горящими как угли глазами, всё ещё размахивая пылающим суком, остановился около него *и*, медленно обводя взглядом поджавших хвосты волков, воскликнул:

— Хорошо же! Я уйду от вас, уйду к моему племени. Если джунгли закрыты для меня, то я постараюсь забыть и ваши слова, и вас самих, продажные псы. Но я не хочу быть таким неблагодарным, как вы, поэтому обещаю, что не предам вас людям, как вы предали меня, хоть я и человек и должен жить среди людей.

Толкнув ногой пылавшую головню, так что во все стороны посыпались искры, он продолжил:

— Теперь здесь, на совете, не будет никаких сражений между кем-то из моих друзей и вами, но у меня остался старый долг, который я не могу не отплатить.

И Маугли в сопровождении верной Багиры направился прямо к тому месту, где расположился Шер-Хан, тупо глядя на языки пламени. Схватив его за клок шерсти, мотавшейся под пастью, и потянув вверх, Маугли грозно закричал:

— Поднимайся, трусливый пёс! Не смей сидеть,

когда к тебе обращается человек, или я подожгу твою шкуру!

Шер-Хан прижал уши к голове и прищурил от страха глаза, почувствовав пылающий сук прямо у своей морды.

— Этот пожиратель скота хвастался, что убьёт меня на совете, потому что не сумел расправиться со мной, когда я был ребёнком. Попробуй шевельнуть теперь хотя бы усом, хромоногий трус, и я воткну эту горящую головню тебе в глотку! Раз я человек, то покажу тебе, как надо обращаться с собаками!

И Маугли принялся хлестать Шер-Хана горящим суком по голове, отчего тот сначала завизжал, а потом жалобно замяукал, но уже не от боли, а скорее от страха.

— Довольно с тебя, полосатая палёная кошка! А теперь убирайся, но запомни хорошенько: если я приду к скале Совета ещё раз, то уже как человек, и не иначе как с твоей шкурой в руках. Запомните также все: Акела останется в живых и свободен выбирать сам, как ему жить. Никто из вас не посмеет трогать его, потому что так хочу я, человек! И хватит сидеть здесь, щёлкая зубами! Вы не волки, а трусливые псы, так что вон отсюда. Вон!

Маугли опять принялся размахивать своим ярко пылавшим суком, и волки, подвывая от страха и боли, с подпалённой шерстью кинулись врассыпную со скалы Совета. Остались только Акела, Багира и с десяток волков, которые всегда были за Маугли. В этот момент он вдруг почувствовал, как стало сжимать горло, дыхание пресеклось, по лицу потекло что-то горячее.

— Что это со мной? Что со мной? — воскликнул сквозь рыдания Маугли. — Я что, умираю? Скажи мне, Багира!

— Нет, Маленький брат! Это всего лишь слёзы, которые бывают у всех людей. Теперь я вижу: ты больше не детёныш, а взрослый человек. Теперь для тебя джунгли закроются навсегда. Так что пусть они льются, твои слёзы; это пройдёт.

И Маугли разрыдался пуще прежнего, а когда почувствовал, что на душе полегчало, сказал:

— Теперь я пойду к людям, но прежде попрощаюсь с родителями.

Маугли вернулся в пещеру и застал там Волчицу-мать и Волка-отца. Прижавшись к жёсткой шкуре Волчицы-матери, он опять почувствовал, как слёзы сдавили горло, и заплакал во весь голос, а четыре брата-волка поддержали его жалобным воем.

— Вы не забудете меня? — сквозь слёзы спросил Маугли.

— Никогда до тех пор, пока будут силы идти по следу, — заверили его братья. — Ты приходи иногда к подножию горы — там и встретимся. А ночью мы можем приходить к тебе поиграть где-нибудь на лугу.

— Не оставляй нас совсем, — попросил Волк-отец. — Навещай хоть иногда, дорогой наш Лягушонок! Мы ведь уже с твоей матерью старики.

— Да, приходи повидаться, — прибавила Волчица-мать. — Хоть разок, мой голый маленький сын! Теперь кое-что скажу тебе на прощание, скажу на ушко: знай, что я любила тебя, человеческий детёныш, больше, чем кровных своих детей.

— Я вернусь к вам, обязательно вернусь, — горячо пообещал Маугли. — И принесу шкуру Шер-Хана на скалу Совета. Так не забывайте же меня и вы! Скажите всем в джунглях, кто меня знал, чтобы не забывали!

Роса уже опускалась на землю, когда Маугли начал спускаться с горы, чтобы вернуться к своему племени — загадочным существам, которые зовутся людьми.

Охотничья песня волчьей стаи с Сеонийских холмов

СКОРО НОЧИ КОНЕЦ, ЧАС РАССВЕТА НАСТАЛ.

ГОЛОС ГДЕ-ТО СЛЫХАТЬ: ТО ЗАМБАР[1] ЗАБЛЕЯЛ.

ВЫ СЛЫШИТЕ: РАЗ, ДВА И СНОВА!

ТОПОТ! ПРЫГАЕТ ЛАНЬ СРЕДЬ ПОЛЯНЫ ЛЕСНОЙ.

ВОЛК НАШЁЛ ЕЁ СЛЕД И ПОМЧАЛСЯ СТРЕЛОЙ.

ВЫ СЛЫШИТЕ: РАЗ, ДВА И СНОВА!

СКОРО НОЧИ КОНЕЦ, ЧАС РАССВЕТА НАСТАЛ.

ГДЕ-ТО ГОЛОС СЛЫХАТЬ: ТО ЗАМБАР ЗАБЛЕЯЛ.

ВЫ СЛЫШИТЕ: РАЗ, ДВА И СНОВА!

ВОЛК КРАДЁТСЯ НАЗАД, С ВЕСТЬЮ К СТАЕ СПЕШИТ.

---

1 notes: 1
Замбар — олень.

СТАЯ ВСЯ НА СЛЕДУ, СТАЯ С ЛАЕМ БЕЖИТ.

ВЫ СЛЫШИТЕ: РАЗ, ДВА И СНОВА!

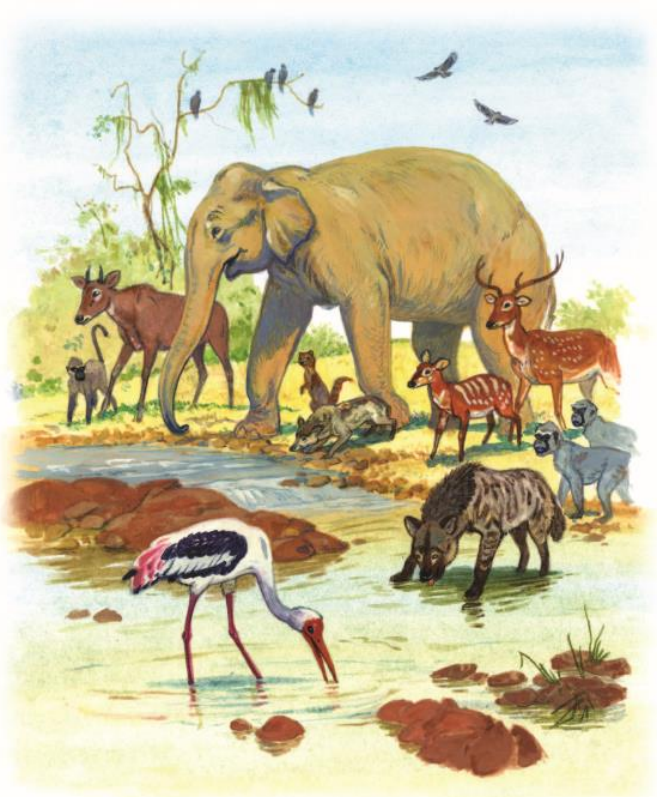
Пятнистая шкура – краса леопарда;
Рога – гордость буйволов всех.

Пусть шкура твоя будет чиста и гладка —
У зверя лишь сильного лоснится мех.

Случится ль тебе на рога наскочить
Иль копытом замбара удар получить,
Не стоит об этом напрасно трубить:
Все мы знаем давно, что без бед не прожить.

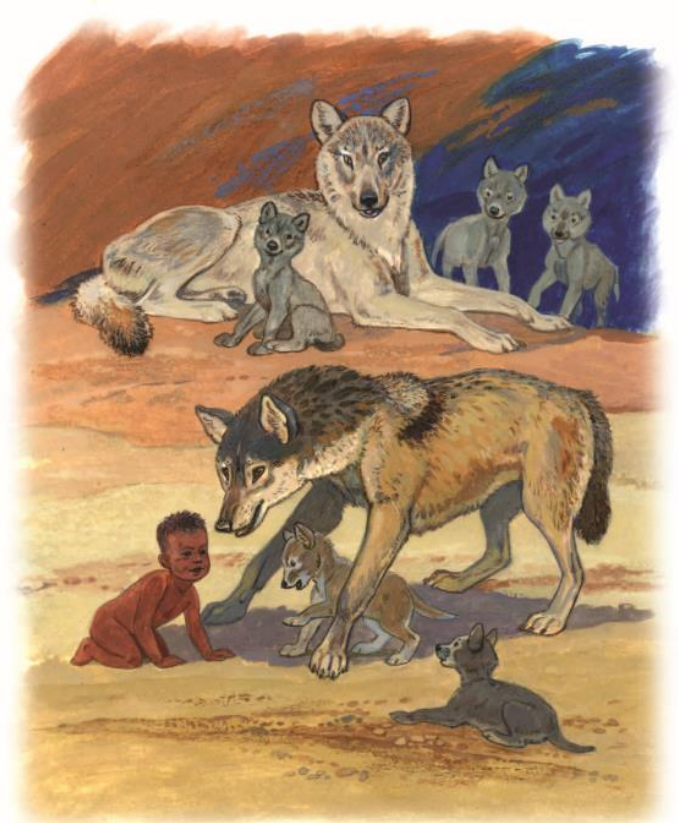
Не трогай детёнышей, коль их не знаешь,
Но будь им сестра или брат.
Хоть сами они невелики и робки,
Но, быть может, медведь у них сват.

Из поучений Балу



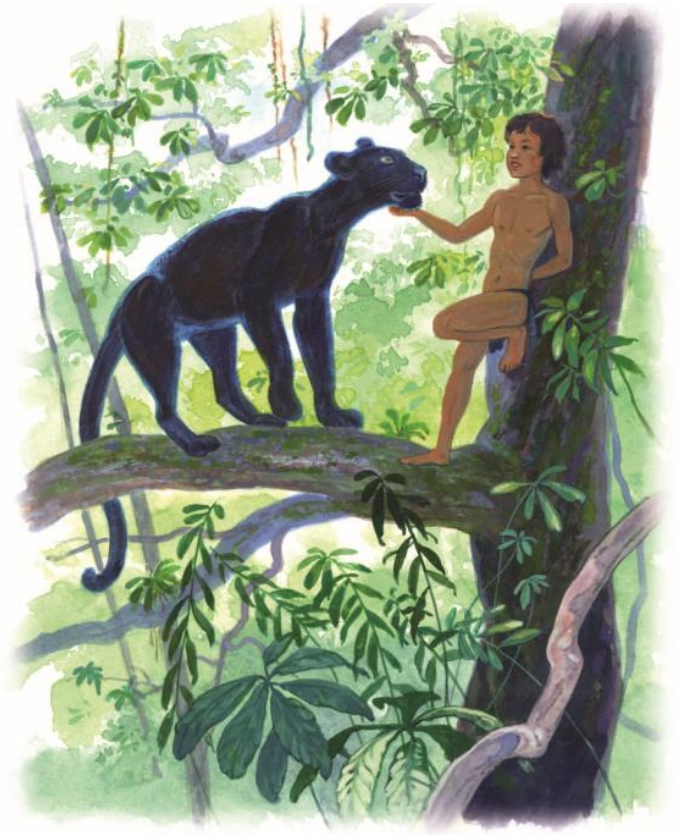
По Закону джунглей убийство, совершённое у мест водопоя, наказывается смертью, если

произошло после провозглашения «водного перемирия». Закон этот исходит из того, что питьё важнее, чем еда.



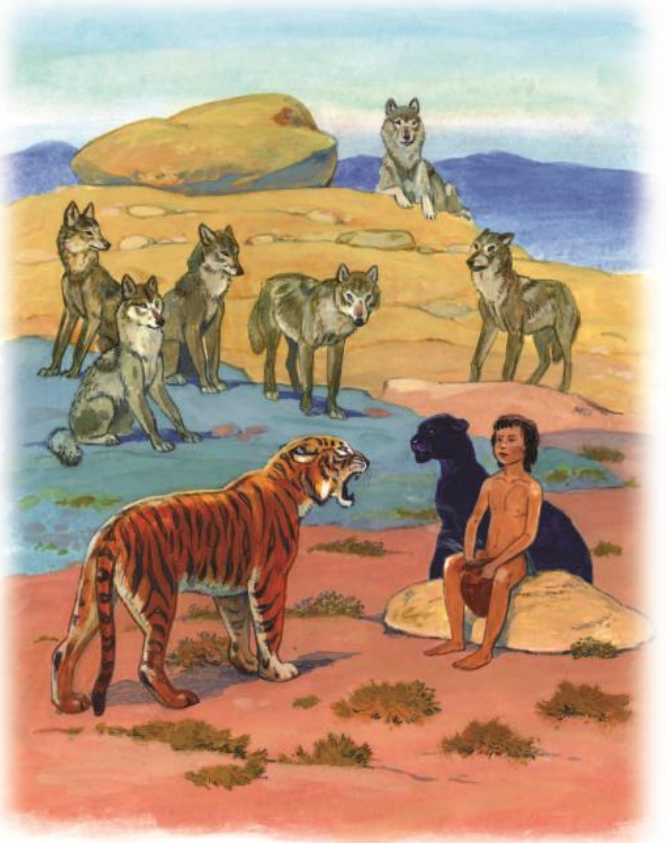
— Какой он маленький и совсем голый, без шерсти! А смелый какой! — засмеялась Волчица,

когда малыш растолкал волчат и добрался до её тёплого бока. — Смотри! Он голодный, как настоящий волчонок. Ишь как присосался!



— О, ты не в счёт — ведь ты детёныш человека, — нежно проговорила Багира. — Но как

я вернулась в свои родные джунгли, так и тебе придётся в конце концов уйти к людям, потому что они твои братья. И если тебя не убьют на совете стаи, ты вернёшься к ним.



— О, Акела, и вы, свободные волки, — голосом слаще мёда диких пчёл промурлыкала Багира, — я, конечно, не имею права говорить на вашем совете, но мне известно, что по Закону джунглей можно выкупить жизнь детёныша, по поводу которого возникает спор.

Охота Каа

I

Всё, о чём здесь пойдёт речь, произошло задолго до того, как Маугли покинул Сеонийские холмы, для того чтобы отомстить тигру Шер-Хану. Наш рассказ относится к той поре, когда Балу наставлял человеческого детёныша в Законе джунглей. Серьёзный бурый медведь не мог нарадоваться на смышлёного ученика. Наука у молодых волков была невелика: заучить из Закона джунглей лишь те наставления, которые касались их стаи или племени. Как только могли без запинки повторить охотничьи стихи, волчата оставляли науку.

Шаг наш не делает шума,
Глаз наш глядит в темноте,
Слух наш внимает дыханию ветра,
Зуб наш сверкает своей белизной —
Так отличаем мы всех наших братьев.
Только Табаки-шакал нам не брат,
Только гиена нам всем ненавистна.

Вот и вся наука, но Маугли, как детёнышу человека, нужно было знать гораздо больше. Нередко

на занятия приходила Багира — посмотреть на своего любимца и полюбоваться им. Глаза её светились от счастья, когда он отвечал Балу свой дневной урок. Мальчик скоро научился прекрасно лазить по деревьям и плавать в реке, поэтому наставник, великий знаток всех законов, счёл необходимым обучить Маугли Закону лесному и Закону водному. Человеческий детёныш должен уметь

отличить подгнившую ветвь от здоровой, чтобы не свалиться с дерева; знать, что сказать диким пчёлам, когда случится проходить мимо их роя; как извиниться перед Мангом, летучей мышью, если вдруг потревожишь её сон среди белого дня, задев ненароком ветку, на которой она отдыхает… Обитатели джунглей не любят, когда нарушают их покой, и всякий напрасно потревоженный первым делом бросается на виновника своего беспокойства.

Затем Маугли выучил клич охотника-чужака, на тот случай, если придётся охотиться за пределами своей территории. Его необходимо было громко повторять, вступив на чужие земли, до тех пор, пока кто-нибудь из местных обитателей не подаст голос. Если передать смысл этого клича на человеческом языке, то получится что-то

вроде: «Позвольте мне поохотиться у вас: я очень голоден», — а ответ такой: «Охоться, но лишь для пропитания, не для забавы».

Маугли нужно было выучить так много, что приходилось сотни раз повторять одно и то же, пока урок не усваивался твёрдо, но Балу всегда, казалось, был недоволен. Однажды Багира застала Маугли в подавленном состоянии духа и со следами колотушек, в то время как Балу наставительно ворчал:

— Раз ты не зверь, а человеческий детёныш, то должен знать все законы.

— Но, Балу, он ведь совсем ещё ребёнок, — пожалела любимца пантера. — Разве могут в такой маленькой головке уместиться все эти мудрёные слова?

— Ну, в джунглях ни с кем не церемонятся, а с маленькими головками меньше всего, поэтому я и хочу заставить его выучить всё, что может быть ему полезно. Ну, конечно, приходится иной раз дать и подзатыльник, чтобы не расслаблялся, но ведь это так, любя, для острастки.

— Ох, Балу! Ты, верно, позабыл, какая тяжёлая у тебя лапа! — с упрёком заворчала Багира. — Смотри, лицо аж распухло. Очень, видно, непроста у тебя наука!

— Пусть лучше распухнет с головы до ног от моих пинков, чем попадёт в беду по незнанию, — серьёзно возразил наставник. — Теперь он учит заклинания, которые будут защищать его от птиц и змей, от хищников, но если ему понадобится помощь, достаточно лишь вспомнить то или иное. Разве зазорно ради этого вытерпеть пару оплеух?

— Всё это, конечно, здорово, но так ненароком и убить можно. Всё же он не дерево, о которое ты можешь сколько угодно точить свои длинные тупые когти… Но довольно об этом. Мне хотелось бы послушать эти самые заклинания, хотя, конечно, сама-то я в них не нуждаюсь, поскольку не привыкла просить о помощи.

И Багира вытянула лапу, распустив свои кривые длинные когти, отливавшие сизым блеском.

Балу позвал Маугли, который успел залезть на дерево, скрываясь от наставника, и тот, спускаясь вниз, проканючил:

— Моя голова гудит, как пень, в котором поселился рой пчёл. И если бы не Багира, я ни за что бы не слез, старый жирный Балу!

— Не груби! — прикрикнул наставник. — Повтори-ка лучше для Багиры те заклинания, что выучил сегодня.

— Это какие? От каких обитателей? — уточ-

нил Маугли, гордый оттого, что может показать разнообразие своих знаний. — Ведь в джунглях множество разных языков, и я знаю их все.

— Ты знаешь ещё очень немного. Видишь, Багира, как мало у них почтения к наставнику. Ведь ни один из молодых волков, которых я обучал, ни разу не пришёл поблагодарить за науку. Скажика нам, как обратиться к охотничьему народу.

— «Мы с тобой одной крови», — продекламировал Маугли, стараясь произносить слова так, как учил Балу и как говорят настоящие охотники джунглей.

— Хорошо. Теперь скажи, как к птицам.

Маугли засвистел, а закончил криком коршуна.

— Ну а теперь — к змеям и другим тварям, — попросила Багира.

В ответ последовали непередаваемые звуки, шипение, свист, и Маугли, довольный собственными успехами, прыгнул на Багиру и принялся скакать у неё на боку, строя гримасы старому Балу.

— Ну вот видишь — мои пинки не прошли даром! — не без нежности заметил Балу. — Придёт время, и ты с благодарностью вспомнишь обо мне.

Затем наставник принялся делиться с Багирой, каких трудов ему стоило добыть эти заклинания, как выпрашивал их у Хатхи, дикого слона, который знает их великое множество; как Хатхи в конце концов согласился взять с собой Маугли к озеру, чтобы подслушать, как обращаться к змеям, поскольку сам Балу выговорить этого не мог. Теперь Маугли, заверил Багиру Балу, поглаживая широкой лапой своё толстое мохнатое брюхо, может считать себя в безопасности и не бояться нежелательных встреч в джунглях, так как ни змея, ни птица, ни зверь его не тронут.

— Да, опасаться некого, кроме собственного племени, — задумчиво проговорила Багира и улыбнулась Маугли: — Да пожалей же ты мои рёбра, Маленький брат! И так уже основательно намял мне бока.

II

Маугли стало скучно, и он уже давно пытался обратить на себя внимание Багиры, увлечённо беседовавшей с Балу: дёргал за шерсть, пинал. Когда наконец ему это удалось, он закричал что есть мочи:

— А вы ещё не знаете, что у меня будет своё племя: я стану его вожаком, и жить мы будем на деревьях.

— Что ты задумал, шалун? О чём это ты говоришь? — встревожилась Багира.

— Да! Да! Мы будем лазить по деревьям и бросаться сучьями и палками в старого Балу! — упрямо заявил Маугли. — Они мне обещали. Вот так!

— Так вот в чём дело! — только и мог выговорить рассвирепевший Балу, и его толстые лапы в один миг сгребли Маугли с Багиры, на боку которой тот лежал. — Значит, без моего ведома ты был у бандерлогов, обезьяньего племени?

Маугли перевёл взгляд на Багиру и увидел, что та не одобряет его поступок. Глаза её стали злыми и холодными, как камни.

— Как ты мог! Эти грязнули, серые обезьяны,

живут без всяких законов, едят что попало! Стыд и срам!

— А зачем Балу меня поколотил? — стал оправдываться Маугли, искоса поглядывая на учителя. — Когда он дал мне подзатыльник, я вскарабкался на дерево, а там сидели серые обезьяны. Они одни меня пожалели.

— Нашёл где искать сочувствия — у обезьян! Да это всё равно что ждать тишины от горного потока или прохлады — от летнего солнца! — фыркнул Балу. — Эх ты, а ещё человеческий детёныш!

— Они ещё угощали меня орехами и вкусными плодами, а затем перенесли на вершину дерева, заверив, что я их брат, что мы одной крови, только у меня недостаёт такого красивого хвоста, как у них, но это не помешает мне стать со временем их вожаком.

— Они никому никогда не подчиняются, — сурово заметила Багира. — Они тебе солгали, как, впрочем, всегда.

— Но они были так добры ко мне и приглашали в гости. Почему вы не пускали меня к обезьяньему племени?

Они такие же, как я: умеют стоять на двух ногах, — пытаются пнуть, как Балу. Весь день

они играют, с ними так весело! Позвольте мне погулять с ними! Сколько можно зубрить? Хочу к обезьянам!

— Послушай меня, человеческий детёныш! — трясясь от злости, заревел Балу. — Говорю первый и последний раз! Я обучил тебя Закону джунглей, языкам местных племён, кроме обезьяньего, потому что у них нет законов и нет своего языка. Они употребляют чужие слова, которые удаётся где-нибудь подслушать. Их жизнь не похожа на нашу, у них нет ни вожаков, ни наставников, они не способны к обучению, не могут долго удерживать что-нибудь в памяти, хотя постоянно хвастаются перед всеми, будто они особый народ, которому предназначено совершить великие подвиги в джунглях. В действительности же достаточно упасть ореху, чтобы они забыли всё, чем только что гордились, или принялись хохотать, а то и ссориться. Мы, уважающие себя обитатели джунглей, стараемся держаться подальше от серых обезьян, не иметь с ними никаких дел. Мы избегаем пить там, где пьют они; не посещаем тех мест, которые они облюбовали; не охотимся там, где можно встретить их, и даже не умираем там, где умирают они. Разве тебе приходилось хоть раз слышать, чтобы мы упоминали о бандерлогах?

— Нет, — едва слышно ответил Маугли, в то время как в лесу стояла тишина, пока Балу говорил.

— Их очень много, и все они злые, грязные, бесстыдные, но очень хотят быть в центре внимания. Мы стараемся не видеть и не слышать их даже тогда, когда они швыряют в нас орехи и сыплют на голову всякую дрянь.

Не успел Балу договорить последнюю фразу, как сверху посыпался град орехов и сучьев и до слуха сидевших внизу донеслись сердитые крики и визг, треск ветвей. Высоко в ветвях огромных деревьев замелькали многочисленные фигурки, выказывавшие явные признаки крайнего раздражения.

Балу, стараясь не обращать на них внимания, продолжил:

— Запомни же: с обезьяньим племенем не станет общаться ни один уважающий себя житель джунглей.

— Да, не станет, — подтвердила Багира. — Но всё же я думаю, что Балу должен был предупредить тебя о его существовании.

— Да разве мог я подумать, что он станет вести компанию с такой мерзостью! Тьфу!

Новый поток всевозможного мусора посыпался им на головы, и собеседники поспешили

покинуть это место. Всё, что говорил Балу про обезьян, было сущей правдой. Обезьяны обитали на самых вершинах деревьев, а звери джунглей редко поднимают головы так высоко, поэтому почти никогда не сталкивались с ними. Тропы их никак не перекрещивались и не сходились, но если обезьянам случалось заметить больного волка или раненого тигра, а то и медведя, они начинали всячески издеваться над ними, из озорства бросались палками или орехами. Желая обратить на себя внимание, они порой начинали отчаянно визжать, кричать или затягивали бессмысленнейшие песни, а то призывали обитателей джунглей вскарабкаться на дерево и сразиться с ними. Могли они также на виду у других зверей затеять между собой ожесточённую драку и загрызть друг друга до смерти, и всё это только для того, чтобы хоть как-нибудь заявить о себе. Они всё время говорили, что хотят выбрать себе вожака, выработать собственные законы и обычаи, но никогда ничего не делали, так как тут же обо всём забывали. Но даже в полном отсутствии памяти они ухитрились увидеть свою заслугу и распустили по джунглям присказку: «О чём бандерлог думает сейчас, о том другие подумают позже», — и очень этим гордились.

Никто из зверей не желал к ним забираться и не удостаивал их своим вниманием. Вот почему обезьяны обрадовались, когда появился Маугли и захотел поиграть с ними, но ещё больше удовольствия они получили, когда услышали, как разозлился Балу.

Обезьяны никогда не исполняют задуманного, да и едва ли способен бандерлог задумываться над чем-нибудь, и потому случайная встреча Маугли с обезьянами не имела бы никаких последствий, если бы у одной из них не зародилась блестящая, как ей показалось, мысль. Она решила, что Маугли может быть очень полезен для всего обезьяньего племени, поскольку умеет связывать из ветвей шалаши, которые хорошо защищают от ветра. Своими соображениями обезьяна поделилась с остальными, и они задумали похитить Маугли, чтобы научил их своему искусству. Маугли как сын дровосека действительно часто делал из ветвей небольшие шалаши, совершенно не задумываясь, кто его этому научил, и обезьяны в своих странствиях по вершинам деревьев не раз видели его за этим занятием и с удивлением наблюдали, как ловко он работает.

Похитив Маугли, они думали приобрести настоящего вожака и благодаря этому стать

мудрейшим народом в джунглях, и тогда все станут преклоняться перед ними, завидовать и удивляться.

Эта мысль так понравилась обезьянам, что они стали следить за Балу, Багирой и Маугли, передвигаясь за ними по вершинам деревьев. Было уже около полудня: в это время джунгли замирали, — и Маугли, уставший и пристыженный, уснул около Багиры, дав себе слово никогда более не иметь никаких дел с обезьяньим племенем.

III

С этими благими мыслями Маугли заснул, а разбудили его странные ощущения, будто ноги его и руки кто-то держит маленькими цепкими пальцами. Окончательно пробудившись, он поначалу ничего не ощущал, кроме свиста бесчисленных веток, хлеставших по лицу. В следующий момент, устремив взор вниз, он увидел Балу, который оглашал джунгли отчаянным рёвом, в то время как Багира прыгала по деревьям, оскалив зубы.

Между тем толпа обезьян с радостным визгом, оттого что задуманное предприятие удалось, неслась с Маугли по вершинам деревьев, куда не осмеливалась подниматься Багира.

— О, нас наконец-то заметили! — раздалось сверху. — Багира смотрит сюда, все обитатели джунглей удивляются нашей находчивости и ловкости.

И обезьяны продолжили свой путь. Невозможно передать словами, как они ориентируются среди огромных деревьев. Там у них есть свои дороги, главные тракты и просёлочные тропы, скрещивающиеся и расходящиеся, то убегающие вверх, то круто спускающиеся вниз, пролегая на

высоте тридцати метров над землёй. Обезьяны могут путешествовать по этим дорогам даже ночью.

Две самые сильные обезьяны, подхватив Маугли под руки, неслись по вершинам шестиметровыми прыжками, хотя могли бы, не будь обременены столь тяжеловесным грузом, передвигаться вдвое быстрее. Как ни был оглушён Маугли всем происходящим, ему пришлось признать, что ощущения от стремительного бега над землёй захватывающие, хоть головокружение и причиняло некоторое неудобство.

Обезьяны, поддерживавшие Маугли, то взмывали к самым вершинам высочайших деревьев, где тонкие ветви гнулись и трещали под ними, то с рёвом и гиканьем неслись вниз, едва не касаясь земли. Временами его взору открывались величественные просторы бескрайнего зелёного моря джунглей, как если бы он смотрел на них с вершины горы, а уже в следующее мгновение приходилось закрывать глаза, чтобы не хлестануло веткой, и передвигаться во мраке.

Так несло своего пленника племя бандерлогов куда-то в глубину джунглей. Временами у Маугли появлялось опасение, что носильщики могут его уронить, становилось страшно, но он хорошо

понимал, что сопротивляться совершенно бесполезно, поэтому, стараясь сохранять спокойствие, пытался обдумать своё положение.

Первым делом надо было как-то подать весточку о себе Балу и Багире. Обезьяны мчались с такой стремительностью, что его друзья наверняка скоро отстали, если и вздумали начать погоню. Внизу, где ничего невозможно было различить, кроме мелькающих веток и сучьев, искать помощи бессмысленно, и Маугли направил свой взор вверх. Вскоре он заметил на огромной высоте, в небесной лазури коршуна, который висел в одной точке, часто взмахивая крыльями, как делают хищные птицы, если заприметили внизу добычу. Заметив, что обезьяны что-то тащат, коршун Чиль камнем упал с высоты, рассчитывая поживиться, но, увидев Маугли в тот момент, когда обезьяны подняли его на вершину дерева, не мог сдержать крик изумления. В эту минуту до него донеслось снизу знакомое: «Мы с тобой одной крови», — но в то же мгновение ветви сомкнулись над головой Маугли. Тогда Чиль полетел к следующей группе высоких деревьев и успел заметить, как среди ветвей мелькнуло лицо мальчика.

— Лети следом! — крикнул ему Маугли. — По-

том извести Балу и Багиру с Сеонийских холмов.

— Как твоё имя, брат?

Чиль никогда не видел Маугли, хотя, конечно, слухи про человеческого детёныша до него доходили.

— Маугли-лягушонок! Смотри не потеряй след!

Последние слова до коршуна донеслись с порывом ветра: обезьяны продолжили свой бешеный вояж сквозь воздушное пространство, — но Чиль кивком дал понять, что услышал, и стал подниматься в высоту, откуда проще следить за передвижением обезьян по сгибающимся и выпрямляющимся ветвям деревьев.

«Они не должны унести его слишком далеко, — сказал себе Чиль. — Бандерлоги никогда ничего не доводят до конца: схватятся за что-нибудь, тут же забудут зачем, да и бросят. Но теперь, похоже, они накликали себе беду. Балу ведь не юнец, а Багира, насколько мне известно, если захочет, умеет ловить не только коз».

С такими мыслями Чиль расправил крылья и принялся парить в высоте.

Меж тем Балу и Багира рвали на себе шерсть от гнева. Багира хотела было пуститься вдогонку, стала карабкаться по стволам деревьев, но ветви гнулись и ломались под тяжестью её тела, и она

сползла вниз, цепляясь когтями и сдирая горы коры.

— И почему ты не предостерёг от этих бандерлогов! — накинулась Багира в бессильной злобе на бедного Балу, который тоже было пустился вслед за обезьянами. — Ну какая польза от твоих колотушек, если ты не сумел его предостеречь?

— Ах, Багира, давай поспешим, может, ещё догоним их! — пробормотал, задыхаясь и сопя, толстяк Балу.

— С твоими-то способностями! Нам, пожалуй, и хромую корову не нагнать, — язвительно заметила Багира. — Эх ты, знаток Закона, только и знаешь, что колотить своих учеников! Где тебе догонять! Ведь ты и мили[2] не пробежишь — лопнешь. Успокойся лучше, и давай подумаем, как быть. Преследовать их бесполезно, да и опасно: могут бросить его, если заметят погоню.

— Ах, беда! Да ведь они, может, уже уронили его, наигравшись: от бандерлогов можно всего ожидать. Пусть посыплются на мою голову летучие мыши! Пусть набьют мой живот почерневшими костями! Пусть засадят меня в дупло с дикими пчёлами, чтобы зажалили до смерти! Пусть заро-

---

2 notes: 2

Миля — путевая мера для измерения расстояния, равная примерно 1,61 км.

ют меня в землю вместе с гиеной, если я не самый последний из всех медведей! Ах, беда, беда! О, Маугли, Маугли! Ну почему я не предостерёг тебя, вместо того чтобы колотить! Пожалуй, сегодня я выбил из него всё, что было в его голове, и он окажется в джунглях совершенно беспомощным без заклинаний!

Балу обхватил лапами голову и в отчаянии принялся рвать на себе шерсть и колотить себя по ушам, воя и катаясь по земле.

— Да успокойся ты! — раздражённо прикрикнула на него Багира, чтобы прекратить нескончаемые причитания. — Ведь совсем недавно он без запинки повторил все заклинания. Довольно, Балу! Право, ты начинаешь терять всякое благоразумие и уважение к себе. Подумай, что бы сказали в джунглях, если бы я, чёрная пантера, стала корчиться и выть, как какой-нибудь дикобраз Икки!

— Что мне до того, как подумают обо мне джунгли, если мой Маугли, возможно, уже мёртв!

— А я не боюсь за нашего человеческого детёныша, если только они не уронят его ненароком или не убьют, когда им надоест с ним возиться. Он достаточно сообразителен и хорошо обучен,

а в придачу у него взгляд, которого боятся все в джунглях. Но самое скверное, что бандерлоги живут на деревьях и поэтому могут не опасаться обитателей джунглей.

Багира замолчала и принялась озадаченно облизывать передние лапы.

— Да как это я мог забыть! — вдруг хлопнул себя лапой по лбу и подпрыгнул на месте Балу. — Ах я старый дурак! Жирный бурый дурак! Как это я забыл! Ведь Хатхи, дикий слон, говорил мне: «Каждый кого-нибудь боится». И у этой шайки бандерлогов есть свой страх. Это Каа, огромный питон. Они к нему питают настоящий ужас. Он умеет взбираться на деревья не хуже их, по ночам крадёт их детёнышей. Одного только его имени достаточно, чтобы заледенела кровь в их хвостах. Так пойдём же поскорее к Каа.

— Ты думаешь, Балу, он захочет для нас что-нибудь сделать? Ведь эта безногая тварь не нашей породы, да и глаза его мне не нравятся: жуткие какие-то.

— Ему очень, очень много лет, он хитёр, но главное — всегда голоден, и это даёт нам надежду: пообещай ему несколько жирных коз, Багира!

— Но, наевшись, он заснёт на целый месяц. Да и теперь уже, может, спит. С какой стати ему нам

помогать, если он сам может добыть себе козу?

Багира мало что знала про то, как живёт Каа, поэтому относилась к предложению Балу обратиться к нему за помощью весьма скептически.

— Ну попытаться-то можно. Мы, старые почтенные охотники, сумеем, думаю, общими силами как-нибудь уговорить его.

Балу потёрся своим полинявшим плечом о бок пантеры, и они отправились к жилищу Каа, горного питона.

IV

Каа, растянувшись на скале, нагретой лучами послеполуденного солнца, любовался своим новым нарядом. Последние десять дней он провёл в глубоком уединении, укрывшись от всех взоров, пока менялась его кожа, и теперь выглядел ослепительно, сверкая своей большой тупоносой головой, свёртывая своё девятиметровое туловище в фантастические узоры и облизываясь в предвкушении обеда.

— Он ещё не ел, — с облегчением сказал Балу Багире, издали взглянув на новый жёлто-коричневый наряд питона. — Будь осторожна, Багира! После того как сменит кожу, он всегда плохо видит и может наброситься, не разобрав, кто перед ним.

Каа не имел ничего общего с ядовитыми змеями, даже презирал их за трусость. Вся сила питона заключалась в могучих кольцах, которыми он обвивает свою жертву и от которых нет спасения.

— Доброй охоты! — крикнул с почтительного расстояния Балу, опустившись на задние лапы.

Подобно собратьям, Каа был туговат на ухо и сначала не расслышал приветствия прибли-

жавшихся охотников, поэтому подобрал своё длинное туловище и опустил голову, изготовившись на всякий случай к нападению, потом наконец ответил:

— Счастливой охоты и вам! Да никак это ты, Балу? Какими судьбами? Доброй охоты и тебе, Багира! Из нас троих по меньшей мере одному было бы неплохо пообедать, ну хотя бы ланью или молодой антилопой. Я чувствую, что пуст, как высохший старый колодец.

— А мы вышли поохотиться и забрели сюда, — с напускной небрежностью проговорил Балу, зная, что Каа нельзя торопить: слишком тяжёл на подъём.

— Если вы не против, я отправился бы с вами, — сказал Каа. — Одним ударом больше, одним меньше — для тебя, Багира, да и для тебя, Балу, это пустяки. Вот я — другое дело: мне приходится порой ждать удачи целыми днями, спрятавшись где-нибудь на лесной тропе, или карабкаться ночью по дереву в надежде раздобыть себе какую-нибудь обезьяну. Да и это нынче редкость. То ли дело было во времена моей молодости! Даже деревья стали другими — всё какая-то гниль: того и гляди сорвёшься и рухнешь в пропасть.

— Не оттого ли всё это, почтенный Каа, что

ты сам стал потяжелее, чем в дни своей молодости? — спросил Балу.

— Да и то правда: что-то я стал длинноват, причём порядочно длинноват, — ответил Каа, не без гордости оглядывая своё извивающееся туловище с новой кожей. — Но всё же кое в чём виноваты и слишком тонкие молодые ветви. Я чуть было не свалился во время последней охоты: поскользнулся и не успел уцепиться хвостом за дерево. В результате проснулись все бандерлоги и подняли такой шум — ругались самыми что ни на есть скверными словами.

— Да, что-то припоминаю. Кажется, «безногий жёлтый земляной червь», — будто бы про себя пробормотала Багира.

— Неужели они такими словами меня обзывали? — прошипел Каа. — Я тогда не расслышал. Ты точно знаешь, Багира?

— Что-то подобное донеслось до меня во время последней луны, но точно не скажу: ведь мы никогда не обращаем внимания на то, что делается у обезьян. Они, помнится, болтали ещё разный вздор: будто ты стал совсем беззубый и можешь нападать только на козлят, потому что боишься рогов взрослого козла. Да ты не принимай так близко к сердцу всю эту болтовню! Нет на свете

гадости, на которую были бы не способны бандерлоги.

Обыкновенно змеи, а в особенности такие старые и почтенные питоны, как Каа, редко выказывают свой гнев, но на сей раз Балу и Багира, к своему удовольствию, заметили, что его шейные мускулы раздулись от едва сдерживаемого негодования.

Немного успокоившись, Каа сказал:

— Бандерлоги решили переселиться в другое место. Когда я грелся на солнце, до меня доносились их крики с вершин деревьев.

— И мы… и мы вот тоже идём по их следам, — путаясь в словах, сказал Балу.

Впервые в жизни ему пришлось сознаться открыто перед охотником джунглей, что его интересуют обезьяны, и от стыда слова из его горла выходили с величайшим трудом.

Каа с удивлением взглянул на Балу.

— Наверное, есть какие-то очень важные обстоятельства, если такие славные охотники идут по следам бандерлогов? — очень любезно, но с нескрываемым любопытством спросил Каа.

— Да, есть, — начал Балу, — хотя я уже не охотник, а наставник молодёжи в изучении Закона джунглей. Зато Багира…

— А Багира просто Багира, — отрезала чёрная пантера, прерывая Балу и щёлкая челюстями, поскольку вовсе не имела желания скромничать. — Да, Каа, у нас очень важное дело. Эти негодяи, воришки и грязнули похитили у нас сегодня человеческого детёныша, о котором ты, вероятно, слышал.

— Да, помнится, Икки — который, кстати, вечно хвастается своими иглами! — что-то такое говорил, но я тогда не особенно ему поверил. У Икки всегда целый короб разных историй, но он всегда их путает, притом заикается и скверно пересказывает.

— Но про человеческого детёныша он сказал правду, — заметил Балу. — Это самый умный, ловкий и сильный из моих учеников и наверняка со временем прославится на все джунгли. И к тому же я… мы очень любим его, Каа.

— Тсс! — прошипел Каа, покачивая головой. — Ия знавал в своё время, что такое любовь; мог бы кое-что порассказать…

— Такие истории лучше слушать ясными лунными ночами, на сытый желудок, — прервала его Багира. — А теперь давайте вернёмся к делу. Маугли похитили бандерлоги, а всем известно, что это племя во всех джунглях боится одного

лишь Каа.

— Да, правда, они меня боятся, — и у них имеются на это веские причины, — самодовольно заметил Каа. — Болтливые, безумные, тщеславные — вот всё, что можно сказать про серых обезьян. Никогда не знаешь, что придёт в их пустые головы в следующую минуту. То орехи начинают швырять с деревьев, а то, бывает, целый день носятся с какой-нибудь веткой, воображая, что заняты делом, а затем ни с того ни с сего ломают её пополам и кидают. Я не завидую человеческому детёнышу, если он действительно у них. Так, говоришь, они обзывали меня жёлтой рыбой?

— Червём, а не рыбой, — червём, жёлтым земляным червём, да и не только так, а ещё и иными скверными словами, которых мне и не выговорить, — такие они худые.

— Мы сумеем им напомнить, как должно отзываться о своём господине! Сумеем поправить их короткую память! Скажите лучше, куда они направились с вашим детёнышем.

— Одни джунгли это знают. Думаю всё же, к западу, — ответил Балу. — А ты разве не знаешь, Каа?

— Я? С какой стати? Да, когда они мне попада-

ются, я их хватаю, но на бандерлогов не охочусь, как не охочусь на лягушек или другую подобную дрянь.

— Вверх! Взгляните вверх! Эй, Багира и Балу с Сеонийских холмов, поднимите головы! — вдруг раздался чей-то крик.

Все трое устремили взоры в небеса и увидели парящего прямо над ними коршуна Чиля, крылья которого переливались в лучах заходящего солнца. Целых полдня Чиль летал над джунглями во всех направлениях, высматривая медведя и пантеру, и наконец-то нашёл. Приближалось время, когда обычно коршун отправлялся на ночной отдых после дневной работы.

— В чём дело? — спросил Балу.

— Маугли попросил меня передать вам от него весточку. Я проследил, куда унесли его бандерлоги: это за рекой, в Холодных Пещерах — так называется обезьяний город. Они могут провести там и одну ночь, и десять, а может, всего час. Летучие мыши проследят за ними. Вот и всё, что я хотел вам сказать. А теперь мне пора на отдых. Счастливой охоты всем вам!

— Спокойного тебе сна и полного желудка, Чиль! — крикнула ему вслед Багира. — Я не забуду поблагодарить тебя после ближайшей охоты:

принесу лично тебе целую голову, о лучший из коршунов!

— Пустяки, не стоит! Ваш детёныш знает заклинание, и я не мог отказаться исполнить его просьбу.

— Значит, он не забыл то, чему я его учил! — с удовлетворением заметил Балу, когда коршун улетел. — Подумать только: такой малыш, а припомнил нужные слова, хотя в этот момент его таскали по деревьям!

— Видно, ты крепко вколотил в него свою науку, Балу. Я тоже горжусь им. А теперь нам нужно спешить к Холодным Пещерам.

Все трое знали, где находится это место, но мало кто из жителей джунглей там бывал. Дело в том, что Холодные Пещеры — это развалины города, давно покинутого и погребённого в глубине джунглей. Звери не любят селиться там, где раньше жили люди. Только дикие кабаны туда захаживали, но охотничий народ избегал этого места. Не стеснялись селиться здесь одни обезьяны, если так можно выразиться, поскольку они вообще вряд ли где-нибудь селятся. Остальные уважающие себя звери старались обходить эти развалины стороной и заглядывали сюда только во время сильной засухи, так как в полуразвалив-

шихся водоёмах покинутого города всегда можно было найти хоть немного воды.

— Мы будем там не раньше полуночи, и то если поспешим, — сказала Багира, поглядывая на Балу, который имел весьма озабоченный вид.

— Я постараюсь идти побыстрее, — неуверенно проговорил толстяк.

— Давай поступим так: мы с Каа пойдём, но ты не старайся поспевать за нами, а иди по нашим следам, ведь тебе за нами не угнаться, — предложила Багира.

— Хоть у меня и нет ног, но я не отстану от твоих четырёх лап, — самодовольно прошипел Каа, и оба охотника пустились в дорогу.

Балу попытался поначалу не отставать от товарищей, но очень скоро был вынужден признать, что это ему не под силу, и Багира с Каа скрылись в глубине леса. Каа, не говоря ни слова, не отставал от пантеры. Дорогу пересекал горный поток, и Багира легко его перепрыгнула, тогда как Каа пришлось пускаться вплавь, поэтому он слегка отстал, но потом, посуху, очень скоро её нагнал.

— Клянусь сломанным замком, что дал мне свободу, ты очень неплохой ходок! — похвалила спутника Багира, когда на джунгли спустился ночной мрак.

— Так со мной бывает, если я голоден. Как там они меня обозвали… пятнистой жабой?

— Червём, земляным червём, да вдобавок жёлтым!

— Ах, негодяи! Ну да всё равно. Скорее вперёд! — И Каа вытянулся на земле, отыскивая кратчайшее направление.

V

А обезьянье племя, примчавшись в Холодные Пещеры, и не подозревало, что ему может что-то угрожать. Бандерлоги притащили Маугли в покинутый город и, забыв обо всём на свете, предались веселью. Маугли никогда раньше не видел индусских городов, и хотя его окружали одни развалины, место ему очень понравилось и показалось чудом искусства. Этот город на холме был построен в давние времена каким-то раджой. Ещё можно было заметить следы мощёных дорог, которые вели к городским воротам: от них сохранились остатки брёвен, висевшие на петлях. Все развалины заросли деревьями; зубцы на стенах обвалились, а из бойниц на башнях свешивались густые лианы. Вершину холма увенчивал дворец с обвалившейся кровлей. Мрамор, которым были вымощены водоёмы, его окружавшие, потрескался, и фонтаны ушли в глубокие щели. Мощёные внутренние дворы, где содержались ручные слоны, заросли бурьяном и кустарником. С кое-где сохранившихся стен дворца можно было увидеть ряды домов с провалившимися крышами, которые оставляли

впечатление пустых ячеек пчелиных сотов, старых, почерневших, покрывшихся плесенью. На перекрёстке четырёх дорог, в центре небольшой площади, стояла бесформенная каменная глыба, представлявшая собой, без сомнения, какую-то святыню. На углах улиц можно было обнаружить остатки общественных колодцев, густо заросших травой. На провалившихся куполах храмов возвышались дикие смоковницы. Обезьяны называли это место своим городом и трезвонили повсюду, что презирают обитателей джунглей за то, что те живут в лесу. Но они не знали, что это были за сооружения, для чего они были воздвигнуты и как ими пользоваться.

Водворившись в Холодных Пещерах, обезьяны первым делом уселись в кружки в главном зале дворца, где в былые времена собирался придворный совет, и принялись сосредоточенно искать друг у друга блох, уверенные, что именно так поступают люди. Скоро это занятие им наскучило, и они начали носиться по стенам и обвалившимся кровлям, собирать камни и куски штукатурки и складывать в углу. Но и это продолжалось недолго. Временами то тут, то там вспыхивали потасовки, кто-то кричал и верещал. Потом игры возобновлялись. Обезьяны взбирались на дере-

вья, срывали плоды и цветы, швыряли друг в друга что ни попадя. Они заполнили все коридоры и подземные ходы, кто-то прыгал, иные, напротив, парами или небольшими группами степенно прохаживались по террасам дворца, уверенные, что именно так ведут себя люди. Утоляя жажду в водоёмах или прудах, они мутили воду, затевали драки и оставляли после себя горы мусора. Когда им надоедало развлекаться в своём городе, они возвращались на деревья в соседнем лесу и всеми силами старались привлечь к себе внимание обитателей джунглей. Например, забравшись повыше, верещали на всю округу: «Эй, кто из вас сравнится мудростью, добротой, силой и ловкостью с нами, великими бандерлогами?»

Маугли вырос в строгом подчинении Закону джунглей, и ему очень не понравился образ жизни обезьян, которого он не мог понять. В Холодные Пещеры его притащили уже к исходу дня, и он очень устал и хотел отдохнуть после столь продолжительного путешествия, но обезьяны, вместо того чтобы оставить его в покое, принялись водить вокруг него хороводы и орать глупейшие песни. Одной из них вдруг вздумалось сказать речь, суть которой заключалась в том, что с появлением в их стае Маугли открывается

новая страница в истории бандерлогов: их скоро научат переплетать ветки и стебли, чтобы защищать себя от стужи и дождей. И стоило Маугли взять стебель какого-то ползучего растения и покрутить от скуки в руках, как все обезьяны тотчас повторяли его действие. Прошло всего несколько минут, это занятие им надоело, и они принялись хватать друг друга за хвосты и с неистовыми криками прыгать на четвереньках.

— Мне хочется есть! — постарался перекричать их Маугли. — Принесите мне что-нибудь или позвольте поохотиться.

Десятка два-три обезьян тотчас пустились на поиски орехов, но по дороге подрались, потеряли большую часть того, что собрали, потом решили, что не стоит возвращаться с такой незначительной добычей, и выбросили оставшееся. Страдая от скуки и голода, Маугли принялся бродить по развалинам, выкрикивая время от времени охотничьи заклинания, но все его попытки получить ответ от какого-нибудь местного охотника оставались бесплодными. Очень скоро он понял, что место, куда он попал, пользуется дурной славой, и подумал: «Всё, что говорил Балу про это племя, истинная правда: у них нет ни законов, ни обычаев — вообще ничего. Их существование

складывается из воровства и бессмысленной болтовни. Если ничего не предпринимать, меня либо убьют, либо я сам погибну от голода».

Размышляя, Маугли подошёл к городской стене, но обезьяны тут же бросились к нему и потащили обратно, пытаясь втолковать ему при помощи щипков, что он не понимает своего счастья: ведь он попал в лучшее место на земле, за что должен быть им благодарен. Маугли, стиснув зубы, молча последовал за обезьянами на террасу, расположенную над водоёмами из красного песчаника, до половины наполненными дождевой водой. В самом центре возвышался павильон из белого мрамора, построенный для цариц, живших сотни лет назад. Куполообразная кровля его провалилась, загородив обломками подземный ход, через который царицы обыкновенно приходили из дворца. Ажурные, великолепной работы стены сверкали агатом, сердоликом, ляпис-лазурью. Взошла луна, и тени от этих украшений легли на террасе в виде чёрного бархатного кружева. Злой, голодный и сонный, Маугли всё же не мог удержаться от смеха, когда бандерлоги в двадцатый раз принялись повторять, какое они мудрое, сильное, великое племя и какое безумие было бы с его стороны пытаться покинуть их.

— Мы великое свободное племя! На нас все смотрят и восхищаются нами. Мы, бесспорно, самый достойный народ в джунглях! Мы так думаем, значит — так и есть на самом деле!

Ораторы вещали один за другим, и слушать их собралась целая толпа.

— Теперь, когда узнал правду про нас, ты можешь сообщить всем жителям джунглей, кто мы такие.

Маугли не возражал, и они друг за другом принялись воспевать доблести бандерлогов. Если вдруг какому-то оратору случалось замолчать, чтобы дать себе передышку, то вся тысячная толпа выкрикивала:

— Истинная правда! Мы так думаем.

Маугли от скуки поддакивал и, закрывая глаза, кивал, когда они слишком приставали к нему с вопросами, тем более что у него голова шла кругом от всего этого гама. «Табаки, что ли, перекусал их и они посходили с ума? Бешеные все. Разве они никогда не спят? Хоть бы облачко закрыло луну! Можно попытаться в темноте улизнуть. Как же я устал!»

О том же мечтали его приятели, прятавшиеся в канаве возле стены. Багира и Каа хорошо знали, как опасно встречаться со стаей обезьян, и по-

тому не решались нападать открыто. Обезьяны вступают в бой только тогда, когда видят своё численное преимущество: примерно сотня на одного, — ив джунглях найдётся не много охотников, которые осмелились бы сражаться с ними в таких условиях.

— Я направлюсь к западной стене, — прошипел Каа, — и потом быстро спущусь оттуда прямо на них. Они не осмелятся броситься на меня, будь их даже целые сотни, но на всякий случай…

— Отлично! — прервала его Багира. — Ах, если бы здесь был Балу! В любом случае нам нужно действовать, как бы там ни было. Как только это облако покроет луну, я прыгну на террасу. Они, кажется, устроили там вокруг Маугли какое-то совещание.

— Счастливой охоты, — сказал Каа и пополз к западной стене.

Она была разрушена менее других частей, и потому питону пришлось потратить некоторое время на то, чтобы отыскать для себя между камнями подходящее отверстие. Облако наконец закрыло луну, и в то самое время, когда Маугли ожидал следующего, более крупного облака, чтобы попытаться бежать, на террасе послышались знакомые лёгкие шаги. Чёрная пантера взбежала

на террасу почти без шума и стала наносить лапами мощные удары направо и налево, отчего обезьяны, окружившие Маугли плотным кольцом, падали замертво. Террасу наполнил вой взбешённых бандерлогов. Багира извивалась, прыгала, каталась среди груды наваленных тел. Вдруг одна из обезьян, словно опомнившись, закричала:

— Она одна! Одна! Убить её! Убить!

И плотная масса обезьян, кусаясь и царапаясь, вцепилась в Багиру, в то время как пять-шесть других подхватили Маугли и потащили вверх, на крышу павильона, и столкнули в отверстие обвалившегося купола. Обыкновенный человек, падая с такой высоты на каменный пол, наверняка расшибся бы насмерть, потому что там было добрых пять метров, но Маугли прошёл у Балу хорошую школу и научился падать как нужно и потому невредимо встал на ноги.

— Ну вот и хорошо: оставайся здесь, пока мы не расправимся с твоими друзьями, — заверещали сверху обезьяны. — А потом продолжим игры с тобой, если ядовитое племя оставит тебя в живых.

— Мы с тобой одной крови, — поспешил прошипеть по-змеиному Маугли, едва только коснулся

ногами пола.

Дело в том, что в Индии всякая развалина рано или поздно становится местопребыванием змей, и потому павильон кишел кобрами. Маугли слышал отовсюду шорохи — то ползали змеи — и шипение и для большей уверенности ещё раз повторил заклятие для змеиного племени.

— Отлично, отлично! Можете все успокоиться и опустить свои капюшоны! — раздалось в темноте с полдюжины голосов. — Старайся стоять смирно, Маленький брат, а то ненароком придавишь ещё кого-нибудь.

Маугли замер, наблюдая через ажурную решётчатую стену за кипевшим вокруг чёрной пантеры боем, прислушиваясь к доносившимся звукам: воплям, крикам, брани, хриплому глубокому дыханию Багиры и глухим ударам о землю тел обезьян, наседавших на неё. Первый раз в своей жизни Багира билась, защищая свою жизнь.

«Балу тоже должен быть где-то рядом: Багира не могла прийти одна», — подумал Маугли и закричал что было силы:

— К водоёмам, Багира! Пробирайся к водоёмам! Бросайся в воду!

Багира услыхала этот крик, и сознание, что Маугли невредим, придало ей сил и вселило в неё

бодрость. Сгруппировавшись, она как огромный шар покатилась прямо на плотную массу обезьян, не переставая рассыпать удары. В эту минуту со стороны полуразрушенной стены, обращённой к джунглям, раздался воинственный рёв Балу:

— Багира! Я здесь, почти на стене! Я спешу. Ах, проклятье! Чёртовы камни! Держись! Уже иду! О, поганые бандерлоги!

Отдуваясь и пыхтя, медведь показался наконец на террасе, но тотчас исчез с головой в куче облепивших его обезьян, а через мгновение уже появился. Балу принялся хватать обезьян и колотить друг о друга. Некоторое время Маугли не слышал ничего, кроме равномерных неторопливых глухих звуков, подобных ударам лопастей водяного колеса. Потом до его слуха донёсся всплеск воды: Багира проложила-таки себе дорогу к пруду и теперь в безопасности.

А чёрная пантера, основательно уставшая, тем временем вытянулась в воде, выставив на поверхность лишь голову. Бандерлоги обступили её со всех сторон плотным кольцом, готовые броситься, но к самой воде не приближались. Соображая, как бы помочь Балу, Багира вспомнила, что в водоёме водятся змеи, и, несмотря на огромную неприязнь, решилась обратиться к ним:

— Вы и я одной крови…

Балу, полузадавленный тяжестью насевших на него обезьян, не мог удержаться от крика изумления, когда услышал, что чёрная пантера просит о помощи. Похоже, Багира решила, что Каа струсил и убежал.

Но она ошиблась: Каа не обманул своих друзей, а долго не мог пробраться через западную стену. Осторожно передвигая своё длинное тело, он медленно сползал вниз, пользуясь малейшими неровностями, чтобы уложить поудобнее кольца.

Всё время, пока Балу отбивался, а Багира сидела в воде в окружении верещавших обезьян, Манг носился по окрестностям и разносил весть о великой битве в джунглях. Шум битвы донёсся и до дикого слона Хат-хи, и тот, затрубив в хобот, разбудил всех на многие мили вокруг, в том числе и других обезьян.

Новые толпы бандерлогов повскакивали со своих мест и помчались на помощь к собратьям в Холодные Пещеры. Проснулись и дневные птицы, и звери, и насекомые.

VI

Наконец-то на террасу, где Балу охапками отбрасывал наседавших на него обезьян, но уже начинал терять силы, стрелой влетел Каа, вложив в удар всю мощь своего тела.

Представьте себе копьё или молот весом полтонны, который раскачивается и управляется живой рукояткой, и сможете понять, на что способен питон. Полутораметровый питон ударом головы может сбить с ног взрослого человека, а Каа был покрупнее: метров девять. Его первый удар пришёлся в самый центр толпы, облепившей Балу, и второго уже не потребовалось: обезьяны с криками: «Каа! Это Каа! Бегите, спасайтесь!» — разлетелись кто куда.

Дело в том, что многие поколения обезьян воспитываются и растут под впечатлением от историй о Каа, ночном разбойнике, способном неслышно скользить по ветвям деревьев и, как пёрышко, хватать своим мощным телом самую сильную обезьяну. Старый питон может притвориться веткой дерева или гнилым стволом, и на эту уловку попадаются даже самые мудрые обезьяны. Ничего не подозревая, они садятся

на него, и мёртвая ветвь мгновенно оживает и хватает добычу. Каа — единственное существо в джунглях, которого панически боятся обезьяны, и ни одна из них не может даже сказать, насколько велика мощь и сила Каа, потому что никто ещё не выходил из его объятий живым.

Вот почему, едва только разнёсся крик «Каа! Каа!», обезьяны в ужасе бросились во все стороны, полезли на крыши, на стены домов, оставив наконец Балу в покое. Старый толстый медведь уже задыхался от усталости и боли. Пусть его мех был много гуще, чем у Багиры, но и он сильно пострадал. Каа тем временем раскрыл рот, в первый раз за всё время битвы, и так зашипел, что у всех обезьян шерсть встала дыбом. Услышав это грозное шипение, обезьяны мгновенно застыли, и ветви под ними согнулись и затрещали. Неподвижно застыли в своих позах и те обезьяны, которые забрались на стены и в пустые дома. Над разрушенным городом водворилась гробовая тишина, и Маугли мог слышать, как Багира выходит из воды и отряхивается, но продолжалось это недолго. Оправившись от первого приступа ужаса, обезьяны опять полезли на стены, облепили зубцы укреплений и каменных идолов, оглашая воздух безумными криками.

Маугли метался тем временем в павильоне, пытаясь через ажурные стены увидеть, что происходит за стенами его тюрьмы, и кричал по-совиному, выражая тем самым своё презрение к обезьянам.

— Каа, вытащи человеческого детёныша из западни: я не в силах ему помочь, — попросила Багира. — Поспеши, пока эти твари не пришли в себя.

— Они не посмеют и шевельнуться, пока я не позволю, — грозно прошипел Каа, и над городом опять воцарилась тишина. — Прости, раньше прийти никак не мог, хотя как будто, если не ослышался, до моего слуха донеслась… твоя просьба.

Уловив иронию в его голосе, пантера смутилась:

— Я… да, я могла крикнуть что-нибудь такое, не помня себя.

Ей было ужасно стыдно за подозрения к питону, и она поспешила переключить внимание на Балу:

— А ты как? Не ранен?

— Да я до сих пор не могу сказать с уверенностью, что цел, — медленно проговорил Балу, потрясая одна за другой лапами. — Как они меня

отделали! На моём теле нет местечка, которое бы не болело! Каа, я должен тебе сказать, что мы с Багирой жизнью… Если бы не ты…

— Пустяки! — оборвал его Каа, очень, впрочем, довольный. — А где же человеческий детёныш?

— Я здесь, в западне, вылезти не смогу! — выкрикнул Маугли из павильона с обвалившимся верхом.

— Да уберите же его отсюда! Он тут скачет как павлин — того и гляди передавит всех наших детёнышей, — зашипели кобры изнутри давно облюбованного ими для проживания павильона.

— Вот молодец! — удивился Каа. — Всюду у него друзья! Ну-ка, детёныш, отойди в сторону, а вы, ядовитое племя, спрячьтесь: попытаюсь проломить стену.

Каа внимательно осмотрел сооружение и остановил свой взор на одном участке стены, где по резьбе шли трещины. Для начала два-три раза он толкнулся туда головой, словно примериваясь, а затем, подняв голову метра на два выше тела, ударил по-настоящему в стену. Хватило с полдюжины ударов, чтобы постройка не выдержала и рухнула, подняв облако пыли. Когда пыль рассеялась, в образовавшемся отверстии показался Маугли и тотчас бросился в объятия к друзьям

— поочерёдно от Багиры к Балу.

— Ну как ты, цел? — то и дело повторял Балу со всей нежностью в голосе, на которую только оказался способен.

— Я зол, голоден, но совершенно невредим в отличие от вас: вы оба порядочно потрёпаны и в крови!

— Ну, не только мы: другим тоже досталось, — возразила Багира, облизывая лапы и кивая на тела обезьян на террасе и около водоёма.

— Всё это пустяки, не стоит и говорить. Хорошо, что ты цел, мой маленький Лягушонок, моя гордость, — проворчал Балу.

— Не лучше ли все эти нежности оставить на потом? — проскрипела Багира таким неприятным тоном, что даже Маугли удивился. — Не забывайте, что успехом нашего предприятия — а ты, Маугли, жизнью — мы обязаны Каа. Так поблагодари же его согласно нашим обычаям.

Маугли повернул голову и только теперь заметил огромного питона.

— Так это он человеческий детёныш? — проговорил Каа. — Какая у него нежная кожа, и как похож он на бандерлогов! Смотри, детёныш, будь осторожен: как бы я невзначай не принял тебя за обезьяну в сумерках. Когда сходит кожа, зрение у

меня становится хуже.

— Но мы с тобой одной крови, — возразил Маугли. — Я не забуду, что обязан тебе жизнью, и моя добыча будет твоей добычей, если тебе вдруг случится голодать, Каа.

— О, премного благодарен, Маленький брат, — усмехнулся Каа, сверкая глазами. — А что же может добыть такой смелый охотник? Я потому спрашиваю, что не прочь как-нибудь поохотиться с ним.

— Я никого не убиваю: ещё слишком мал, — но умею загонять коз к настоящим охотникам. Когда твой желудок будет пуст, приходи ко мне и увидишь, правду ли я говорю: тут у меня достанет ловкости! Ну а если тебе случится угодить в западню, я смогу отдать долг. Я помню, чем обязан тебе, Багире и Балу. Счастливой вам всем охоты!

— Хорошо сказано! — пробормотал Балу.

Питон приблизил свою голову к плечу Маугли:

— Смелая душа и ловкий язык! Ты далеко пойдёшь в наших джунглях, детёныш. Ну а теперь вместе со своими друзьями лучше уходи отсюда. Ступай спать, потому что луна уже скоро покинет небосклон и начнётся такое, что тебе лучше не смотреть.

Луна скрывалась за склонами гор, и в её невер-

ном свете ряды дрожащих обезьян, выстроившихся вдоль стен и зубцов башен, выглядели какими-то странными украшениями, которые колышет ветер. Балу направился к водоёму попить, а Багира принялась приводить в порядок шкуру. Каа между тем выполз на середину террасы и, широко разинув пасть, звонко сомкнул челюсти. От этого резкого звука обезьяны, не спускавшие с него глаз, вздрогнули.

— Луна уходит, — проговорил Каа. — Достаточно ли для вас светло?

Со стен пронёсся жалобный звук, подобный завыванию ветра:

— Мы видим, о Каа.

— Отлично. Теперь сидите смирно и смотрите. Это «Пляска голода».

Его тело свернулось кольцами, голова покачивалась из стороны в сторону. Затем Каа начал выделывать разные фигуры: восьмёрки, треугольники, — медленно свивая и разворачивая своё бесконечное туловище, ни на минуту не останавливаясь, не ускоряя и не замедляя движения, ни на минуту не прекращая своё шипение. Становилось темнее и темнее, пока все эти бесконечно изменявшиеся кольца не стали сливаться в одну движущуюся массу чего-то огромного,

бесформенного, откуда неслись шипение, свист, шелест чешуи.

Балу и Багира стояли неподвижно, словно окаменели; из горла у них вырывался хриплый стон, шерсть на спине поднялась дыбом. А Маугли смотрел на это и ничего не понимал.

— Бандерлоги, — раздался наконец голос Каа, — можете ли вы шевельнуться без моего приказания? Отвечайте!

— Нет, могучий Каа, без твоего приказания мы не можем шевельнуть ни рукой, ни ногой.

— Отлично. Приказываю: приблизьтесь ко мне на один шаг.

Ряды обезьян дрогнули, качнулись, как будто от ветра, и все сделали по шагу к Каа. Вместе с ними шагнули вперёд Багира и Балу.

— Ближе! — прошипел Каа, и все подчинились, кроме Маугли.

Оставаясь неподвижным, он положил руки на Балу и Багиру, пытаясь их задержать, и только они почувствовали прикосновение, как оба вздрогнули, словно пробудившись от тяжёлого сна.

— Положи руку мне на плечо, — прошептала Багира, — и не снимай, а то я войду прямо в глотку к Каа.

— Что с вами? Ведь перед вами не кто иной, как Каа: кружится себе, поднимая пыль, — удивился Маугли. — Пойдёмте отсюда!

Друг за другом они скользнули в отверстие в стене и скрылись в джунглях.

Балу едва дышал, когда они остановились отдохнуть от быстрого бега. Привалившись к дереву, всё ещё вздрагивая, он проговорил:

— Чтобы я ещё хоть раз обратился за помощью к этому живоглоту?

— Он знает много больше нас, — сказала Багира, тоже вздрагивая. — Если бы не Маугли, я, наверное, сама шагнула бы к нему в глотку.

— Там окажутся многие ещё до того, как взойдёт луна, — добавил Балу. — У него сегодня будет удачная охота, хотя и своеобразная.

— Объясните же мне, что с вами было! Я ничего не понимаю, — попросил Маугли. — Я ведь тоже смотрел на него, но никакого желания идти к нему в пасть не испытывал. Обыкновенный змей, только огромный и с разбитым носом.

Маугли расхохотался, но Багира прикрикнула на него и пояснила:

— Всё случилось по твоей вине. Пострадал не только нос питона, но и мои уши и бока, а также шея и плечи Балу. Мы не сможем теперь несколь-

ко дней охотиться.

— Ну, довольно, всё это пустяки! — вмешался Балу. — Главное — всё закончилось и человеческий детёныш опять с нами.

— Всё так, только очень дорого он нам обошёлся. Вместо того чтобы охотиться, мне пришлось воевать с этими тварями, но самое ужасное, из-за него я, чёрная пантера, была вынуждена просить о помощи Каа. Из-за него мы, словно пичужки, чуть не оказались у питона в пасти. И всё из-за того, что кому-то вздумалось поиграть с бандерлогами.

— Да, ты права: я виноват, — огорчённо признался Маугли. — Я гадкий человеческий детёныш.

— Ну-ка, Балу, напомни, что говорит на этот счёт Закон джунглей, — усмехнулась Багира.

Балу очень не хотелось причинять Маугли неприятности, но изменить Закон джунглей он не мог и свято его чтил.

— Закон гласит: «Раскаяние не отменяет наказания», — пробормотал он неохотно. — Но не надо забывать, что наш Лягушонок ещё очень мал.

— Я это помню. Но он совершил проступок и должен понести за это наказание. Ну, что скажешь на это, Маугли?

— Ничего. Я виноват. Вы с Балу из-за меня пострадали. Закон совершенно справедлив.

Багира отвесила Маугли с полдюжины затрещин, которые, вероятно, даже не разбудили бы спящего детёныша пантеры, окажись он на его месте, но для семилетнего ребёнка наказание было довольно серьёзным. Маугли не проронил ни звука.

— А теперь, — сказала Багира, — прыгай ко мне на спину, Маленький брат, и пойдём домой.

Закона джунглей суров, но справедлив. Одной из его замечательных сторон было то, что понесённое наказание полностью оправдывает совершившего проступок, так что никто ему больше об этом не напоминает.

Маугли устроился на спине Багиры, опустил голову и тут же заснул крепким сном. И не пробудился даже в родной пещере, на груди у Волчицы-матери.

Дорожная песня бандерлогов

НЕСЁМСЯ МЫ ШУМНОЙ ТОЛПОЙ ПО ВЕТВЯМ,
ТО ВНИЗ УСТРЕМЛЯЯСЬ, ТО ВВЕРХ, К НЕБЕСАМ.
ЛЮБУЙТЕСЬ ЖЕ, ГЛЯДЯ НА НАШ ХОРОВОД,
КРИЧИТЕ:
«ВЕЛИК И ПРЕМУДР БАНДЕРЛОГ!»
ВЫ ЗЛИТЕСЬ, НА НАШ ГЛЯДЯ НОС,
НА ЦЕПКИЕ РУКИ И МОЩНЫЙ ХВОСТ?
ВАС ЗАВИСТЬ ТОМИТ? НУ ЧТО Ж – ПУСТЬ ТОМИТ.
ЛЮБУЙТЕСЬ,
КАК ХВОСТ НАШ ПРЕЛЕСТНЫЙ ВИСИТ!

МЫ ЧИННО УСЕЛИСЬ РЯДКОМ НА ВЕТВЯХ,
СОБРАЛИСЬ МЫ ДУМАТЬ О ВАЖНЫХ ДЕЛАХ.
УВИДИТЕ СКОРО, ЧТО МЫ СОВЕРШИМ,
ВСЕ ДЖУНГЛИ ПРОСЛАВИМ, ВЕСЬ МИР

УДИВИМ.

ДАВАЙТЕ Ж ПРИСТУПИМ! ОДНО ТОЛЬКО СЛОВО,

МИНУТКА-ДРУГАЯ – ВОТ ВСЁ И ГОТОВО.

КУДА Ж МЫ ТОРОПИМСЯ, БРАТЦЫ, ОПЯТЬ?

ПУСТЯК,
И НЕ СТОИТ О ТОМ ТОЛКОВАТЬ.

ВЕДЬ ДЕЛО НЕ ЗВЕРЬ И ОТ НАС НЕ СБЕЖИТ!

ЛЮБУЙТЕСЬ,
КАК ХВОСТ НАШ ПРЕЛЕСТНЫЙ ВИСИТ!

И ВСЁ, ЧТО УСЛЫШИМ ОТ ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ,

ОТ МЫШИ ЛЕТУЧЕЙ, ОТ РЫБ ИЛИ ЗМЕЙ,

В МИНУТУ-ДРУГУЮ МЫ ЖИВО ПОЙМЁМ,

ВСЮ МУДРОСТЬ ЗЕМНУЮ ОТ НИХ ПЕРЕЙМЁМ.

И ВСЕ В ОДИН ГОЛОС ВОСКЛИКНЕМ: «ЧУДЕСНО!

КАК УМНО! КАК МИЛО! ЕЩЁ РАЗ!

ПРЕЛЕСТНО!..»

МЫ, ПРАВО, ПОХОЖИ ВО ВСЁМ НА ЛЮДЕЙ,

ЧЕМ ХУЖЕ МЫ ИХ? НУ ТАК К ДЕЛУ СКОРЕЙ!

ДА, ВПРОЧЕМ, НЕ СТОИТ СПЕШИТЬ. НЕ ГОРИТ!

ЛЮБУЙТЕСЬ,
КАК ХВОСТ НАШ ПРЕЛЕСТНЫЙ ВИСИТ!

ТАК В ПУТЬ, ДРУЗЬЯ, СКОРЕЙ! ВПЕРЁД БЕЖИМ, СПЕШИМ!

ТО ВВЕРХ МЫ УСТРЕМИМСЯ, ТО ВНИЗ МЫ ПОЛЕТИМ.

ПУСТЬ СВИЩУТ МИМО ВЕТВИ! КАК ВАЖНО МЫ ШУМИМ!

АХ,
ЧУДЕСА КАКИЕ МЫ СКОРО НАТВОРИМ!

Река иссякла, нет воды,

И нет ужаснее беды.

И рот в огне, и бок в пыли,

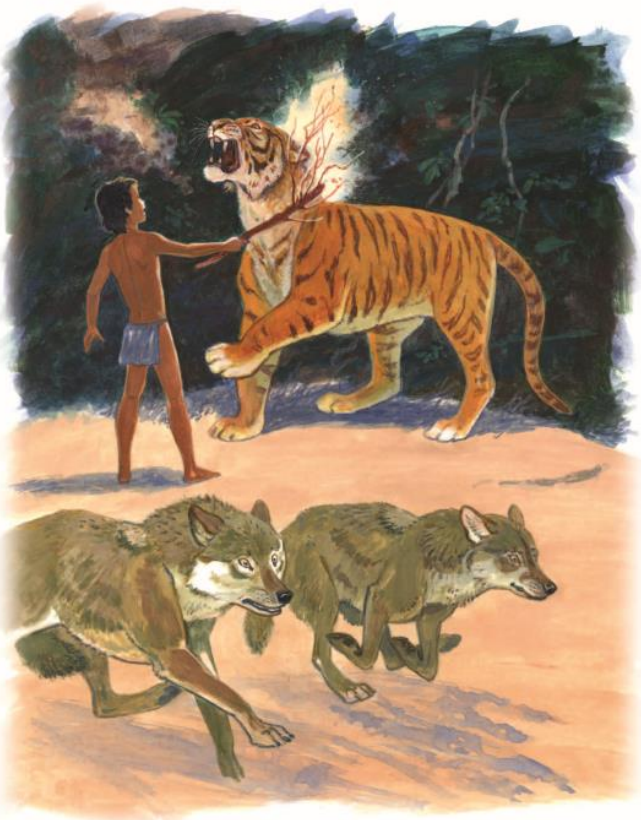
Плетёмся хмуро вдоль мели,

Измученные жаждой злой.

Мы не враги. На водопой

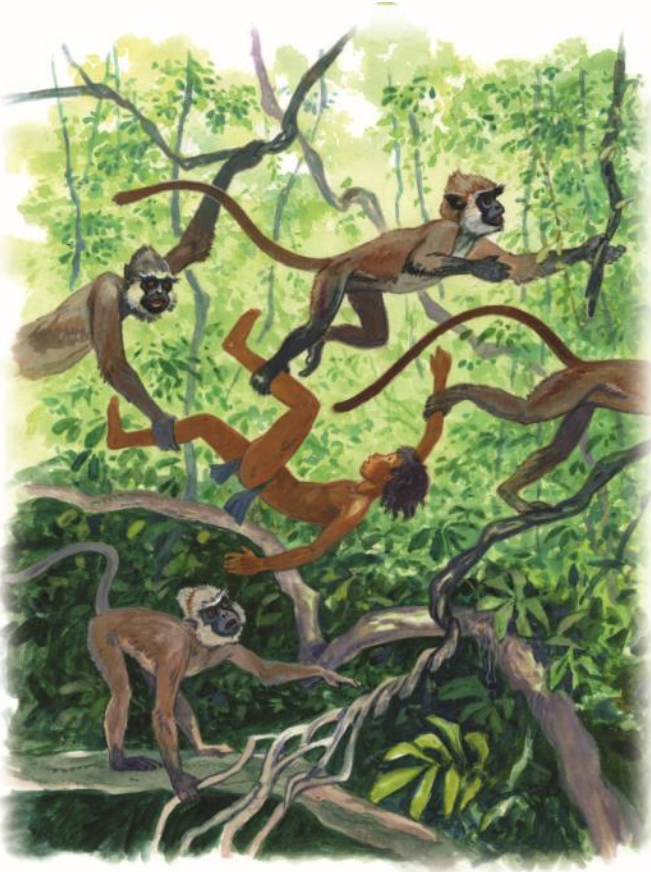
Пришли и лань, и волк, и слон —
Все в джунглях чтят один Закон.
Вот там олень, а здесь в тени
Пантера – враг его родни.
Ключи иссякли, нет воды.
Стоим как братья – я и ты.
Мы влаги ждём, когда весной
Небесный дождь пройдёт с грозой.
Он «перемирье» прекратит,
«Охоты доброй!» – загремит.

Из закона джунглей



— Поднимайся, трусливый пёс! Не смей сидеть, когда к тебе обращается человек, или я подожгу твою шкуру!

Шер-Хан прижал уши к голове и прищурил от страха глаза, почувствовав пылающий сук прямо у своей морды.

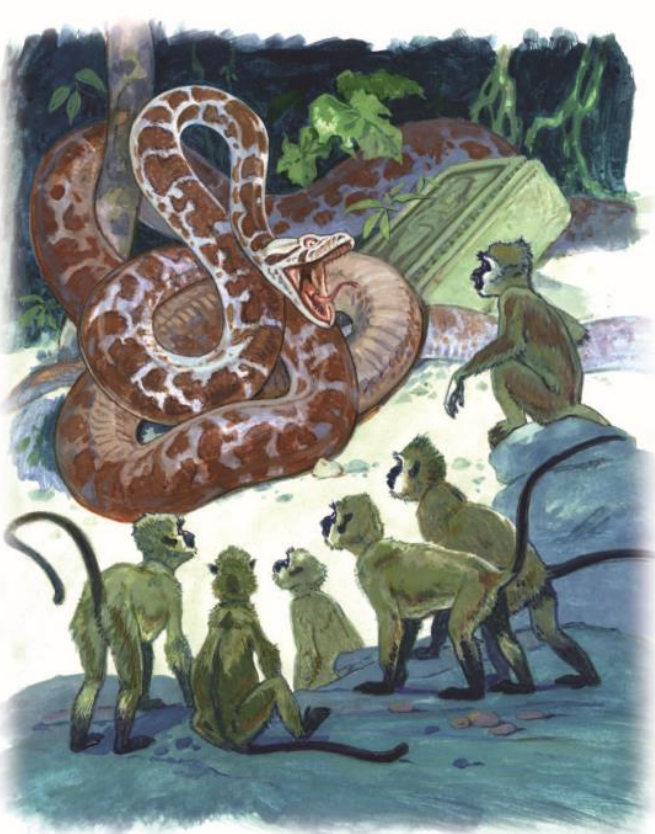


Похитив Маугли, они думали приобрести настоящего вожака и благодаря этому стать мудрейшим народом в джунглях, и тогда все станут преклоняться перед ними, завидовать и удивляться.

— Счастливой охоты и вам! Да никак это ты, Балу?

Какими судьбами? Доброй охоты и тебе, Багира! Из нас троих по меньшей мере одному было бы неплохо пообедать, ну хотя бы ланью или молодой антилопой.

Я чувствую, что пуст, как высохший старый колодец.



Каа тем временем раскрыл рот, в первый раз за

всё время битвы, и так зашипел, что у всех обезьян шерсть встала дыбом. Услышав это грозное шипение, обезьяны мгновенно застыли, и ветви под ними согнулись и затрещали.

Откуда страх пошёл

I

Закон джунглей, без сомнения, самый древний на земле. Он даёт возможность улаживать всякие недоразумения, какие только могут произойти с обитателями джунглей. Благодаря своей древности и справедливости Закон джунглей можно назвать совершенным.

Мы знаем, что большую часть своей жизни Маугли провёл среди волков на Сеонийских холмах, где обучался Закону джунглей у бурого медведя Балу. Когда случалось, что ученику надоедало заучивать длинные наставления, Балу старался доказать ему, что хорошо знать Закон джунглей очень важно. Он, говорил Балу, подобен гигантской лиане: плотно обхватывает всякого, кто бы то ни был, и никто не может ускользнуть из его мощных объятий.

«Когда ты поживёшь на свете с моё, Маленький брат, сам увидишь, что всё в джунглях повинуется одному Закону. И случаются такие моменты в жизни их обитателей, когда видеть Закон в действии — зрелище не из приятных», — говорил Балу.

Но подобные разговоры прилежанию мальчи-

ка не способствовали — в одно ухо влетали, из другого вылетали. Маугли предпочитал есть или спать, а если и останавливал над чем-либо своё внимание, то только в том случае, если это било ему прямо в глаза. Так было до тех пор, пока не пришёл год, который подтвердил справедливость слов Балу и Маугли действительно увидел, что все джунгли живут под властью одного общего Закона.

Началось это с того, что в течение зимы почти не было дождей. И вот однажды дикобраз Икки, встретив в бамбуковых зарослях Маугли, посетовал, что совсем пропал дикий ямс. Надо заметить, что Икки необычайно прихотлив в выборе пищи и ест всё только самое вкусное и свежее, поэтому Маугли не придал никакого значения его словам и только рассмеялся:

— Ну и что с того? Пропал так пропал!

— Сейчас тебя это не волнует, — обиделся Икки, съёживаясь и щёлкая своими иглами, — но придёт время, и заговоришь иначе. А не знаешь ли, случайно, купаются ли теперь в глубоком пруду, что пониже Пчелиного утёса?

— Нет, перестали: эта бестолковая вода куда-то ушла, и теперь там так мелко, что можно голову сломать, если прыгать с утёса, — небрежно отве-

тил Маугли, будучи уверен, что знает обо всём, что делается в джунглях.

— Знаешь, небольшая встряска твоей голове не повредила бы: может, поумнеешь, — заметил Икки, живо свёртываясь, чтобы Маугли не схватил его за длинные жёсткие усы.

Когда Маугли поделился услышанным от Икки с Балу, тот вдруг стал очень серьёзен и проворчал, словно про себя:

— Будь я один, не замедлил бы переменить место охоты. Но чтобы отвоевать себе такое право, пришлось бы выдержать битву. А что, если с человеческим детёнышем приключится вдруг несчастье? Нет, нужно подождать, пока зацветёт магнолия.

Но этой весной любимое дерево Балу не цвело совсем. Желтовато-зелёные, точно восковые, бутоны осыпались от жары, так и не успев распуститься, и когда Балу, поднявшись на задние лапы, стал трясти дерево, сверху упало всего несколько лепестков, да и те засохшие, с неприятным запахом.

Так страшная сушь постепенно добралась до самого сердца джунглей, захватывая их шаг за шагом, налагая на всё свой мертвенный — сначала жёлтый, затем коричневый и, наконец,

чёрный — отпечаток.

Зелёные заросли, обвившие стены ущелий, высохли и стали похожи на обугленные канаты и ржавую проволоку. Скрывавшиеся в глубине леса пруды пересохли, сохранив по краям отпечатки ног и лап, твёрдые, точно каменные. Сочные лианы, обвивавшие вершины деревьев, повысыхали и свалились на землю. Обожжённый солнцем бамбук раскачивался на ветру, издавая сухой мертвенный треск, а мох, который покрывал повсюду в джунглях скалы, высох и обнажил камень, такой же голый и горячий, как тёмные голыши на берегах пересохшей реки.

Птицы и обезьянье племя давным-давно перекочевали ближе к северу, почуяв несчастье, надвигавшееся на джунгли. Лани и дикие свиньи в отчаянии устремились к человеческим поселениям, к мёртвым, высохшим полям, и многие из них там погибли, часто на глазах поселян, тоже слишком истощённых голодом, чтобы их прогнать. И только коршун Чиль день ото дня становился всё жирнее, поскольку всюду было полно падали. По вечерам, возвращаясь на отдых, он приносил зверям, которые чувствовали себя слишком слабыми, чтобы отправиться искать новые места для охоты, свежие новости. И вот

однажды он сообщил, что солнце сожгло почти все джунгли: на расстоянии трёх дней полёта в любую сторону всё выгорело дотла.

Маугли, который до сих пор не знал, что такое голод, дошёл до того, что питался старым мёдом, который доставал из покинутых ульев в скалах, хотя он был чёрен, как плоды дикой сливы. Разыскивал себе пищу он и в дуплах деревьев, под корой, даже ос ел.

Все звери в джунглях превратились в скелеты, обтянутые кожей, и Багире пришлось усиленно охотиться, чтобы хоть немного притупить голод, не говоря уж о том, чтобы наесться досыта. Но гораздо страшнее была жажда. Обитатели джунглей пьют не часто, зато помногу.

А ситуация всё ухудшалась: исчезали последние источники влаги, — и наконец, настало время, когда русло Вайнганги стало единственным местом, где можно было найти воду. И вот дикий слон Хатхи, которому было лет сто, а может, и больше, в один из этих тяжёлых дней увидел прямо посреди русла реки длинный голубоватый утёс. Он знал, что это утёс Мира, который раньше скрывала вода. Хатхи поднял хобот и огласил окрестности трубным звуком, объявляя «водное перемирие», как это делал пятьдесят лет назад его

отец. Лани, дикие свиньи, буйволы подхватили возглас Хатхи и повторили своими хриплыми, ослабевшими голосами. Коршун Чиль со свистом кружил над джунглями, возвещая о «перемирии» всех обитателей. По Закону джунглей убийство, совершенное у мест водопоя, наказывается смертью, если произошло после провозглашения «водного перемирия». Закон этот исходит из того, что питьё важнее, чем еда. Каждый из обитателей джунглей может что-нибудь раздобыть, даже если нет настоящей дичи, но вода остаётся водой, и её ничем нельзя заменить. Если осталось единственное место, где можно добыть воду, то любая охота в его окрестностях прекращается.

В обычное время, когда воды достаточно, всякий, кто приходит на водопой к берегам Вайнганги или иному месту, рискует заплатить за ожидаемое удовольствие жизнью. И надо сказать, именно этот риск вынуждает зверей прибегать к различным ухищрениям. Многие звери научились передвигаться среди ночного мрака так, чтобы не шелохнулся ни единый листок. Другие забираются на водопой в самый центр бурно несущегося потока, который заглушает все звуки. Как приятно напиться, когда не надо всё время оглядываться, чтобы в любое мгновение быть

готовым к безумно-отчаянному прыжку.

Но не все звери готовы соблюдать осторожность. Молодые олени, например, напротив, подвергают себя опасности и находят в этом ни с чем не сравнимое удовольствие. Они заходят по колено в воду, шумно фыркают, стараясь привлечь к себе внимание.

А ещё здорово поваляться на песчаном берегу, вернуться к стаду с полным брюхом и мокрой мордой. Так развлекались молодые, с лоснящимися рогами олени, наслаждаясь своей силой и ловкостью. А то, что в любой момент из засады мог выскочить Шер-Хан или Багира и схватить смельчака, лишь усиливало наслаждение.

Но теперь всем этим забавам, играм в жизнь и смерть наступил конец. Обитатели джунглей: тигр, медведь, буйвол, кабан — плелись к высыхающей реке, истощённые и обессиленные, чтобы попить мутной воды и тут же свалиться в воду, так как ни у кого не хватало сил, утолив жажду, тотчас тронуться с места.

Олень и кабан целыми днями бродили по лесу в поисках чего-нибудь посущественнее, чем сухая кора или мёртвые листья. Буйволы напрасно искали тенистые ложбины, в которых привыкли отдыхать, и зелёные поля, чтобы полакомиться

всходами. Змеи покинули джунгли и спустились к реке в надежде поймать пёструю лягушку. Здесь они и лежали — неподвижные, свернувшись вокруг камней, — и даже не пытались защищаться от свиней, которые, роясь в земле в поисках пищи, нарушали их покой. Речных черепах уже давно истребила Багира, самый ловкий из охотников, а рыбы забрались глубоко в тину и замерли там как мёртвые. И среди обмелевшей реки выступала длинная змеевидная лента утёса Мира, у подножия которого лениво плескались слабые волны и тут же высыхали, едва успев коснуться раскалённой поверхности.

II

Сюда, к утёсу Мира, в поисках прохлады и общества пришёл однажды ночью и Маугли. Если бы здесь нашёл его теперь самый голодный из его врагов, то едва ли пожелал бы даже взглянуть на жертву. Из-за своей голой, ничем не покрытой кожи он казался ещё более истощённым и жалким, чем все другие его товарищи по несчастью. Его волосы выцвели и побелели от солнца; из-под кожи, подобно прутьям корзины, торчали рёбра, мозоли на коленях и локтях из-за частого передвижения на четвереньках придавали его высохшим ногам и рукам вид узловатых стеблей. И только глаза по-прежнему сверкали спокойно и холодно на костлявом лице.

Багира, его наставник и опекун в эти непростые дни, посоветовала как можно меньше двигаться, охотиться не торопясь и никогда, что бы там ни произошло, не терять присутствия духа.

— Да, все мы переживаем не лучшие времена, — сказала в один из вечеров, дышавших жаром раскалённой печи, своему любимцу чёрная пантера. — Но они всё же пройдут, как проходит всё. А как твой желудок, детёныш? Наверное, пуст?

— Нет, чем-то набит, но мне от этого не лучше. А что, если дожди к нам никогда не вернутся?

— Не отчаивайся! Мы ещё увидим, как цветёт магнолия, как у ручьёв пасутся маленькие жирные козлята. Пойдём-ка к утёсу Мира и послушаем, кто что говорит, узнаем новости. Садись ко мне на спину, Маленький брат.

— Нет, теперь не время таскать тяжести. Я всё же могу ещё передвигаться на своих ногах, без помощи, хотя, по правде говоря, мы с тобой не очень-то похожи на жирных быков.

Багира посмотрела на свои выступавшие рёбра, облезшие бока и тихо проворчала:

— Прошлой ночью я убила быка под ярмом. Представляешь, до какого унижения я дошла? Думаю, броситься на того же быка, будь он без ярма, не осмелилась бы. Ох, тяжело!

Маугли в ответ грустно засмеялся:

— Да, можно сказать, мы стали великими охотниками! Вот и я тоже охочусь… Угадай на кого?.. На земляных червей!..

Друзья направились через сухие заросли к берегу реки, куда вела целая сеть отмелей, бороздивших русло во всех направлениях, и вскоре к ним присоединился Балу.

— Вода не продержится долго, — сказал он,

подходя к ним. — Взгляните на тот берег: колеи как дороги у людей.

С высокого каменистого берега, по которому они спускались, был виден противоположный, низинный, сплошь покрытый сухой высокой травой. Широкие тропы, протоптанные оленями и дикими свиньями к воде, бороздили выцветшую низину берега тёмными пыльными полосами. Был ранний час, и по каждому такому проходу, проложенному в сухих зарослях травы, двигались гуськом к воде звери. Их сопровождали облака пыли, до слуха доносились звуки возни ссорившихся детёнышей.

Выше по течению, где река делала поворот, около утёса Мира, этого стража «водного перемирия», стоял слон Хатхи с тремя своими детёнышами. Сейчас, при свете луны, он казался совсем тощим и серым. Некоторые слоны стояли, раскачиваясь из стороны в сторону, чуть ниже расположились толпы оленей, а за ними — свиньи и дикие буйволы. На противоположном, скалистом берегу, где высокие деревья спускались к самой воде, собрались хищные звери: тигры, волки, пантеры, медведи.

— Счастливой охоты всем, кто одной со мной крови! Над всеми нами царит один Закон. Это

так! — проговорила Багира, стоя в воде и поглядывая на ряды ударявшихся друг о друга рогов и больших выпученных глаз на противоположном берегу, где толпились олени и сновали свиньи.

Утолив жажду и растянувшись передохнуть на отмели, чёрная пантера едва слышно сквозь зубы процедила:

— Не будь этого Закона, как чудесно можно было здесь поохотиться!

Чуткие, насторожённые уши оленей уловили её бормотание, и тотчас тревожный шёпот пронёсся по рядам:

— «Перемирие»! Не забывай о «перемирии»!

— Успокойтесь, тихо! — прогремел Хатхи, дикий слон. — Багира, соблюдай Закон! Теперь не время говорить об охоте.

— Да кто же лучше меня знает это? — возразила Багира, повернувшись туда, где стоял Хатхи. — Я давно уже ем черепах, ловлю лягушек. Фи! Было бы лучше, если бы я могла жевать траву и ветки.

— И для нас тоже так было бы лучше, — проблеял с противоположного берега маленький оленёнок, который явился на свет только в этом году и ещё не успел узнать вкус ветвей.

Как ни были подавлены несчастьем обитатели джунглей, но, услышав эти слова, не смогли удер-

жаться от смеха, а Маугли, опираясь на локти и шлёпая по воде ногами, хохотал до упаду.

— Ничего, безрогий малыш, — прошипела Багира. — Когда кончится «перемирие», я припомню тебе эти слова, только попадись.

III

Весь берег был наполнен гулом голосов. Можно было разобрать недовольное из-за тесноты хрюканье и визг свиней, ворчание буйволов, бродивших по отмелям, жалобное сетование оленя на то, что не смог найти себе корм. Время от времени кто-то из животных обращался с каким-нибудь вопросом к хищникам на противоположном берегу, но отовсюду приходили самые невесёлые вести. Между тем палящий ветер с шумом носился по джунглям, свистел между скалами, трещал высохшими стеблями, ломал сухие сучья и сбрасывал в реку.

— И люди тоже бедствуют: мрут прямо около своих плугов, — поведал молодой замбур. — Только вчера видел троих: лежали неподвижно, а рядом с ними — буйволы. Скоро и нас ждёт такая участь.

— А вода в реке ещё больше упала за день, — заметил Балу. — Скажи, Хатхи, приходилось ли тебе на своём веку видеть подобную засуху?

— Всё проходит, и это пройдёт, — глубокомысленно проговорил слон, пуская хоботом струю воды себе на спину.

— Среди нас не все способны долго переносить эту беду, — сказал Балу, с беспокойством глядя на Маугли.

— Это ты про меня, что ли? — недовольно спросил тот, бултыхаясь в воде. — Правда, на мне нет такой шубы, чтобы скрыть торчащие рёбра, но если тебя подстричь…

Хатхи аж вздрогнул, когда до него донеслись эти слова, а Балу прикрикнул:

— Человеческий детёныш! Следовало бы почтительнее обращаться к тому, кто обучает Закону. Меня никто никогда не видел без шкуры.

— Нет, Балу, я не имел в виду что-то оскорбительное. Мы с тобой оба сейчас похожи на кокосовые орехи, только ты в шелухе, а я — без. Вот если бы снять с тебя эту бурую шелуху…

Закончить фразу Маугли не успел: Багира протянула свою пушистую лапу и отвесила ему подзатыльник, опрокинув в воду.

— Час от часу не легче! — буркнула чёрная пантера, когда голова Маугли показалась над водой. — Сначала Балу надо подстричь, а теперь он превратился в кокосовый орех. Берегись, как бы с тобой не сделали того же, что происходит со зрелыми кокосовыми орехами.

— И что же это такое?

— Падают на землю и разбиваются, — спокойно ответила Багира и дала ему ещё одну оплеуху.

— Нехорошо подтрунивать над своим учителем, — проворчал Балу, когда Маугли был выкупан в третий раз.

— Срам! Вот до чего мы дожили! Какой-то голыш шляется повсюду, снуёт между нами и позволяет себе по-обезьяньи издеваться над теми, кого все признают за самых лучших охотников, а подчас доходит до того, что таскает за усы самих ветеранов!

Не трудно догадаться, кто произнёс эти слова: конечно же, Шер-Хан, хромой тигр, тоже приковылявший к воде. Остановившись на минутку, чтобы насладиться смятением в рядах оленей на противоположном берегу от его внезапного появления, он опустил в воду свою квадратную лохматую голову и принялся лакать воду, время от времени останавливаясь, чтобы проворчать словно про себя:

— Джунгли не место для игр какого-то голого детёныша. Ну-ка попробуй посмотреть на меня, ты, человеческое отродье!

Маугли обернулся и в упор уставился на тигра самым вызывающим образом. Не прошло и минуты, как Шер-Хан с неудовольствием заворчал

и отвернулся.

— «Человеческий детёныш» да «человеческий детёныш»! Только и слышишь что про него! — буркнул тигр, принимаясь опять пить. — Да он вовсе и не человек, похоже, иначе боялся бы меня. Если будет так продолжаться, то, глядишь, скоро придётся просить у него разрешения, чтобы воды испить!

— А что, пожалуй, и придётся, — усмехнулась Багира, глядя тигру в глаза. — Как знать… Фи, Шер-Хан, что это за гадость ты притащил сюда?

Как только хромой тигр опустил морду в воду, по реке пошли какие-то тёмные маслянистые пятна.

— Это человечина! Убил час назад, — небрежно произнёс Шер-Хан и отошёл в сторону, продолжая что-то ворчать себе под нос.

По всей толпе зверей, слышавших последние слова тигра, прошло волнение и пронёсся тревожный шёпот, потом стал громче и скоро перешёл в крики:

— Человека! Вы слышали? Он убил человека!

Взоры всех присутствующих обратились к дикому слону, который всё так же стоял, как будто не замечал происходящего. Хатхи не торопился принимать решения и делал всё в своё время.

Может, в этом и заключается одна из причин, что он так долго живёт.

— В такое время, как теперь, да убить человека! Разве не нашлось дичи? — гневно проговорила Багира, выходя из воды и брезгливо отряхивая лапы.

— Я убил его не пропитания ради, а просто так! — заявил тигр.

После этих слов по рядам зверей опять прошёл ропот ужаса, а зоркие маленькие глазки Хатхи гневно блеснули в сторону Шер-Хана.

А тот продолжал бахвалиться:

— Да, именно так! А сюда пришёл, чтобы напиться и вымыться! И кто мне это запретит?

У Багиры поднялась вся шерсть, спина начала выгибаться подобно бамбуковому стеблю на ветру, что свидетельствовало о крайней степени раздражения, но тут Хатхи вдруг решительно поднял хобот и спокойно спросил:

— Так ты убил из интереса?

Если Хатхи задаёт вопрос, то молчать не принято: лучше ответить, и поскорее.

— Да, из интереса. Это была моя ночь и моё право. Тебе это должно быть хорошо известно, Хатхи, — как можно почтительнее сказал Шер-Хан.

— Да, я знаю. — Слон немного помолчал, потом спросил: — Ты уже напился?

— На ночь хватит.

— Тогда уходи. Только хромому тигру могло прийти в голову хвастаться своим правом в такое трудное время, когда все мы страдаем, и люди не меньше нас, обитателей джунглей! Убирайся в своё логово, Шер-Хан!

Слоны угрожающе шагнули к тигру, но это оказалось излишне: Шер-Хан быстро шмыгнул в сухие заросли, не издав ни звука. Как и все в джунглях, он знал, что слово Хатхи — закон.

— О каком это праве говорил сейчас Шер-Хан? — шёпотом спросил Маугли у Багиры. — Ведь убить человека всегда позор. Разве не так говорит Закон? А между тем Хатхи его просто прогнал…

— Спроси лучше у него самого, Маленький брат. Если бы Хатхи не вмешался, я проучила бы этого хромого мясника. Прийти к утёсу Мира, убив человека, да ещё хвастаться этим! Только шакал способен на подобную гадость. И к тому же влез в чистую воду!

Маугли подождал с минуту, тщательно обдумав вопрос, как это было принято у зверей, прежде чем обратиться к Хатхи, затем громко и чётко спросил:

— О каком это своём праве упоминал Шер-Хан, о повелитель?

Оба берега как эхо повторили вопрос Маугли, так как никто из обитателей джунглей не мог скрыть своего любопытства. И слова тигра, и ответ ему Хатхи были непонятны для всех, кроме Балу, который молчал, никак не выказывая любопытства, углубившись в свои мысли, как будто знал что-то такое, чего не знали другие.

— Это очень старая история, — медленно проговорил Хатхи, — старше, чем сами джунгли. Если успокоитесь — я обращаюсь к обоим берегам, — то я расскажу вам её.

Минуту-другую дикие свиньи и буйволы ещё потолкались, пофыркали, затем их вожаки повторили один за другим: «Мы готовы слушать», — и Хатхи, сделав несколько шагов по воде, приблизился к утёсу Мира. Как ни был он худ и стар, как ни были жёлты его бивни, тем не менее выглядел он так, что ни у кого не оставалось сомнений: перед ним повелитель джунглей.

— Всем хорошо известно, — начал Хатхи, — что из всех существ самый опасный для зверя — человек.

Все в один голос подтвердили, что повелитель прав.

— Эта история касается и тебя, Маленький брат, — шепнула Багира Маугли.

— Меня? С какой стати? Ведь я из стаи свободного племени! — удивился Маугли. — Что общего у меня с человеком?

— Да, мы боимся человека, — продолжил Хатхи. — И расскажу вам почему. В начале джунглей (а когда это было, никто не знает) мы, их обитатели, жили вместе и не боялись друг друга. В те времена не бывало засух, листья, цветы и плоды росли на деревьях, и никто из нас ничего другого, кроме этих даров природы и коры, не ел.

— Какое счастье, что я не жила в то время, — проворчала Багира. — Кора годится только для того, чтобы точить о неё когти.

IV

В те времена повелителем джунглей был Тха, Первый слон: это он хоботом вытащил джунгли из глубины вод. Там, где он проделывал своими бивнями в земле борозды, бежали реки, где ударял ногами, возникали пруды и озёра с чистой водой, а куда дул хоботом, поднимались деревья. Вот так и были созданы джунгли. В таком виде эта история дошла до меня.

— Будем надеяться, что по пути она не отощала, — прошептала Багира, а Маугли фыркнул, прикрывшись ладошкой.

— В те времена ещё не было ни пшеницы, ни дынь, ни перца, ни сахарного тростника, не было и хижин, которые каждый из нас видит теперь. Обитатели джунглей тогда ничего ещё не слыхали про человека: все племена жили вместе, как один народ, — но вскоре начались ссоры из-за мест кормёжки, хотя всего было вдоволь. Слишком разленился народ, всем хотелось иметь пищу под боком, в том самом месте, где было лежбище, как случается иногда и теперь с вами, когда выпадает хорошая, дождливая весна. Тха, Первый слон, был меж тем занят дальнейшим

устройством джунглей. Сам он не мог поспевать всюду и потому назначил Первого тигра старшиной и судьёй в джунглях, к которому народ должен был обращаться за решением всех споров. В те времена

Первый тигр питался, как и все прочие звери, плодами и травой. Это был такой же громадный, как я, зверь с великолепной жёлтой, как цветок, шерстью без пятен или полос. Всякий тогда шёл к нему без страха, и его слово было законом.

И вот случилось так, что однажды ночью между двумя оленями возникла ссора — поспорили из-за пастбища, как бывает и между вами, когда вы пускаете в дело рога и копыта. Так вот явились эти спорщики к Первому тигру, когда тот отдыхал среди цветов, и стали жаловаться друг на друга, перебивая и толкая один другого. Случайно один из оленей в суматохе боднул судью рогами. Первый тигр тут же забыл, что назначен судьёй джунглей, бросился на оленя и вцепился зубами ему в шею.

До этой ночи ещё никто из нас не умирал, и потому, когда Первый тигр увидел, что натворил, когда вдохнул запах крови, обезумел и бросился бежать. Так мы, обитатели джунглей, остались без судьи и с того дня стали ссориться и драться

между собой.

Тха, услышав шум, вернулся назад. Все бросились к нему и принялись говорить одновременно. Увидев среди цветов тело оленя, Тха спросил, кто это сделал, а мы не могли ничего ему объяснить, так как от запаха крови сами обезумели, совершенно так же, как теперь, когда случится почуять кровь. Вместо ответа мы метались взад-вперёд, кружились, кричали, вертели головами. Тогда Тха обратился к деревьям и лианам, которые свешивались до земли, и приказал им отметить того, кто убил оленя, чтобы все могли его узнать, а затем спросил: «Кто желает теперь быть старшиной и судьёй среди народа джунглей?» Тотчас с ветвей спрыгнула серая обезьяна и заявила: «Я желаю!» Тха сказал ей: «Будь по-твоему», — и ушёл, очень рассерженный.

Все вы хорошо знаете это племя. В те времена бандерлоги были не лучше, чем теперь. Обезьяна хоть и постаралась придать своей морде мудрое выражение, но через минуту забыла уже о том, что теперь она старшина, и принялась чесаться и корчить рожи. В джунглях воцарилось беззаконие, так как все обращавшиеся к судье слышали лишь бессмысленную болтовню.

Тогда Тха опять созвал всех нас и сказал: «Пер-

вый старшина внёс в джунгли смерть, а второй — позор. Нам же нужен такой Закон, который нельзя было бы нарушить, а значит, вы должны узнать, что такое страх. И когда вы познакомитесь с ним, поймёте, что он ваш повелитель и что вы должны повиноваться ему».

Тогда со всех сторон раздалось: «А что такое страх?» И Тха сказал: «Найдёте — узнаете!» Вот и пошли мы рыскать по джунглям в поисках страха. И буйволы…

— 0-ох! — вдруг раздалось с отмелей.

Хатхи повернулся к вожаку буйволов и сказал:

— Да, Майза, это были буйволы. Они прибежали первые и принесли весть, что нашли страх: будто сидит он в пещере среди джунглей, совсем голый, без шерсти, и ходит на задних ногах. Тогда все мы, жители джунглей, пошли за буйволами и вскоре оказались у пещеры. Действительно, у входа стоял страх. Как и говорили буйволы, был он без шерсти и ходил лишь на задних ногах. Увидев нас, он так крикнул, что мы поначалу оцепенели, а потом кинулись врассыпную, наступая друг другу на ноги и толкаясь.

Следующую ночь народ джунглей уже не проводил вместе, как это было до тех пор, а каждое племя собралось отдельно: свиньи в одном месте,

лани — в другом; копыта с копытами, рога с рогами — каждый держался своих. Так пролежали все мы порознь, продрожав ночь напролёт.

Не было тогда с нами только Первого тигра: он убежал в Северные болота и до сих пор не вернулся, — а когда и до него дошла весть о диковинном существе, которое обнаружилось в пещере, сказал: «Я пойду туда и сломаю ему шею».

Всю ночь он был в пути, а к рассвету оказался наконец у пещеры. Почти всю дорогу тигр бежал, а деревья и лианы, помня приказы Тха, хлестали его своими ветвями, оставляя отметины на спине, боках, морде. Всюду, где ложилась ветка, тотчас появлялась на жёлтой шкуре тигра тёмная полоса. И по сей день носят тигры эти полосы.

Когда он подошёл к пещере, некто безволосый протянул руку и крикнул на него: «Ах ты полосатая тварь, ночной бродяга!» Первый тигр так испугался, что кинулся с воем к болоту.

Тут Маугли не выдержал и, тихонько хихикнув, спрятался тотчас в воду.

— Он выл так громко, что услышал Тха и спросил: «Что с тобой приключилось?» И Первый тигр поднял морду к молодому, только что устроенному небу (которое теперь так старо) и сказал: «Верни мне, о Тха, прежнюю власть. Я обесславлен на

все джунгли, я струсил и убежал от безволосого, а он обозвал меня самым позорным словом». — «А за что же это он тебя так?» — спросил Тха. «Потому что вымазался в болотной тине». — «Так ступай искупайся да покатайся по мокрой траве. Если эти полосы от грязи, то сойдут».

Вот Первый тигр и пошёл к реке. Купался он, купался, катался, катался, да так, что все джунгли ходили ходуном, но ни одна, даже самая мелкая, отметина не сошла с его шкуры. Тха, глядя на его бесполезные усилия, засмеялся.

Тогда Первый тигр спросил: «Что же такого я натворил, что на меня свалилась эта напасть?» И Тха ответил: «Ты убил оленя и этим пустил смерть в джунгли. А следом за смертью пришёл и страх. Оттого и стали все в джунглях пугаться друг друга, как ты испугался безволосого».

Первый тигр сказал на это: «Нет, никто не станет меня бояться — они же давно меня знают». Тха ответил ему: «Пойди — и увидишь».

И вот Первый тигр стал бродить по джунглям, громко призывая лань, дикую свинью, оленя, дикобраза и прочих обитателей, но все они, лишь только зов тигра достигал их слуха, сломя голову бежали прочь от того, кто был их судьёй, потому что боялись.

Тогда Первый тигр вернулся назад, подавленный и униженный, принялся колотиться головой о землю и, раздирая её когтями, простонал: «Вспомни, о Тха, что я уже был старшиной джунглей! Не покидай меня, владыка! Пусть мои дети помнят о тех временах, когда я был свободен от постыдного страха!»

И Тха сказал ему: «Это я могу тебе обещать, потому что ты вместе со мной видел, как создавались джунгли. Пусть будет в году одна ночь, когда ты и твои дети будете свободны от страха, как это было с тобой в то время, когда ты не убивал оленя. Если в такую ночь на вашем пути попадётся некто безволосый — а имя ему человек, — вы не испугаетесь его, зато он испугается вас, как в те времена, когда ты был судьёй. Но будь же милосерден к нему в эту единственную ночь, потому что ты познал, что такое страх».

На это Первый тигр ответил: «С меня этого довольно», — но когда подошёл к воде напиться и увидел своё отражение, ему бросились в глаза тёмные полосы на шкуре, тут же вспомнилось, как обозвал его безволосый, и гнев с прежней силой охватил его.

Целый год тигр не выходил из болота, всё ожидая, когда же Тха сдержит своё обещание. И вот

наступила ночь, когда над джунглями сияла Вечерняя звезда. Тигр вдруг почувствовал, что это именно та ночь, которую он столько времени ждал, и отправился к пещере. Всё произошло именно так, как обещал Тха: безволосый упал перед ним и приник к земле, — но Первый тигр не пощадил его. Думая, что безволосый был один в джунглях и, убив его, убьёт страх, он бросился на него и сломал ему хребет.

Склонившись над убитым, он услышал, как из северных лесов приближается к нему Тха: до него донёсся голос Первого слона, тот самый голос, который вы можете слышать сейчас.

В эту самую минуту над сухими опалёнными горами прокатился гром, но только гром, без дождя, да молния сверкнула за скалами. И Хатхи продолжил:

— Этот самый голос прогремел тогда: «Так вот каково твоё милосердие!» Первый тигр возразил, облизывая лапы: «Что же я такого сделал? Просто убил страх». И Тха ответил ему: «О безумный слепец! Ты развязал руки смерти; теперь она всюду будет ходить за тобой, пока не умрёшь. Ты научил человека убивать».

Первый тигр сказал в своё оправдание: «С ним случилось то же, что с оленем. Теперь уже нет

страха. И я буду по-прежнему судьёй в джунглях».

На это Тха ему возразил: «Никогда уж не пойдёт к тебе на суд народ джунглей, все будут обходить твоё логовище. Один только страх пойдёт за тобой следом и будет поражать тебя невидимыми ударами. Он заставит землю проваливаться под твоими ногами, лианы обвиваться вокруг твоей шеи, древесные стволы срастаться, чтобы ты не мог их перепрыгнуть; наконец, он будет снимать с себя шкуру, чтобы завёртывать в неё своих детей. Ты не пощадил его, и он не пощадит тебя».

Первый тигр всё ещё чувствовал в себе невероятную отвагу — ведь его ночь ещё не кончилась, — поэтому сказал: «Обещание Тха остаётся обещанием Тха. Ты ведь не отнимешь у меня мою ночь». И Первый слон сказал: «Твоя ночь твоей и будет, но за неё ты дорого заплатишь. Ты научил человека убивать и скоро увидишь плоды своей науки».

Первый тигр сказал на это: «Но ведь это он лежит у моих ног с переломанной спиной. Пусть все джунгли узнают, что я убил страх».

В ответ Тха невесело рассмеялся: «Ты убил одного, но остались другие. И теперь ты сам расскажешь об этом в джунглях, так как твоя ночь

уже кончилась».

И вот наступил день. У входа в пещеру показался другой безволосый, увидел на дороге труп собрата, а над ним — тигра и схватил палку…

— Теперь у них не палка, а такая штука, которая рубит, — вмешался вдруг дикобраз Икки, треща своими иглами (у гондов дикобраз считается очень лакомым блюдом, поэтому ему хорошо знаком маленький топорик, который, когда летит, свистит подобно крылатому дракону).

— Нет, то была просто остроконечная палка, такая же, как та, которую вколачивают в ловчую яму, — возразил Хатхи. — Безволосый метнул эту палку, и она глубоко вонзилась Первому тигру в бок.

Всё произошло именно так, как предсказывал Тха. Первый тигр с воем бросился бежать и метался по джунглям до тех пор, пока ему не удалось освободиться от палки. Так по джунглям прокатился слух, что безволосый может поражать издали, и страх овладел обитателями сильнее прежнего.

Вот так Первый тигр научил человека убивать. И вы все знаете, сколько бед через это свалилось на обитателей джунглей: петли, ямы, скрытые ловушки, летающие палки, колющие мухи, что

вылетают из белого дыма, Красный Цветок, который выгоняет нашего брата на открытое место.

И есть лишь одна ночь в году, когда человек боится тигра, — та самая ночь, которую обещал Тха. Тигр никогда не упускает случая: где бы ни встретил безволосого в эту ночь, непременно убивает, словно в наказание за позор, который пал на голову Первого тигра. Всё остальное время страх свободно носится по джунглям и днём, и ночью.

— Ох-ох-ох! — вздохнула лань, подумав в эту минуту и о своей доле. — И только в такие мгновения, когда над всеми нами появляется призрак ещё большего страха, как случилось вот теперь, мы, звери, забываем свои мелкие страхи и собираемся вместе, как сейчас.

— И всего одну ночь в году человек боится тигра? — уточнил Маугли.

— Да, всего одну, — подтвердил Хатхи.

— Но ведь и я, и всякий в джунглях знает, что Шер-Хан убивает людей гораздо чаще.

— Это так, но в таких случаях он нападает на человека сзади и, когда наносит удар, отворачивает голову, чтобы жертва не заметила его страх. Стоит в это мгновение человеку взглянуть на него, тигр убежит. Когда наступает его ночь, он открыто приближается к человеческому се-

лению, бродит между хижинами, заглядывает в двери и, когда люди падают перед ним ниц, без страха убивает. Одно убийство за ночь.

«Вот как! — сказал себе Маугли. — Теперь понятно, почему Шер-Хан хотел, чтобы я взглянул на него, но не смог выдержать моего взгляда. А я не упал перед ним ниц просто потому, что не человек, а волк, член свободного племени».

— Гм-м! — тихо проворчала Багира. — А знает ли тигр, когда эта ночь?

— Нет, до тех пор, пока не покажется Вечерняя звезда. Эта единственная ночь приходит как когда: случается — в период дождей, а иной раз и в сухое время года. Не случись того несчастья с Первым тигром, мы никогда не узнали бы, что такое страх.

Раздался жалобный стон лани, а губы Багиры сложились в усмешку, когда она спросила:

— А люди знают эту историю?

— Нет, до сих пор никто не знал, кроме тигров и нас, слонов, потомков Тха, Первого слона. Теперь знаете и все вы.

Хатхи опустил хобот в воду, давая понять, что больше говорить не желает.

— Но я не понимаю, — обратился к Балу Маугли, — почему Первый тигр стал хищником: ведь

он только свернул оленю шею, но не сожрал его. Что же могло натолкнуть его на мысль есть мясо убитого?

— Деревья и лианы испортили ему шкуру, и с тех пор он перестал есть их плоды и начал в отместку нападать на ланей и других зверей за то, что они питаются травой.

— Тебе, Балу, была известна эта история — ведь так? Почему же я ни разу не слышал её? — спросил Маугли.

— Просто потому, что в джунглях подобного рода историй тьма. Если бы я начал все их рассказывать, то никогда не дошёл бы до конца. Да перестань ты теребить моё ухо, Маленький братец!

Закон джунглей

Законов джунглей много, они разнообразны, а чтобы читатель составил о них понятие, мы остановились на тех, что относятся к волкам. Наставник молодёжи Балу обыкновенно излагал правила Закона в стихотворной форме и произносил нараспев. Излишне прибавлять, что законов великое множество, но те, что приведены, самые важные из них.

ДЖУНГЛЕЙ МУДРЫЙ И ДРЕВНИЙ ЗАКОН
СТАР КАК НЕБО. О НЁМ ГОВОРИТСЯ:
ТОТ, КТО ЧТИТ ЕГО, БУДЕТ СИЛЁН,
НАРУШИТЕЛЬ
ЖЕ СМЕРТЬЮ КАЗНИТСЯ.

КАК ЛИАНА, ЧТО ДЕРЕВА СТВОЛ
СВЕРХУ ДОНИЗУ ВЕСЬ ОПЛЕТАЕТ,
ТАК И ДЖУНГЛЕЙ ВЕЛИКИЙ ЗАКОН
НАДО ВСЕМ СВОЮ ВЛАСТЬ ПРОЯВЛЯЕТ.

СИЛА СТАИ НА ВОЛКЕ СТОИТ,
НО И СИЛА ДЛЯ ВОЛКА ЛИШЬ В СТАЕ.

МОЙСЯ ВЕСЬ С ГОЛОВЫ И ДО НОГ.
ПЕЙ ХОТЬ МНОГО, НО ЗНАЙ ТОЛЬКО МЕРУ,
ПОМНИ: НОЧЬ ДЛЯ ОХОТЫ ДАНА, —
А ЧУТЬ СВЕТ – ОТПРАВЛЯЙСЯ В ПЕЩЕРУ!

ПУСТЬ ШАКАЛ СЕБЕ ХОДИТ ЗА ТИГРОМ.
ТЫ Ж, ЩЕНОК, ЗАРУБИ, ЧТОБЫ ЗНАТЬ:
ВОЛК – СВОБОДНЫЙ ОХОТНИК СРЕДЬ ДЖУНГЛЕЙ —
ДОЛЖЕН САМ СВОЮ ДИЧЬ ДОБЫВАТЬ.

ЖИВИ В МИРЕ С ВОЖДЯМИ ДЖУНГЛЕЙ, КАК
ТО: ТИГРОМ, ПАНТЕРОЙ, МЕДВЕДЕМ.
УВАЖАЙ МОЛЧАЛИВОГО ХАТХИ
И НЕ ТРОНЬ КАБАНА В ЕГО ЛОГОВЕ.

ЕСЛИ СТАЯ СТОЛКНЁТСЯ СО СТАЕЙ
И ПОСПОРЯТ ДРУГ С ДРУГОМ ЗА СЛЕД,
ТЫ НИ С МЕСТА! ВОЖДИ СГОВОРЯТСЯ:
СЛОВО ЧАСТО СПАСАЕТ ОТ БЕД.

ЕСЛИ ВВЯЖЕШЬСЯ В БОЙ С ДРУГИМ ВОЛКОМ,

БЕЙСЯ С НИМ НА ОДИН В СТОРОНЕ.
ПУСТЬ
ДРУГИЕ В ВАШ БОЙ НЕ ВСТУПАЮТ,
ИЛИ СТАЕ ПОГИБНУТЬ В ВОЙНЕ.

ЛОГОВИЩЕ ДЛЯ ВОЛКА – СВЯТЫНЯ,
В НЕЙ ОН ЧТИТ СВОЙ СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ.
ВХОД В НЕГО НИКОМУ НЕ ДОСТУПЕН —
БУДЬ ТО ВОЖДЬ, СОВЕТ СТАИ ИЛЬ ВРАГ.

ЛОГОВИЩЕ ДЛЯ ВОЛКА – СВЯТЫНЯ,
НО КОЛЬ ВОЛК ЕГО ПЛОХО УКРЫЛ,
СОВЕТ СТАИ ДАЁТ ПРИКАЗАНЬЕ,
ЧТОБ ОН МЕСТО ЕГО ИЗМЕНИЛ.

ЕСЛИ ТЫ НА ОХОТЕ СРЕДЬ НОЧИ,
ТАК ОХОТЬСЯ БЕЗ ВОЯ, МОЛЧКОМ,
А ИНАЧЕ ВСЮ ДИЧЬ РАСПУГАЕШЬ
И ОСТАВИШЬ ДРУГИХ НИ ПРИ ЧЁМ.

ЛОВИ ДИЧЬ ДЛЯ СЕБЯ И БЕРЛОГИ,
ЕСЛИ ТОЛЬКО ЕСТЬ В ДИЧИ НУЖДА,
НО НЕ БЕЙ ДЛЯ ЗАБАВЫ И ПОМНИ:
ИЗБЕГАЙ ЧЕЛОВЕКА ВСЕГДА.

КОЛЬ ОТНИМЕШЬ ТЫ ДИЧЬ У ДРУГОГО,
ТАК ГОРДИТЬСЯ ТУТ НЕЧЕМ, ДРУЖОК.
ПРАВО
СТАИ ЕСТЬ ПРАВО СЛАБЕЙШИХ —
ТАК ОСТАВЬ ИМ ХОТЬ ШКУРУ И БОК.

ЧТО ДОБЫТО ВСЕЙ СТАЕЙ – ТО СТАИ.
БЕРЕГИСЬ ЧТО-НИБУДЬ УТАЩИТЬ!
СВОЮ ДОЛЮ ЕШЬ ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ:
ВОРОВСТВО ДОЛЖНО СМЕРТЬЮ КАЗНИТЬ.

ТО, ЧТО ПОЙМАНО ВОЛКОМ ВНЕ СТАИ,
ВПРАВЕ ОН ЦЕЛИКОМ СЕБЕ ВЗЯТЬ.
ТО НЕ МОЖЕТ ПОТРЕБОВАТЬ СТАЯ,
ЕСЛИ ВОЛК САМ НЕ ХОЧЕТ ОТДАТЬ.

У ВОЛЧОНКА ЕСТЬ ПОЛНОЕ ПРАВО
НА КУСОК ОТ ОХОТЫ ЧУЖОЙ.
И ОХОТНИК, КОЛЬ САМ ПОЕЛ ВВОЛЮ,
ДОЛЖЕН ДАТЬ ЕМУ ЕСТЬ НА УБОЙ.

ПРАВО ЛОГА ЕСТЬ МАТЕРИ ПРАВО
ДЛЯ ДЕТЕЙ ОТ ОХОТНИКА ВЗЯТЬ
ОДНУ НОГУ ОТ ВСЯКОЙ ДОБЫЧИ —

В ТОМ НЕ МОЖЕТ НИКТО ОТКАЗАТЬ.

ВОЛК-ОТЕЦ СВОЁ ПРАВО ИМЕЕТ
ВЫХОДИТЬ НА ОХОТУ ОДИН.
ОН СВОБОДЕН ОТ СВЯЗЕЙ СО СТАЕЙ,
СОВЕТ СТАИ СУДЬЯ ЛИШЬ НАД НИМ.

ТОТ ВОЖАК, КОГО ЗУБЫ ОСТРЕЕ
И КТО ЛОВОК, ХИТЁР И СИЛЁН.
ТАК
ВО ВСЁМ, В ЧЁМ ЗАКОН УМОЛКАЕТ,
ТАМ ПРИКАЗ ВОЖАКА ЕСТЬ ЗАКОН.

ТАКОВЫ НОРМЫ ДЖУНГЛЕЙ ЗАКОНА.
ИХ ТАК МНОГО, ЧТО ВСЕХ НЕ НАЗВАТЬ.
НО ГЛАВА И КОПЫТО ЗАКОНА:
ВСЯК ОБЯЗАН ЗАКОН ИСПОЛНЯТЬ.

– Ну что, брат-охотник? Ведь плохи дела?

– Напрасно стерёг я: добыча ушла!

– Так, значит, без пользы ты ночью бродил?

– Ах, голод и холод совсем изморил!

– Так где ж твоя ловкость, отвага и сила?

– Взгляни: я в крови весь. Что было – всё сплыло.

– Куда же спешишь ты теперь? Отдыхать?

– На отдых в берлогу. Иду умирать!

Тигр! Тигр!

I

Теперь мы должны возвратиться к тому времени, когда Маугли покинул пещеру, в которой вырос, после событий на скале Совета. Простившись с родными местами и спустившись с гор, он вышел из джунглей и приблизился к вспаханным полям у людских жилищ, но в ближайшем селении не остановился, так как оно было слишком близко к джунглям, где у него остался по меньшей мере один непримиримый враг. Маугли направился вниз по долине и, пройдя километров сорок, попал в совершенно незнакомую местность. Здесь кончалась та долина между горами, по которой он шёл. Дальше начиналась широкая равнина, усеянная валунами и изрезанная крутыми оврагами. На одном конце этой равнины притулилась небольшая деревушка, окружённая зелёными лугами, а другой конец упирался в джунгли. По всей равнине бродили стада коров, паслись буйволы. Когда мальчики-пастухи заметили приближавшегося к ним Маугли, подняли крик и бросились бежать со всех ног, а бродячие собаки, которых великое множество во всякой индусской деревне, встретили его заливистым

лаем. Маугли был очень голоден, поэтому продолжил путь. Подойдя к воротам, он увидел, что путь в деревню преграждает огромная куча колючих растений.

«Ого! Здесь тоже люди опасаются обитателей джунглей», — подумал Маугли. Он раньше не раз во время своих ночных странствий вокруг человеческих поселений натыкался на подобные заграждения. Он сел у ворот *и,* когда заметил человека, встал и положил палец в рот, желая показать, что голоден. Человек вытаращил на него глаза и бросился сломя голову прочь с дикими воплями, призывая брамина, местного священника. Из хижин стали выбегать люди, появился и священник — толстый мужчина, одетый в белое, с красными и жёлтыми метками на лбу. Люди во все глаза смотрели на Маугли, говорили, кричали и указывали пальцами. «Какие они всё-таки странные: не умеют себя держать! — подумал Маугли. — Только бандерлоги себя так ведут». Выпрямившись, он отбросил назад свои длинные волосы и, нахмурившись, вызывающе взглянул на толпу.

— Что вы так испугались? — обратился к односельчанам священник. — Видите шрамы на руках и ногах? Это следы от волчьих укусов. Он

явно сбежал из стаи.

Действительно, во время игр волчата частенько кусались, и потому руки и ноги его были сплошь покрыты белыми рубцами, но ему никогда не приходило в голову считать эти царапины ранами. Он очень хорошо знал, что такое настоящий укус.

— Ах, бедняжка! — завопили в один голос женщины. — Всего искусали волки! Несчастный ребёнок! А ведь какой красивый, правда? Глаза прямо огненные! Право, Мессуа, он похож на твоего сына, которого унёс много лет назад тигр.

— Позвольте мне подойти поближе и посмотреть на него, — попросила женщина, украшенная тяжёлыми медными кольцами на руках и ногах.

Приблизившись к Маугли, она внимательно посмотрела на него и, приложив ко лбу руку, медленно проговорила:

— Нет, едва ли это он — слишком высокий, но в глазах действительно есть сходство с моим сыном.

Священник, явно себе на уме, быстро сообразил свою выгоду. Мессуа — жена самого богатого жителя деревни, и заручиться его расположением было бы очень неплохо. Он с минуту стоял, вперив взгляд в небо, затем торжественно заявил:

— Что джунгли взяли, джунгли возвращают обратно! Прими это дитя в свой дом, дочь моя, и не забудь благодарить Всевышнего за этот дар, а также служителей его.

«Клянусь быком, которым заплатили за мою жизнь, — сказал себе Маугли, — всё, что происходит здесь и сейчас, очень напоминает тот день, когда меня осматривали волки на скале Совета. Ничего не поделаешь: уж если я человек, то должен быть человеком».

Толпа расступилась, и женщина кивком пригласила Маугли следовать за ней в хижину. Маугли с интересом рассматривал красную лакированную кровать, большой, обмазанный глиной сундук для зерна с какими-то вырезанными на нём фигурками, медные горшки, индусского божка на маленьком алтаре и зеркало, висевшее на стене.

Женщина дала Маугли чашку молока и кусок хлеба, затем положила руку ему на голову и заглянула в глаза: у неё не выходила из головы мысль, что перед ней мог быть её сын, который каким-то чудом спасся от тигра и теперь вернулся из джунглей, — и она произнесла:

— Натху, Натху!

Маугли никак не отреагировал, тогда женщина

спросила:

— Помнишь ли ты свои новые башмаки? — Прикоснувшись к его ногам, жёстким, как копыто, она была вынуждена признать: — Нет, на этих ногах никогда не было башмаков, но ты всё же очень похож на моего Натху, а потому станешь моим сыном.

Маугли было не по себе в хижине, потому что ему никогда ещё не случалось находиться под кровлей. Лишь когда рассмотрел, что сквозь соломенную крышу может в любой момент выбраться на свободу и что окна не запирались наглухо, он немного успокоился. Теперь его озаботило другое: Маугли не понимал, о чём люди говорят, и чувствовал себя среди них таким же глупым и беспомощным, как человек, который попал бы в джунгли. Придётся научиться их языку.

Он умел подражать голосам разных зверей: выть волком, блеять антилопой, хрюкать, как молодая дикая свинья. Вот и теперь, когда Мессуа произносила какое-нибудь слово, Маугли очень легко повторял за ней и уже в тот самый день, как попал в хижину, выучил названия многих предметов.

Когда пришло время сна, Маугли понял, что спать внутри хижины, которая напоминала ему

западню для ловли пантер, не сможет, и когда заперли дверь, выскочил через окно.

— Оставь его в покое, — сказал Мессуа муж. — Пойми: до сих пор он никогда не спал на постели. Если он действительно почувствует себя нашим сыном, то никуда не убежит.

Оказавшись на воле, Маугли нашёл себе место для ночлега в высокой мягкой траве на опушке леса. Прежде чем сомкнуть глаза, он вдруг почувствовал прикосновение к своему лицу мягкой морды и услышал знакомый голос:

— Фу, как от тебя несёт скотом и дымом.

Это был Серый брат, старший из четырёх детёнышей Волчицы-матери, что рос вместе с ним.

— Ты совсем уж человек. А я вот целых тридцать километров отмахал сегодня, чтобы повидаться и принести тебе из джунглей новости.

— Ну и что там нового, в джунглях? Все ли здоровы? — спросил Маугли, обнимая волка.

— Все, кроме тех, кого опалил Красный Цветок. Слушай дальше: Шер-Хан ушёл из наших мест, охотится где-то далеко, и пока не отрастёт его обожжённая шерсть, не вернётся, но поклялся, что бросит твои кости в Вайнгангу.

— Ну, это мы ещё посмотрим. Я тоже со своей стороны кое в чём поклялся. Значит, в общем,

известия хорошие. Я сегодня ужасно устал: столько нового, непонятного. Серый брат, не забывай меня, приходи почаще и приноси известия.

— А ты не забывай, что всё же волк. Ведь люди не заставят тебя забыть? — с тревогой спросил Серый брат.

— О, никогда! Я всегда буду любить всех вас, с кем вырос в одной пещере, но не забуду также, что меня стая изгнала.

— Но ведь и новая стая может тебя изгнать. Люди остаются людьми, а их речь напоминает кваканье лягушек в пруду. В следующий раз я буду ждать тебя в бамбуковых зарослях на краю пастбища — там безопаснее.

II

Первые три месяца Маугли почти не выходил из деревни, наблюдая за жизнью людей и изучая язык. Главным неудобством была необходимость носить платье, которое на него нацепили и которое страшно стесняло. Затем ему показали деньги, значения которых он никак не мог понять. Его научили пахать, хотя это занятие казалось ему совершенно бессмысленным. Ему очень досаждали деревенские ребята. К счастью, Закон джунглей научил его сдерживать свой гнев, потому что жизнь и пропитание там зависят от самообладания, однако порой он едва сдерживался, чтобы не разорвать пополам кого-нибудь из мальчишек, когда они смеялись над ним из-за того, что не желал играть в камушки или запускать змея. Он хорошо помнил, что уважающий себя охотник не убивает детёнышей, поэтому просто отходил в сторону, опасаясь не совладать с собой и невзначай убить которого-нибудь из этих несносных малышей.

Маугли не представлял, насколько силён. В джунглях он считал себя слабым по сравнению с другими зверями, но в деревне люди говорили,

что он силён как буйвол.

Маугли не имел никакого понятия о различиях между людьми, которые зависят от того, что один человек принадлежит к высшей касте, а другой — к низшей. Когда осёл гончара по дороге на ярмарку в Ханевал провалился в яму, где копали глину, Маугли вытащил его оттуда за хвост и не постеснялся помочь гончару уложить рассыпавшиеся горшки. Оказывается, это очень унизительно, так как гончар принадлежал к низшей касте. Когда деревенский священник принялся отчитывать Маугли за нарушение обычаев, тот пригрозил ему, что посадит его самого на осла гончара. Священник после этого случая посоветовал мужу Мессуа как можно скорее пристроить приёмыша к какому-нибудь делу, и тогда старшина деревни на следующий день отправил его пасти буйволов до самого вечера.

Маугли был очень доволен, а вернувшись со стадом вечером в деревню, как и подобает, присоединился к местным, собиравшимся ежедневно на площадке под большим фиговым деревом. Это было нечто вроде деревенского клуба. Здесь всегда присутствовали старшина, сторож, брадобрей, знавший все деревенские сплетни, и почтенный Бульдео, деревенский охотник, ко-

торый приходил со старым мушкетом. Старые почтенные люди, чинно усевшись под деревом, разговаривали и курили, выпуская из больших кальянов кольца дыма, часто до глубокой ночи. На верхушке дерева так же чинно усаживались обезьяны, а кобра, которая жила внизу в дупле, получала каждый вечер свою порцию молока, так как считалась священной.

Здесь можно было услышать удивительные истории про богов, людей и духов. Самые интересные и необыкновенные обычно рассказывал Бульдео. Предметом его баек были большей частью охотничьи похождения и встречи со зверями, обитавшими в джунглях; от его рассказов глаза у детей, толпившихся поодаль от стариков, готовы были выскочить на лоб. Вообще самым частым предметом разговоров этих людей были звери. Да это и понятно: со всех сторон деревню окружали джунгли. Лани и дикие свиньи портили посевы, а время от времени в сумерках кого-нибудь из жителей из-под самых ворот деревни уносил тигр.

Маугли, конечно, лучше других знал всё, что касается обитателей джунглей, и, слушая все эти рассказы, был вынужден постоянно прятать лицо или отворачиваться, чтобы скрыть невольную

улыбку. И в то время как Бульдео, с мушкетом за плечами, страшно жестикулируя, рассказывал какую-нибудь совершенно невероятную историю, плечи Маугли тряслись от едва сдерживаемого смеха.

Раз Бульдео стал уверять своих слушателей, что тигр, который утащил сына Мессуа, был дух, обернувшийся тигром, и что дух этот принадлежал не кому-нибудь, а злому ростовщику, который умер несколько лет назад.

— Я почему в этом уверен? Пурум Дасс — так звали ростовщика — хромал от удара, который получил в схватке, когда жгли его расчётные книги. И тот тигр, о котором я говорю, тоже был хромой — это было хорошо видно по следам его лап.

— Да, это так, истинная правда, — подтвердили в один голос самым серьёзным тоном длиннобородые слушатели.

— Если это правда, то и всё, о чём вы здесь говорили, тоже сказки, которыми можно лишь детей запугивать, — вмешался вдруг Маугли. — Этот тигр родился хромым, что всем известно. И это враки, будто душа ростовщика поселилась в звере, трусливом как шакал.

Старшина деревни вытаращил на Маугли гла-

за, а Бульдео в первый момент от изумления не мог выговорить ни слова, потом пробормотал:

— Это он, мальчишка из джунглей! Ишь ты!

— Если уж ты так умён, то сними шкуру с хромого тигра да снеси её в Ханевал — за неё правительство назначило сотню рупий[3]. А ещё лучше, если ты будешь держать язык за зубами, когда говорят старшие.

Маугли поднялся, намереваясь уйти.

— Я целый вечер слушал здесь Бульдео, и за всё это время он всего пару раз сказал правду о том, что делается в джунглях, которые начинаются почти от порога его дома. Как же я могу верить ему, когда он говорит о духах или богах, которых никогда не видел?

— Ну, мальчишка, тебе лучше заняться своим делом — присматривать за скотом, — сказал старшина, в то время как Бульдео продолжал выражать своё негодование по поводу дерзости Маугли.

---

3 notes: 3

Рупия — денежная единица ряда стран Южной Азии.

III

В большинстве индусских деревень существует порядок, что скот и буйволов пасут несколько мальчиков: выгоняют на пастбище рано утром, а к ночи пригоняют обратно. Те самые быки, которые растоптали бы на месте белого человека, попадись он им на глаза, слушаются окриков и сносят удары индусских мальчишек, которые не доросли даже до их морды. Всё время, пока остаются при стаде, эти дети находятся в полной безопасности, так как даже тигр не решится приблизиться к стаду, но если кому-то случится удалиться, чтобы нарвать цветов или поймать ящерицу, он может стать жертвой дикого зверя.

Восседая на спине самого крупного буйвола Рамы, Маугли гнал стадо на пастбище по деревенской улице. Иссиня-чёрные буйволы с длинными, загнутыми назад рогами и свирепыми чёрными глазами один за другим выходили из своих загонов и присоединялись к стаду. Маугли быстро сумел так себя поставить, что все мальчики признали его старшинство. Пасти буйволов, которых подгонял длинным бамбуковым хлыстом, Маугли взялся сам, а мальчика по имени

Камиа отправил на другое пастбище с остальным скотом, приказав соблюдать осторожность и не отходить далеко.

Индусское пастбище представляет собой каменистую местность, поросшую густым кустарником, изрезанную оврагами. Скот бродит здесь поодиночке, и пастуху довольно сложно за ним уследить. Буйволы держатся обыкновенно возле воды, у прудов и топких мест, где часами могут валяться в тёплой грязи. Маугли погнал своё стадо отдельно от других животных, к устью Вайнганги. Соскочив со спины Рамы, Маугли скользнул в бамбуковые заросли, где его ждал Серый брат.

— Я уже несколько дней сюда прихожу. Почему ты пасёшь стадо?

— Старшина назначил меня деревенским пастухом, — ответил Маугли. — Ну, что нового слышно про Шер-Хана?

— Он вернулся в наши края, бродил и здесь, поджидая тебя. Сейчас опять пропал: стало маловато дичи, — но надежду расправиться с тобой не потерял.

— Отлично! Давай договоримся, что, пока его нет, кто-то из вас будет сидеть вон на той скале, чтобы, выйдя из деревни, я мог видеть и знать,

угрожает ли мне опасность. А когда он вернётся, встретимся под большим деревом посреди пастбища. Что-то нет охоты попасть ему в зубы.

Серый брат побежал восвояси, а Маугли отыскал тенистое место и улёгся, пока буйволы бродили вокруг. Пасти скот в Индии вовсе не сложно. Коровы ходят себе, пощипывая траву, или лежат, пережёвывая жвачку; буйволы забираются в болото и сидят в грязи, выставив морды на поверхность, или лежат где-нибудь в тени подобно чёрным каменным глыбам. Когда солнце поднимается ещё выше и начинает жечь немилосердно, маленькие пастухи забираются в тень, прислушиваются к крику коршуна, который парит в одиночестве в белом от зноя небе и озирает окрестности. Дети знают: если кто-нибудь из них умрёт или падёт корова, стервятник камнем рухнет вниз, а через некоторое время появятся и его собратья, которые также парили над землёй за несколько километров отсюда. И животное, прежде чем успеет испустить дух, окажется в окружении целой стаи голодных коршунов.

Пастухи подремлют, побродят, опять поспят, а то сплетут из сухой травы маленькие корзинки и насажают в них кузнечиков. Ещё развлечение — поймать двух богомолов и заставить драть-

ся между собой. Когда и это наскучит, можно поделать бусы из чёрных и красных орехов, понаблюдать за ящерицами, греющимися на солнышке, за змеёй, что охотится за лягушкой. Мальчики поют протяжные песни, сопровождая их причудливыми переливами. Так и тянется день, который кажется детям таким длинным, бесконечно длинным, как сама жизнь. Иногда они строят из песка и глины замки, лепят фигурки людей, лошадей, буйволов, потом, воткнув палочки в руки человечков, представляют себя королями, а их — своим войском. Но вот наконец наступает вечер, и мальчишки криками сзывают скот. Буйволы проламывают засохшую за день грязь и один за другим выходят из болота, производя грохот, подобный ружейным выстрелам. Вот всё стадо в сборе и медленно шагает по равнине к мерцающим среди быстро сгущающегося мрака огонькам деревни.

IV

Изо дня в день Маугли гонял буйволов на пастбище, изо дня в день бросал взор на скалу и, заметив на ней знакомую фигуру кого-то из братьев, понимал, что Шер-Хан ещё не вернулся. Изо дня в день часами лежал он в траве, прислушиваясь к разноголосому шуму, доносившемуся до его тонкого слуха, или вспоминая минувшие дни, проведённые в джунглях. Если бы Шер-Хан вздумал вдруг появиться здесь, около Вайнганги, со своей хромой лапой, то Маугли в тихие часы, наверное, почуял бы его ещё издали.

Наконец пришёл день, когда Маугли не увидел на знакомой скале никого из братьев. Обрадовавшись, он весело погнал буйволов через овраг к условленному месту — дереву посреди пастбища, покрытому красно-вато-жёлтыми цветами. Там его уже ждал Серый брат, ощетинившийся от возбуждения.

— Шер-Хан целый месяц скрывался, для того чтобы неожиданно на тебя напасть здесь, на пастбище.

Прошлой ночью он вместе с Табаки шёл по твоему следу, — сказал волк.

Маугли нахмурился:

— Шер-Хана я не особенно боюсь, больше опасаюсь коварства Табаки.

— Ну, об этом можешь не беспокоиться, — усмехнулся волк, облизывая лапы. — Яс ним разделался. Табаки теперь интересен разве что коршунам. Но прежде чем свести с ним счёты, я успел кое-что узнать. Шер-Хан намерен сегодня вечером подстеречь тебя у ворот деревни — тебя или того, кто попадётся, — поэтому отправился к сухому оврагу у Вайнганги. Он, наверное, и сейчас там.

— Не знаешь, как он сегодня: наелся или думает охотиться с пустым желудком?

Маугли кое-что задумал, и от ответа на этот вопрос зависел успех его плана.

— На рассвете он сожрал свинью, потом напился. Ведь ты знаешь Шер-Хана: он не привык голодать, даже если от этого будет зависеть успех им задуманного.

— Ну и глупо! Да его обойдёт даже щенок! Набил брюхо и, наверное, думает, что я буду ждать, пока он выспится! Теперь надо узнать хорошенько, где он залёг. Будь здесь хотя бы десяток наших братьев, мы справились бы с ним прямо сейчас. Я мог бы погнать на него буйволов, но они не ста-

нут нападать, пока не почуют его, а с их языком я не знаком. А давай мы с тобой поищем его след, и я пущу потом по нему буйволов.

— Ничего не выйдет: он пробрался к оврагу вплавь.

— Вот хитрец! Впрочем, это он наверняка не сам придумал: Табаки подсказал. — Маугли в задумчивости покусал палец. — Этот овраг выходит на равнину неподалёку — всего через полмили отсюда. Я мог бы со стадом незаметно обойти его по лесу и погнать буйволов сверху, но, если услышит, он может ускользнуть низом. Нужно бы разделить стадо и половину оставить внизу.

— Я один вряд ли справлюсь, — ответил Серый брат, — но знаю, кто сделает это лучше меня.

Он исчез между камнями, и через некоторое время из-за них показалась огромная серая голова, так хорошо знакомая Маугли. В следующее мгновение окрестности огласились леденящим душу воем — так возвещает начало охоты волк.

— Акела! Акела! — закричал Маугли, захлопав от радости в ладоши. — Ты не забыл меня! Теперь у нас всё получится! Надо разделить стадо пополам: в одну часть собрать буйволиц с телятами, а в другую — быков и рабочих буйволов.

Два волка обошли стадо и с противоположных

концов одновременно внезапно врезались в него. Разнёсся рёв испуганных и взбесившихся животных, которые, нагнув головы, бросились в две противоположные стороны. Волки пробежали ещё раз, наконец коровы сбились в круг и принялись мычать, готовые защищать своих телят рогами и копытами. В другой стороне оказались быки и тут же начали рыть землю. Их грозный вид был способен отпугнуть самого отчаянного смельчака, но волки знали, что коровы, когда защищают телят, гораздо опаснее.

— Ну и что дальше? — тяжело дыша, спросил Акела. — Надо что-то предпринять, а то они могут опять соединиться.

Маугли вскочил на спину Рамы:

— Гони, Акела, быков налево, к верховью оврага, а ты, Серый брат, смотри, чтобы коровы не разбежались, пока мы не скроемся, а затем гони к подножию.

— А как далеко? — уточнил нетерпеливо тот.

— До того места, где откосы оврага настолько крутые, что Шер-Хан не сможет выпрыгнуть. Там постарайся задержать коров до тех пор, пока не покажемся мы.

Акела помчался к стаду быков, и те понеслись вперёд. Серый брат между тем направился к

коровам. Едва увидев перед собой волка, они нагнули головы, бросились на него и погнали к устью оврага, в то время как Акела гнал своё стадо вверх.

— Отлично! Ещё один бросок с твоей стороны, Акела, и они помчатся как бешеные. Только не щёлкай так зубами, а то быки бросятся на тебя. Да, эта охота посерьёзнее, чем гон антилопы. Мог ли я когда-нибудь подумать, что эти неповоротливые громадины способны нестись с такой скоростью? — в восторге воскликнул Маугли.

— О, в своё время я хорошо поохотился за их собратьями, — прохрипел, задыхаясь от быстрого бега, Акела. — Ну что, не пора ещё повернуть их к лесу?

— Да-да, поворачивай, и поживее, а то Рама того и гляди взбесится. О если бы я только мог объяснить ему, как нуждаюсь сегодня в его помощи!

Быки повернули направо, врезаясь в чащу и ломая на своём пути кусты. Другие мальчики-пастухи, которые со своей частью стада видели издали всё, что происходило, помчались что есть мочи в деревню с воплями, что буйволы взбесились и умчались в лес.

План Маугли был очень прост: нужно, чтобы стадо буйволов, описав большой круг, подошло к

верховью оврага, а затем помчалось вниз. Таким образом Шер-Хан, который залёг где-то в овраге, очутится между быками и коровами. Маугли знал, что с полным брюхом тигр не способен ни сопротивляться, ни тем более так прыгать, чтобы выбраться из оврага с почти отвесными стенами.

Маугли как мог успокаивал буйволов, в то время как Акела старался подогнать отставших. Нужно было описать очень большую дугу, чтобы подойти к верховью оврага, не насторожив тигра. Наконец оно показалось, с тропинкой на дне, круто спускавшейся вниз. Отсюда было хорошо видно всю долину, но Маугли смотрел только на склоны оврага — к счастью, почти отвесные. Лианы хоть и оплетали их сверху донизу, дать прочной опоры тигру не могли, если бы он вздумал вдруг попытаться выбраться из оврага по склону.

— Ну, теперь пусть передохнут, Акела, — сказал Маугли, поднимая руку вверх. — Они ещё не чуют его. А я тем временем поговорю с Шер-Ханом: теперь он у нас в западне.

Маугли приложил руки ко рту наподобие трубы и закричал. Звук разнёсся по оврагу как в туннеле. В ответ на этот крик через довольно

продолжительный промежуток времени раздалось недовольное рычание сонного сытого тигра, которого неожиданно потревожили.

— Это кто осмелился мне помешать? — пророкотал Шер-Хан, и от звука его голоса из оврага с громким криком вылетел павлин Мао.

— Это я, Маугли. Пришёл твой час, вор, таскающий телят, идти на скалу Совета! Вниз, Акела! Гони их поскорее вниз! Ну, Рама, не подведи!

Добежав до крутого спуска в овраг, стадо буйволов на миг остановилось, но, опять услышав охотничий вой Акелы, помчалось сломя голову вниз с быстротой судна, несущегося по стремнине. А уж коли стадо двинуло вниз, то остановиться не могло. В это время Рама почуял Шер-Хана и издал тревожное мычание.

— А вот это хорошо! — воскликнул Маугли.

Тем временем целая лавина рогов, взмыленных морд и выпученных глаз катилась вниз подобно груде камней в горном потоке. Более слабых буйволов оттеснили к стенам оврага, а остальные мчались прямо через густые заросли лиан. Они теперь знали, для чего неслись вниз: там тигр. Перед стадом разъярённых буйволов не может устоять ни один зверь. Когда до Шер-Хана донёсся стук копыт, сотрясавших землю, он, поднявшись

с места, побежал вниз по оврагу, оглядываясь по сторонам, пытаясь ускользнуть в сторону, но откосы оврага были слишком круты, чтобы тигр, отяжелевший от обильного обеда, смог выбраться из него. Стадо, не замедляя хода, пронеслось через топкое болото на дне оврага, где только что отдыхал тигр, и продолжило свою бешеную скачку, оглашая окрестности рёвом. Когда животные немного затихли, до слуха Маугли донеслось мычание коров из устья оврага. В какое-то мгновение он увидел, как Шер-Хан повернул назад, а затем всё скрыло облако пыли. Очевидно, тигр сообразил, что встреча с коровами для него опаснее, чем с быками, и предпочёл быков. Маугли больше ничего не видел, только почувствовал, как Рама наскочил на что-то мягкое, ударил копытами и понёсся дальше. Он не мог остановиться, так как задние ряды буйволов смяли бы его в одно мгновение. Всё стадо тяжёлых скачущих громад прошлось по телу Шер-Хана и понеслось, фыркая и тяжело дыша, на равнину. Через минуту стада врезались бы одно в другое, и нужно было во что бы то ни стало остановить эту лавину.

Маугли, соскочив со спины Рамы, побежал к животным, размахивая палкой:

— Скорей, Акела! Поверни их обратно, а то они

покалечат друг друга! Эй, Рама, стой! Успокойтесь, довольно! Всё уже кончено!

Акела и Серый брат принялись шнырять между буйволами, каждое мгновение рискуя быть раздавленными, хватали их за ноги, стараясь остановить. Маугли же прилагал массу усилий, чтобы развернуть Раму, за которым следовало всё стадо. С Шер-Ханом было кончено, и над ним уже слетались коршуны.

V

Собаке собачья смерть! — сказал Маугли, взявшись за нож, который всегда носил с собой с тех пор, как стал жить с людьми. — Он никогда не решился бы вступить в открытый бой. А шкура его будет недурно выглядеть на скале Совета. Нужно поскорее её снять.

Обыкновенный мальчик никогда бы даже не подумал о том, чтобы снять шкуру с огромного тигра, но Маугли лучше, чем кто-либо, знал, как это нужно делать. Работа всё же была нелёгкая, и Маугли провозился с добрый час, подрезая, сдирая. Оба волка сидели рядом, высунув языки, и временами помогали зубами, если было нужно.

Вдруг он почувствовал на своём плече руку и, обернувшись, увидел Бульдео с ружьём. Мальчишки-пастухи, прибежав в деревню, рассказали о случившемся, и Бульдео, рассердившись, пришёл отчитать Маугли за то, что дурно присматривает за стадом. Едва завидев его, волки поспешили скрыться из виду.

— Чем это ты здесь занимаешься? — грозно вопросил охотник. — Что это? Да ты никак шкуру с тигра снимаешь? Ты считаешь, что способен

на это? Как это буйволам удалось убить его? Да это, похоже, тот самый хромой тигр, за шкуру которого назначено сто рупий!

Ну хорошо, хорошо. Так и быть: мы простим тебе, что позволил разбежаться стаду, — а когда я отвезу шкуру в Ханевал, дам тебе за неё рупию.

Бульдео полез за пазуху за кремнём и кресалом и нагнулся, собираясь подпалить Шер-Хану усы. Большинство туземных охотников считали своим долгом поджечь убитому тигру усы, чтобы дух зверя потом их не преследовал.

— Какой ловкий, — проворчал Маугли себе под нос, стягивая шкуру с передней ноги тигра. — Не спеши, старина, подпаливать усы! Эта шкура нужна мне самому.

— Так-то ты разговариваешь с главным охотником деревни? Слишком много о себе возомнил, мальчишка. Тебе просто повезло: тигр, видно, был сыт, иначе успел бы уйти километров за тридцать отсюда. Да ты не умеешь даже и шкуру-то содрать с него как следует, а ещё смеешь мне говорить, чтобы я не жёг усы! Так знай, Маугли, что я не дам тебе ни одного анна из той награды, которую получу. Прочь отсюда!

— Клянусь быком, что сохранил мне жизнь, — крикнул Маугли, уже дойдя до плеча тигра, — мне

некогда разговаривать с этой старой образиной! Эй, Акела, сюда! Видишь, этот человек надоедает мне!

Бульдео, который стоял, наклонившись над шкурой, вдруг почувствовал, как его швырнули на землю, и тут же увидел прямо перед носом широкую серую волчью морду. Маугли же как ни в чём не бывало продолжал сдирать шкуру, словно ничего особенного не случилось, потом проговорил:

— Нет, Бульдео, ты не прав. Между мной и этим хромым тигром давняя вражда, и вот наконец я победил.

Надо отдать справедливость Бульдео. Десять лет назад, встреть такого волка, как Акела, где-нибудь в лесу, он, может, и решился бы попытать своё охотничье счастье, но волк, который слушается мальчика, имевшего какие-то счёты с тигром-людоедом, — это слишком необычно. Без сомнения, тут колдовство, волшебство, чертовщина самого скверного сорта, думал Бульдео, и его занимала только одна мысль: в состоянии ли защитить его тот амулет, который был у него на шее. И он продолжал неподвижно лежать, с ужасом ожидая, что Маугли обернётся в тигра.

— О могучий раджа! — решился наконец об-

ратиться к Маугли Бульдео осипшим от страха голосом.

— Ну, в чём дело? — отозвался тот, не оборачиваясь.

— Я старый человек, поэтому считал тебя простым пастухом и не догадывался, кто ты. Позволь мне подняться и уйти, пока твой слуга не разорвал меня в клочки.

— Тебе нечего бояться. Вставай, только больше не лезь в мои дела. Отпусти его, Акела!

Бульдео что есть мочи, насколько позволяли его старые ноги, побежал в деревню, то и дело оглядываясь через плечо, как бы Маугли в кого-нибудь не превратился. Оказавшись наконец под своим деревом, он принялся рассказывать собравшимся о необыкновенном приключении, о колдовстве, от которого чуть не погиб, и все, в том числе и брамин, слушали его с самым серьёзным видом.

Как Маугли ни спешил закончить работу, удалось ему это только к сумеркам, и то при содействии обоих волков.

— Теперь нужно её где-нибудь припрятать, и пора гнать буйволов в деревню. Помоги-ка мне, Акела, собрать стадо!

Стадо мало-помалу собралось и, окутанное ве-

черним туманом, потянулось к деревне. Зажглись вечерние огни, и до уха Маугли вдруг донёсся звон колокола и удары гонга. У ворот деревни собралась огромная толпа: народ явно поджидал его. «Это из-за того, что я убил Шер-Хана», — едва успел он подумать, как вдруг в него полетел град камней, а толпа завопила:

— Колдун, волчье отродье! Леший! Убирайся от нас! Уходи, а то брамин превратит тебя опять в волка! Стреляй в него, Бульдео!

Раздался ружейный выстрел, и один из буйволов заревел, раненный пулей.

— Опять колдовство! — взвыла толпа. — Бульдео, пуля попала в твоего буйвола!

— Да в чём дело? — воскликнул Маугли, ничего не понимая, а дождь камней не прекращался.

— Они ничем не лучше нашей стаи, эти твои теперешние братья, — пробормотал Акела, с тоской издали наблюдая за происходящим. — Они стреляют в тебя, гонят прочь!

— Волк! Волчье отродье! Вон! — кричал тем временем деревенский священник, помахивая кропилом из священного тимьяна.

— Опять меня гонят? В прошлый раз из-за того, что человек, а теперь — потому что волк. Пойдём от них, Акела.

Лишь одна женщина — конечно же, Мессуа — с криком бросилась сквозь толпу:

— Сын, мой сын! Они говорят, что ты колдун, что ты можешь обернуться волком, зверем, но я не верю. Бульдео твердит, что ты демон, но я-то знаю: ты просто мстил за смерть Натху. А сейчас уходи, а не то они убьют тебя.

— Назад, Мессуа! Назад, а не то и тебя побьём камнями!

В этот момент один из камней ударил Маугли в лицо, и он зло рассмеялся:

— Беги домой, Мессуа! Всё, что они говорят, такие же бессмысленные сказки, какими они потчуют друг друга в сумерках под смоковницей. Я отомстил за твоего сына. Прощай! Беги скорее, а то я сейчас пошлю на них их же буйволов, которые понесутся быстрее, чем те камни, которыми они швыряют в меня. Помни, Мессуа, я не колдун. Прощай!..

Маугли повернулся к верному другу:

— Ну-ка, Акела, помоги мне ещё разок! Подгони-ка стадо!

Буйволы и без того уже заждались, когда их пустят в деревню, а теперь, подгоняемые волками, ринулись через ворота с быстротой вихря, раскидывая направо и налево собравшуюся толпу.

— Пересчитайте стадо! — усмехнулся Маугли. — А то ещё подумаете, что я вас обокрал. Прощайте, вы, жалкие людишки, и благодарите Мессуа, что я не бросился на вас со своими друзьями и не погнал по улице, как стадо!

VI

Маугли повернулся и пошёл прочь от деревни с Акелой, волком-одиночкой, полный невесёлых мыслей, но когда поднял глаза и увидел над собой тёмный небесный свод, усеянный бесчисленными звёздами, к нему опять вернулось прежнее бодрое настроение.

— Довольно мне спать в этих западнях, Акела! Заберём шкуру Шер-Хана и пойдём отсюда! Оставим в покое этих людей: не будем мстить им за их зло, — я помню то добро, которое сделала для меня Мессуа.

Когда поднялась над равниной луна, обливая окрестности холодным молочным светом, жители деревни стояли, объятые ужасом, и смотрели издали, как Маугли удаляется от их деревни, а за ним по пятам следуют два волка. Все трое бежали той волчьей рысью, при которой длинные мили покрываются одним махом.

Опять в сельском храме зазвучали гонги и загудел набат, ещё громче, чем прежде. Мессуа кричала и плакала, защищая Маугли, а Бульдео в сотый раз повторял свой рассказ, всякий раз снабжая его новыми подробностями. Теперь у

него выходило, что Акела стоял над ним на задних лапах и говорил человечьим голосом.

Луна уже собиралась закатиться за гору, когда Маугли и волки подошли к скале Совета и остановились внизу, у пещеры Матери-волчицы.

— Они изгнали меня из своей стаи, — пожаловался ей Маугли, — но я сдержал слово и принёс шкуру Шер-Хана.

Волчица-мать поспешила выйти, и глаза её заискрились гордостью, когда увидела шкуру.

— В тот самый день, когда он просунул голову в эту пещеру в поисках тебя, мой Лягушонок, я сказала ему, что настанет время, когда он из охотника превратится в добычу. Так и произошло. Так и должно было произойти!

— Да, Маленький брат, так и должно было произойти, — раздался из глубины чащи густой голос. — Джунгли опустели без тебя!

И у ног Маугли растянулась Багира.

Потом вместе они отправились к скале Совета, и на том самом плоском камне, где в своё время в дни собраний стаи сиживал Акела, Маугли разостлал шкуру Шер-Хана, прибив её четырьмя бамбуковыми колышками. Акела огласил воздух старинным зовом:

— Смотрите, смотрите хорошенько, о волки!

Акела уже не был вожаком стаи, волки вообще жили без вожака, каждый охотился и бился сам по себе. И вот теперь, когда по окрестностям вновь разнёсся знакомый голос старого вожака, бродившие поодиночке волки по привычке отозвались на него и стали собираться к старому месту. Кто-то хромал, попав в капкан и потеряв лапу, кого-то подстрелили, а большая часть не пришла совсем. Все отощали, но те, кто смог дойти, поспешили к знакомому месту, лишь до их слуха донёсся старинный призыв. Первое, что они увидели, когда пришли, была пышная полосатая шкура Шер-Хана с длинными когтями на болтавшихся лапах, свешивавшаяся со скалы.

Когда все собрались, Маугли запрыгнул на скалу и, стоя на шкуре Шер-Хана, вдруг запел. Это получилось само собой, он не знал заранее, что будет петь, — песня просто вырвалась из груди. Он громко пел и плясал на шкуре Шер-Хана, отбивая такт пятками; пел и плясал, пока хватало сил и дыхания, а Серый брат и Акела подхватывали припев и вторили ему.

— Смотрите хорошенько, о волки! Смотрите, я сдержал своё слово! — воскликнул Маугли, закончив песню.

— Верно! Верно! — раздался в ответ на его слова

нестройный хор многих голосов.

А один из волков, весь истерзанный, с отвисшей шкурой, заголосил:

— Будь опять нашим вожаком, Акела! А ты, детёныш человека, веди за собой. Мы устали от беззакония! Мы хотим опять стать свободным племенем, какими были раньше!

— Нет, так не будет, — пробормотала пантера. — Как только вы придёте в себя и откормитесь, на вас опять нападёт безумие. Недаром вас зовут свободным племенем. Вы дрались из-за свободы, и теперь она ваша. Ешьте её, волки!

— Меня изгнали обе стаи: и человечья, и волчья, — сказал Маугли. — И теперь я хочу охотиться в джунглях один.

— И мы будем охотиться с тобой, — в один голос заявили четыре его брата.

И в тот же день Маугли ушёл из волчьей стаи.

Прошли годы, и он навсегда оставил джунгли, нашёл себе жену и стал жить как человек.

Но это уже совсем другая история.

Песня Маугли на шкуре Шер-Хана

Я
ДЛЯ ДЖУНГЛЕЙ ПОЮ! Я ДЛЯ ДЖУНГЛЕЙ ПОЮ!
ТАК ПОСЛУШАЙТЕ ПЕСНЮ МОЮ!
ТАК УЗНАЙТЕ, ЧТО Я СОВЕРШИЛ!
ВАМ ШЕР-ХАН ГОВОРИЛ (КТО ИЗ ВАС ТО ЗАБЫЛ?):
«Я УБЬЮ ЭТУ МАУГЛИ-ЛЯГУШКУ!»

У ВОРОТ, ГДЕ Я ЖИЛ, ОН ДВЕ НОЧИ ХОДИЛ.
ОН СТЕРЁГ МЕНЯ, МАУГЛИ-ЛЯГУШКУ.
ОН ПОЕЛ И ПОПИЛ, ОТПРАВЛЯЯСЬ ЗА МНОЙ.
ПЕЙ ЖЕ БОЛЬШЕ, ШЕР-ХАН, ЧТОБЫ КРЕПЧЕ СПАЛОСЬ!
КРЕПЧЕ СПАТЬ УЖ ТЕБЕ НЕ ПРИДЁТСЯ.

Я ОДИН СО СКОТОМ. СЕРЫЙ БРАТ ЛИШЬ ПОТОМ
МНЕ ИЗ ДЖУНГЛЕЙ НА ПОМОЩЬ ПРИХОДИТ.

ВСЛЕД ЗА НИМ ИЗДАЛЁКА СТАРЫЙ ВОЛК ОДИНОКИЙ

МНЕ ИЗ ДЖУНГЛЕЙ НА ПОМОЩЬ ПРИХОДИТ.

ВОТ И СТАДО БЫКОВ. ВЫ ГОНИТЕ ИХ В РОВ!

ВЫ ГОНИТЕ БЫКОВ ЧЕРНОГЛАЗЫХ!

НУ,
ГОНИТЕ ВПЕРЁД, ПРЯМО В ДЖУНГЛИ, В ОБХОД.

А ТЫ СПИШЬ ВСЁ, ШЕР-ХАН?

ПРОБУДИСЬ ЖЕ, ШЕР-ХАН!

Я ИДУ НА ТЕБЯ, Я И БУЙВОЛОВ СТАДО.

РАМА, БУЙВОЛОВ КНЯЗЬ, МЧИТСЯ, ВИХРЕМ НЕСЯСЬ,

А ЗА НИМ, ТОЧНО БУРЯ, ВСЁ СТАДО.

ВАЙНГАНГА-РЕКА,
ТЫ БЫСТРА, ШИРОКА!

ТЫ СКАЖИ МНЕ, ГДЕ ШКУРА ШЕР-ХАНА?

ОН НЕ ИККИ, ЧТОБ СКРЫТЬСЯ В ГЛУБОКОЙ НОРЕ.

ОН НЕ МАО-ПАВЛИН, ЧТОБ ВЗЛЕТЕТЬ В

ВЫШИНУ.

ОН НЕ МАНГ-НЕТОПЫРЬ, ЧТОБ ПОВИСНУТЬ НА ВЕТКАХ

ДЕРЕВЬЕВ.

О БАМБУКИ! ВЫ ШЕПЧЕТЕСЬ С ВЕТРОМ:

ТАК СКАЖИТЕ, ГДЕ ОН ОТДЫХАЕТ?

А, ОН ЗДЕСЬ? ТАК ОН ЗДЕСЬ!

ОН ПОД РАМОЙ ТЕПЕРЬ ПОЧИВАЕТ.

ЭЙ! ВСТАВАЙ ЖЕ, ШЕР-ХАН! ВОТ ДОБЫЧА ТЕБЕ.

ЛОМАЙ СПИНЫ ВСЕМ БУЙВОЛАМ ВМЕСТЕ!

НО ОН СПИТ. ПУСТЬ ОН СПИТ!

МЫ НЕ СТАНЕМ БУДИТЬ. НАС СТРАШИТ ЕГО МОЩЬ

И ОТВАГА.

ВОТ И КОРШУН ЛЕТИТ. НА ПИР ПЫШНЫЙ СПЕШИТ.

МУРАВЬИ ВСЕ ТУДА Ж СОБИРАЮТСЯ.

В ЧЕСТЬ ШЕР-ХАНА ПОМИНКИ СПРАВЛЯЮТСЯ.

А Я ГОЛ! КАК МНЕ БЫТЬ? ГОВОРЯТ, ЭТО СТЫД —

СТЫД НАГОМУ НА ЛЮДЯХ ШАТАТЬСЯ.

ВОТ И КОРШУН ЛЕТИТ. ОН СЕЙЧАС РАЗГЛЯДИТ,

ЧТО
МНЕ НЕ В ЧЕМ НА ЛЮД ПОКАЗАТЬСЯ.

ЭЙ, ШЕР-ХАН, ВЫРУЧАЙ! СВОЮ ШКУРУ ПОДАЙ!

МНЕ ПОДАЙ СВОЙ ХАЛАТ ПОЛОСАТЫЙ!

НА СОВЕТА СКАЛУ Я СЕГОДНЯ ИДУ

РАЗОСТЛАТЬ
ТВОЙ ХАЛАТ ПОЛОСАТЫЙ.

ВЕДЬ ОБЕТ, ЧТО Я ДАЛ, Я ЕЩЁ НЕ СДЕРЖАЛ:

ТВОЮ ШКУРУ ПРИНЕСТЬ ОБЕЩАЛ.

В ТОМ БЫКОМ Я ПОКЛЯЛСЯ. И ТЕПЕРЬ Я СОБРАЛСЯ

С ТВОЕЙ ШКУРОЙ КО СТАЕ ЯВИТЬСЯ.

ВОТ МОЙ НОЖ. У ЛЮДЕЙ Я НОСИТЬ ЕГО СТАЛ.

У ВОЛКОВ, У ЗВЕРЕЙ Я ЕГО НЕ ВИДАЛ.

ИМ ШЕР-ХАНА СЕЙЧАС ОБКАРНАЮ.

ВАЙНГАНГА-РЕКА,
ТЫ БЫСТРА, ШИРОКА!

БУДЬ
СВИДЕТЕЛЕМ МНЕ СПРАВЕДЛИВЫМ,

ЧТО ШЕР-ХАН ПОДАРИЛ ТОТ ХАЛАТ, ЧТО НОСИЛ, —

ИЗ-ЗА ДРУЖБЫ КО МНЕ ПОДАРИЛ ОН.

НУ, ТАЩИ, СЕРЫЙ БРАТ! ВЕДЬ НЕЛЁГОК ХАЛАТ.

ПОМОГАЙ НАМ, АКЕЛА, ДРУЖИЩЕ!

ЛЮДИ ГОНЯТ МЕНЯ, КАМНИ МЕЧУТ В МЕНЯ,

ВСЯКИЙ
ВЗДОР ПРО МЕНЯ РАСПУСКАЮТ.

РОТ МОЙ КАМНЕМ РАЗБИТ. С НИМИ БОЛЬШЕ НЕ ЖИТЬ.

СРЕДЬ НОЧНОЙ ТЕМНОТЫ Я, АКЕЛА И ТЫ,

СЕРЫЙ
БРАТ, ВСЕ ВТРОЁМ МЫ ШАГАЕМ.

ОТ ЛЮДЕЙ МЫ БЕЖИМ, В ДЖУНГЛИ, К ЗВЕРЯМ СПЕШИМ.

ДО ЗАКАТА ЛУНЫ ПОСПЕВАЕМ.

ВАЙНГАНГА-РЕКА,
ТЫ БЫСТРА, ШИРОКА!

ТЫ СКАЖИ, ОТЧЕГО ЛЮДИ ГОНЯТ МЕНЯ?

Я НЕ СДЕЛАЛ ИМ ЗЛА.

ОТЧЕГО ЖЕ ОНИ ВСЕ БОЯТСЯ МЕНЯ?

ВАЙНГАНГА-РЕКА,
ТЫ СКАЖИ, ОТЧЕГО?

ЭЙ, ВЫ, СТАЯ ЛЮДЕЙ! ВЫ ПРОГНАЛИ МЕНЯ.

ТАК СКАЖИТЕ МНЕ ТОЛЬКО, ЗА ЧТО?

ДЖУНГЛИ ГОНЯТ МЕНЯ, ТОЖЕ ГОНЯТ МЕНЯ.

И Я ТОЖЕ НЕ ЗНАЮ ЗА ЧТО.

Я КАК МАНГ-НЕТОПЫРЬ, ЧТО НИ ПТИЦА, НИ ЗВЕРЬ,

ПРОМЕЖ
ТЕХ И ДРУГИХ ВСЁ ШАТАЕТСЯ.

ТАК И Я ТО ИЗ ДЖУНГЛЕЙ ВДРУГ К ЛЮДЯМ БЕГУ,

А
ТО

В ДЖУНГЛИ ПОТОМ ВОЗВРАЩАЮСЬ.

Я НА ШКУРЕ ПЛЯШУ, НА ШЕР-ХАНЕ ПОЮ,

НО НА СЕРДЦЕ МОЁМ НЕЛЕГКО.

РОТ МОЙ КАМНЕМ РАЗБИТ. КРОВЬ СТРУЁЮ БЕЖИТ,

НО НА СЕРДЦЕ МНЕ СТАЛО ЛЕГКО,

ЛИШЬ Я ДЖУНГЛИ ОПЯТЬ УВИДАЛ. ОТЧЕГО?

ДВЕ ДУШИ У МЕНЯ СОСТЯЗАЮТСЯ,

БУДТО ЗМЕИ ВЕСНОЮ СПЛЕТАЮТСЯ.

СЛЁЗЫ ГРАДОМ ИЗ ГЛАЗ МОИХ КАТЯТСЯ,

А ИЗ УСТ МОИХ СМЕХ ВЫРЫВАЕТСЯ. ОТЧЕГО?

ДВЕ ДУШИ У МЕНЯ. ПОД НОГОЙ У МЕНЯ

ПОЛОСАТАЯ ШКУРА ШЕР-ХАНА.

ДЖУНГЛИ ЗНАЮТ ТЕПЕРЬ, КТО ШЕР-ХАНА УБИЛ.

ТАК СМОТРИТЕ, СМОТРИТЕ, О ВОЛКИ!

АХ, НА СЕРДЦЕ МОЁМ КАМЕНЬ ТЯЖКИЙ

ЛЕЖИТ!

ОТЧЕГО? Я ПОНЯТЬ, ВАМ СКАЗАТЬ НЕ МОГУ.

Приходите сюда, вы, деревья, лианы и травы!

Всё покройте и всё схороните.

От людей не должно здесь остаться

ни следа, ни звука, ни славы!

Самый запах от них заглушите!

И ту грязь, что копилась годами у их алтаря,

Смоют с гор дождевые потоки.

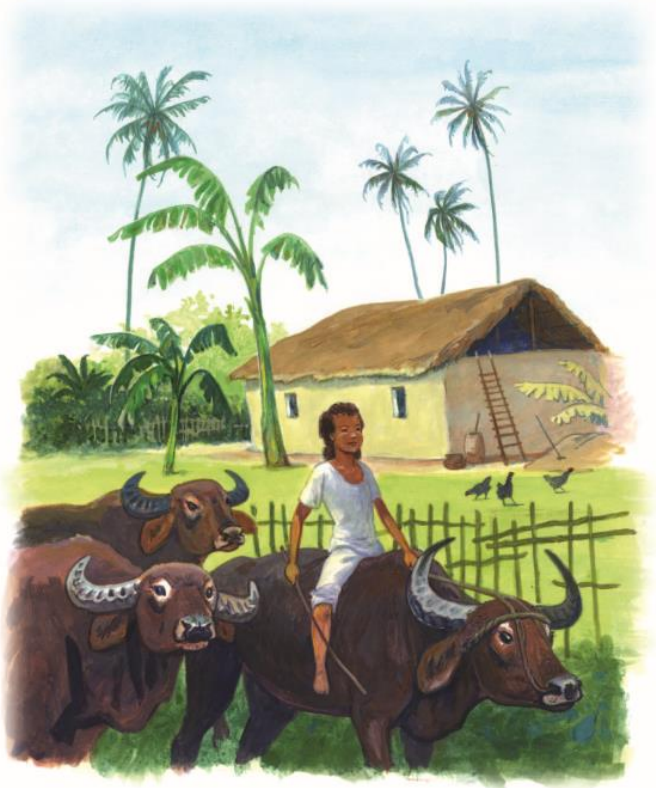
Пусть олень беззаботно пасётся среди их двора

И ничьё не спугнёт его око.

Пусть и стены домов их сровнятся с голой землёй!

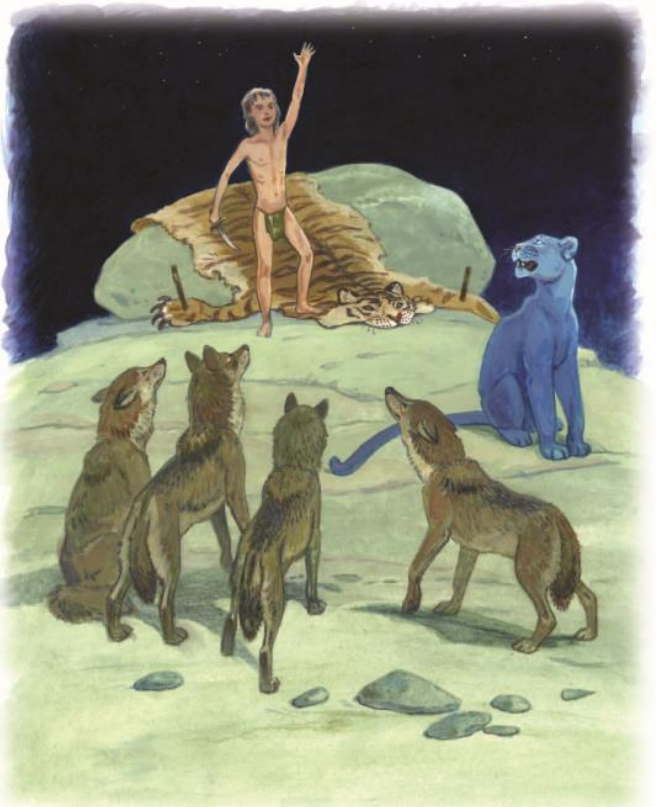
Ни один пусть из них не вернётся сюда на покой!

Из песни серого брата



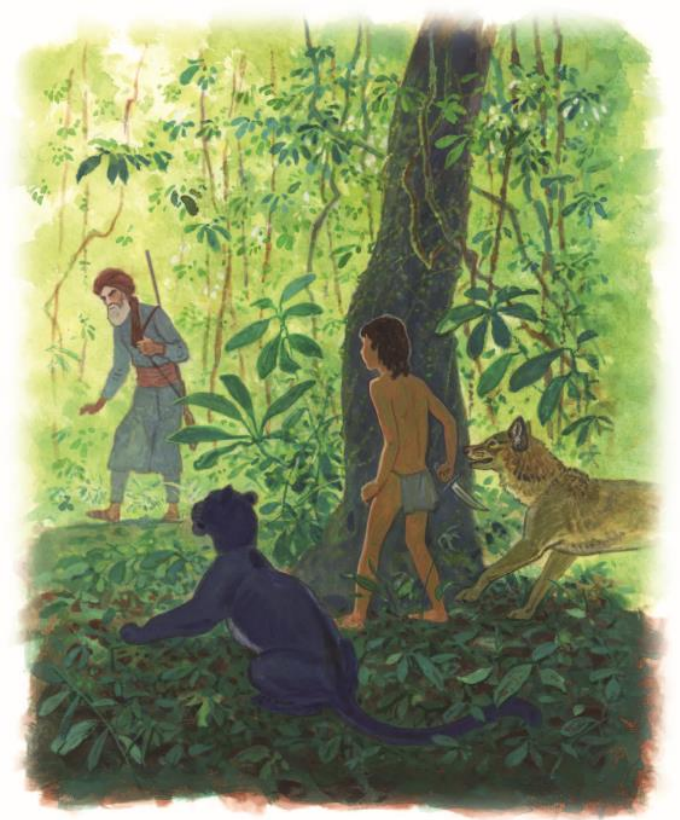
Восседая на спине самого крупного буйвола, Рамы, Маугли гнал стадо на пастбище по деревен-

ской улице. Иссиня-чёрные буйволы с длинными, загнутыми назад рогами и свирепыми чёрными глазами один за другим выходили из своих загонов и присоединялись к стаду. Маугли быстро сумел так себя поставить, что все мальчики признали его старшинство.



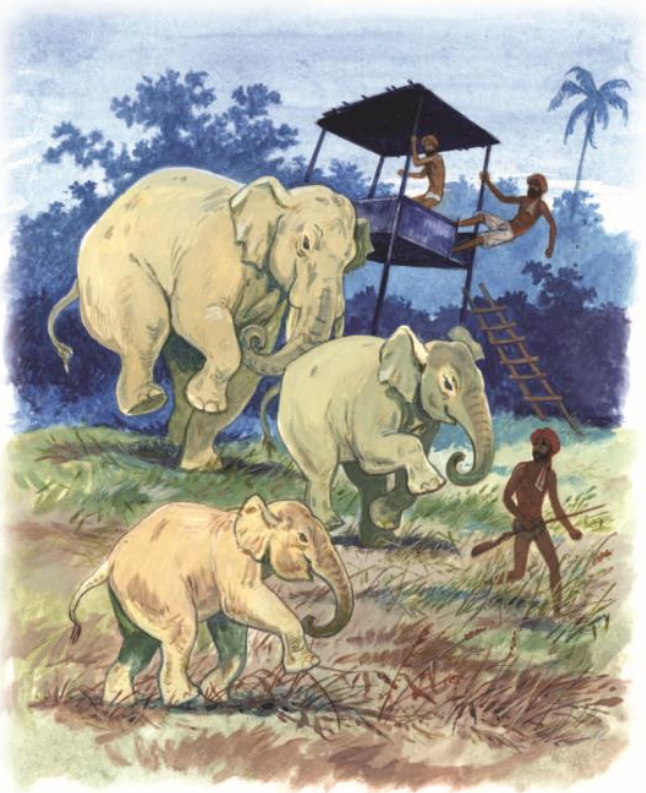
— Собаке собачья смерть! — сказал Маугли,

взявшись за нож, который всегда носил с собой с тех пор, как стал жить с людьми. — Он никогда не решился бы вступить в открытый бой. А шкура его будет недурно выглядеть на скале Совета.



Они все вились около старого охотника, как стая дельфинов возле корабля, несущегося на

полных парах, всё время переговариваясь между собой. Но Бульдео ни о чём не подозревал и ничего не слышал, так как волчьи голоса принадлежали к тому роду низких звуков, которые едва ли способно улавливать грубое человеческое ухо.



— Всему своё время, — задыхаясь от усталости, проговорил Хатхи. — О, тогда, в Буртпоре, мои

бивни были красны от крови! Ну-ка, дети, налягем все вместе на эту стену и сокрушим её. Раз, два, три!..

Нашествие джунглей

I

После того как выполнил обещание и принёс шкуру Шер-Хана на скалу Совета, Маугли объявил, что отныне покидает волчью стаю на Сеонийских холмах и станет охотиться в джунглях один. Как известно, за ним последовали и четыре его брата-волка, дети Волка-отца и Волчицы-матери. Сразу менять свой образ жизни в джунглях нелегко, и первое, что сделал Маугли, после того как оставил враждебно настроенную стаю, пошёл к родной пещере и проспал там весь день и всю следующую ночь. Выспавшись, он рассказал отцу и матери, как умел, о своих приключениях среди людей. А когда достал свой нож, которым снимал шкуру с Шер-Хана, и показал им, как играет утреннее солнце на его лезвии, они сказали, что теперь он научился кое-чему у людей. Акела и Серый брат в свою очередь рассказали, как они вдвоём гнали в овраг стадо буйволов. Балу, чтобы не пропустить ни слова, вскарабкался на самую вершину скалы, а Багира, слушая, как ловко Маугли провернул это дело, от восторга царапала камни когтями. Солнце давно уже скрылось за горизонтом, но никто из

собеседников и не думал идти спать. Волчица-мать время от времени поднимала кверху нос и с наслаждением втягивала воздух, когда дуновение ветра доносило до неё запах шкуры тигра, растянутой на скале Совета.

— Если бы не Акела с Серым братом, — закончил свой рассказ Маугли, — у меня ничего бы не вышло. О, мать, если бы ты только видела этих иссиня-чёрных буйволов. Как они неслись по оврагу, как ворвались в ворота, когда человечья стая начала швырять в меня камнями!

— Вот и хорошо, что не видела, — нахмурилась Волчица-мать. — Я бы не смогла вынести подобного зрелища: моего детёныша гоняют, как какого-нибудь шакала! Я бы заставила человечью стаю дорого заплатить за это, но ту женщину, которая давала тебе молока, не тронула бы. Да, её одну пощадила бы.

— Успокойся, успокойся, Ракша! — сказал Волк-отец. — Наш Лягушонок вернулся к нам, да притом таким умным, что его собственный отец готов лизать ему ноги. Одним рубцом на голове больше, одним меньше — пустяки! Оставь людей в покое.

Маугли счастливо улыбнулся, положив голову на бок Волчицы-матери, и добавил, что теперь

у него пропало всякое желание когда-нибудь видеть людей, или слышать о них, или чуять их след.

— Ну а что, если люди сами не оставят тебя в покое, Маленький брат? — спросил Акела, приподняв одно ухо.

— Да ведь нас пятеро, — проговорил Серый брат, обводя взором всю компанию и щёлкая зубами.

— Да и мы не отказались бы принять участие в такой охоте, — прибавила Багира, взмахивая своим хвостом и глядя на Балу. — Но почему это тебе, Акела, вздумалось сделать такое предположение?

— А вот почему. Когда шкура полосатого вора была растянута на скале Совета, я пробежался назад к деревне, ступая по старым следам, делая петли, кое-где ложась, — всё для того, чтобы их запутать, если бы кому-то вздумалось пойти за нами. Я так всё запутал, что, думаю, и сам бы потом не разобрался, если бы пришлось по ним идти. И вот когда я этим занимался, между деревьями порхнул Манг — летучая мышь, прицепился прямо над моей головой и сказал: «А ведь деревня, где живёт стая, которая изгнала вашего человеческого детёныша, гудит как улей».

— Да, увесистый камень я швырнул в их улей! —

со смехом вставил Маугли.

Он частенько забавлялся, швыряя зрелые орехи в гнёзда шершней или диких пчёл, а потом нёсся что есть мочи к ближайшему водоёму, чтобы успеть скрыться в воде.

— Я попросил Манга рассказать, что видел. И он поведал, что у ворот деревни распустился Красный Цветок и что вокруг него сидят люди с ружьями. А я хорошо знаю, — жестом указал на старые рубцы у себя на боку и лопатке Акела, — что люди не зря носят с собой ружья. Вот и сейчас, Маленький брат, наверное, кто-нибудь из них пытается отыскать наши следы, если уже не идёт по ним.

— Но зачем им это? Они же прогнали меня. Какое им теперь до меня дело? — возмутился Маугли.

— Да разве мы знаем, Маленький брат? — ответил Акела. — Ведь ты человек, и не нам, свободным охотникам, понимать, зачем твои собратья поступают так, а не иначе.

Акела едва успел отдёрнуть свою лапу, как нож Маугли вонзился глубоко в землю в том месте, где только что она была. Удар был таким быстрым, что глаз обыкновенного человека не смог бы уловить даже движения руки. Но Акела волк. Собака,

которая намного отстала от своего прародителя — дикого волка, и та успевает проснуться и отскочить в сторону, когда на неё наезжает колесо экипажа, и потому неудивительно, что Акела увернулся от удара.

— В другой раз, — сказал, успокаиваясь и вкладывая нож в чехол, Маугли, — будь осторожнее со словами.

— Да, нож острый! — похвалил Акела, обнюхивая дыру, оставленную в земле. — Только вот жаль, что ты, пока жил с людьми, потерял прежнюю сноровку, Маленький брат. За то время, пока ты наносил удар, я б успел бы убить оленя.

Вдруг Багира вскочила, вытянула голову, фыркнула и замерла, прислушиваясь. Вслед за ней поднялся и Серый брат, слегка повернувшись носом в ту сторону, откуда доносилось лёгкое дуновение ветра. Акела одним прыжком очутился шагах в пятидесяти впереди в том же направлении, откуда дул ветер, припал к земле и замер как вкопанный. Маугли пока ничего не понимал, но смотрел на них всех с завистью. Его чувства были гораздо острее, чем у обычного человека, но он никогда не мог достичь той тонкости ощущений, какой обладают звери, а тем более теперь, после трёхмесячного пребывания среди людей,

в дымной деревне, которое сильно притупило остроту его чутья. Тем не менее он потёр свой нос и вытянулся во весь рост, чтобы уловить верхним чутьём тончайший, но зато самый чистый запах.

— Человек! — проворчал Акела, припадая на задние ноги.

— Бульдео! — кивнул Маугли, усаживаясь на землю. — Идёт по нашему следу. Смотрите: вон на солнце сверкает его ружьё.

То, что увидел Маугли, было просто отблеском, длившимся не более секунды, без сомнения, от ствола старого мушкета, так как в джунглях ничто не может так сверкать.

— Как я и говорил, люди идут за нами, — сказал Акела, торжествуя, что оправдались его предположения. — Чутьё не подвело: недаром я был вожаком стаи!

Четыре брата Маугли не сказали ни слова, но, припав к земле, поползли вниз, пробираясь между зарослями терновника и кустарников.

— Куда это вы отправились, да ещё крадучись? — крикнул Маугли.

— Тсс! Мы притащим сюда его голову ещё до полудня, — ответил Серый брат.

— Назад, назад! — воскликнул Маугли. — Человек не должен есть человека!

— А кто сейчас считал себя волком? Кто кинул в меня ножом лишь за то, что я подумал, что он может быть человеком? — возразил Акела, после того как четыре волка, поджав хвосты, недовольные, возвратились назад.

— Что это? Вы хотите заставить меня отчитываться в своих действиях? — наконец не выдержал Маугли.

«Это человек! Так говорит человек! — сказала себе Багира. — Совершенно так же говорили люди в королевском зверинце в Удайпуре. Мы, жители джунглей, знаем, что человек — самое разумное из всех существ. Но если бы мы полагались на одни наши уши, то должны были бы сказать, что человек — самое безумное из всех существ». Уже вслух она прибавила:

— Человеческий детёныш прав: люди охотятся стаями. Дело скверное, если мы убьём одного, не зная о намерениях других. Пойдёмте посмотрим, что этот человек замышляет против нас.

— Мы не пойдём! — сердито произнёс Серый брат. — Охотиться один. Мы думаем по-своему и давно принесли бы сюда его череп.

Маугли молча переводил взгляд с одного из друзей на другого; грудь его вздымалась, и глаза были полны слёз. Наконец он выступил вперёд и,

припав на одно колено, сказал:

— Взгляните на меня! Неужели вы думаете, что я не знаю, чего хочу?

Все неохотно повернулись к нему, но тотчас отвели глаза в сторону. Маугли же, напротив, в упор смотрел на них и пытался поймать взгляд каждого, пока шерсть у них на спинах не стала дыбом и они не начали дрожать всеми своими членами. А он продолжал смотреть.

— Ну, скажите-ка теперь, кто из нас пятерых вожак?

— Ты наш вожак, Маленький брат, — сказал Серый брат и лизнул его ногу.

— Так идите за мной! — скомандовал Маугли, и все четыре волка поплелись за ним, поджав хвосты.

— Наш человеческий детёныш стал другим. Это всё потому, что пожил среди людей, — проворчала Багира, направляясь следом за ними. — Да, Балу, теперь есть кое-что поважнее Закона джунглей.

Старый медведь ничего не ответил, занятый своими мыслями.

II

Маугли бесшумно скользил по джунглям наперерез той тропе, по которой шёл Бульдео, как вдруг, раздвинув кустарник, увидел почтенного старого охотника с ружьём за плечами, быстро шагавшего по следам, оставленным два дня назад.

Мы знаем, что, покидая деревню, Маугли взвалил на плечи тяжёлую сырую шкуру Шер-Хана, а Акела и Серый брат лёгкой рысцой бежали следом за ним. Таким образом, они втроём оставили очень чёткие следы.

Теперь Бульдео находился на том самом месте, где Акела как мог постарался запутать следы. Бульдео то опускался на корточки, то опять вставал, кашлял, что-то бормотал себе под нос, ходил кругами около того места, где были запутаны следы. Всё время он был в такой близости от тех, кого хотел отыскать, что мог бы попасть в них камнем.

Никто не может сравниться с волком в умении бесшумно передвигаться, и если волк не желает, чтобы его услышали, его никто не услышит. Маугли научился у волков двигаться как тень, хотя

братья-волки и находили его очень неловким. Они все вились около старого охотника, как стая дельфинов возле корабля, несущегося на полных парах, всё время переговариваясь между собой. Но Бульдео ни о чём не подозревал и ничего не слышал, так как волчьи голоса принадлежали к тому роду низких звуков, которые едва ли способно улавливать грубое человеческое ухо. (Есть другие звуки, например писк летучей мыши, которые вследствие необыкновенной высоты слышны не всем людям. На таких высоких тонах говорят между собой также птицы и насекомые.)

— Наблюдать за ним гораздо интереснее, чем просто убить, — сказал Серый брат, когда Бульдео остановился передохнуть. — Он пыхтит совсем как свинья, потерявшаяся в джунглях, где-нибудь на берегу реки, что-то бормочет.

Маугли прислушался и стал передавать его слова:

— Он говорит, что здесь, похоже, топталась целая стая волков, но ему не приходилось ни разу видеть ничего подобного. Ещё он говорит, что выбился из сил.

— Он успеет вдоволь отдохнуть, прежде чем обнаружит свой след, — холодно проговорила Багира, скользя мимо ствола дерева и продолжая

игру в прятки, которую они вели. — Что же он будет теперь делать?

— Он примется за еду или будет пускать дым изо рта — люди так всегда поступают, — заметил Маугли.

И действительно, Бульдео принялся набивать трубку, потом закурил, и всё это время волки, пользуясь случаем, за ним наблюдали, принюхиваясь к его табаку, чтобы в другой раз, если это понадобится, его узнать.

Скоро на той же тропинке, где он сидел, показалась небольшая группа угольщиков и остановилась

поболтать: Бульдео как лучшего охотника знала вся округа. Усевшись на тропинке, они тоже закурили, а Багира и остальная компания расположились вокруг них и стали слушать всё ту же историю про Маугли, про дьявольщину, которая обрастала новыми подробностями. Теперь уже Маугли, обернувшись волком, бился с Шер-Ханом до самого вечера, а затем, опять превратившись в мальчика, заговорил ружьё, так что пуля, когда охотник метился в него, развернулась в воздухе и угодила в буйвола. А теперь односельчане поручили ему, самому отважному охотнику на Сеонийских холмах, выследить и пристрелить

это дьявольское отродье. А в деревне между тем народ устроил самосуд над Мессуа и её мужем, потому что они, без сомнения, отец и мать этого дьяволёнка. Обоих посадили под замок в их собственной хижине, а вечером примутся пытать, чтобы признались в колдовстве, после чего сожгут живьём.

— А когда именно это будет? — уточнили угольщики, которым, очевидно, очень хотелось посмотреть, как будут сжигать людей.

Бульдео ответил, что не раньше чем он вернётся в деревню, так как все непременно хотят сначала расправиться с мальчишкой. Всё имущество Мессуа и её мужа, землю и скот решили поделить между всеми жителями деревни. Только так, по мнению Бульдео, можно избавиться от этих дьяволов, которые принимают к себе в дом всякое отродье из джунглей.

— Но ведь история может дойти до англичан, — возразили угольщики. — И тогда может всё скверно закончиться: они ведь странный народ — не позволяют честным людям расправляться с разной чертовщиной по-своему.

— С этим проблем не будет, — успокоил их Бульдео. — Староста деревни донесёт властям, что Мессуа и её мужа покусала змея. Осталось

добраться до этого чертёнка, волчьего отродья. Не довелось ли вам, случаем, наткнуться на что-нибудь необычное — может, следы?

Угольщики со страхом переглянулись и возблагодарили Небо за то, что им не привелось увидеть ничего подобного, но такой отважный охотник, как Бульдео, наверняка разыщет этого дьяволёнка. А если не он, то кто же?

Солнце уже склонялось к горизонту, когда угольщики поднялись с земли с намерением сразу же отправиться в деревню, на что Бульдео ответил, что ради них готов отложить охоту на этого чертёнка, поскольку не может допустить, чтобы безоружные люди одни, без всякой охраны, шли по такой опасной части джунглей, и решил проводить их до деревни. Возможно, им встретится на дороге и сам дьяволёнок — что ж, тем лучше: они по крайней мере сами увидят, как лучшие сеонийские охотники расправляются с такой чертовщиной. Брамин дал ему в дорогу амулет, который должен был защитить его от всякой чертовщины.

— О чём он там говорит? Всё говорит и говорит, — поминутно спрашивали волки у Маугли, пока тот пересказывал то, что слышал, но когда речь зашла о колдовстве, он и сам перестал что-

либо понимать.

Ему стало ясно лишь то, что женщина и её муж, которые были так добры к нему, попали в какой-то капкан.

— Разве люди ловят людей в капканы? — удивился Серый брат.

— Так он сказал. Возможно, я не всё хорошо понял. Они все, похоже, сошли с ума. Он говорит, будто люди поймали Мессуа и её мужа в капкан за то, что они приняли меня в свой дом, но я совсем не понимаю, к чему весь этот разговор о Красном Цветке. Мне нужно всё увидеть собственными глазами. Что бы там они ни задумали, это произойдёт только после возвращения Бульдео. А потому…

Не закончив фразу, Маугли задумался, продолжая вертеть в пальцах нож.

Между тем Бульдео вместе с угольщиками, не теряя времени, решительным шагом направился к деревне.

— Я должен бежать туда, к человечьей стае, — после долгого молчания выговорил наконец Маугли.

— Ну а эти? — кивнул Серый брат на тёмные спины угольщиков.

— А ты им спой на дорожку что-нибудь, — с

усмешкой предложил Маугли. — Я бы не хотел, чтобы они пришли в деревню до темноты. Можете задержать их здесь, в лесу?

Серый брат оскалился:

— Мы будем водить их кругами, как на привязи. Ведь я знаю людей.

— Ну, это лишнее. Лучше спой им, чтобы не скучно было возвращаться, и не скромничай. А ты, Багира, проводи их да потяни время. Когда наступит ночь, ты, Серый брат, встреть меня на нашем месте.

— Пусть бросит в меня палкой тот, кто думает, что выслеживать кого-то вместе с человеческим детёнышем легко. Когда же я буду спать? — проворчала, позёвывая, Багира, хотя глаза её говорили о другом: вся эта история её явно забавляла. — Вот не думала не гадала, что мне придётся петь для людей, но что поделаешь — попробуем.

Она опустила к земле голову и вывела своё длинное, протяжное «Доброй охоты», свой полуночный охотничий призыв, который наводил тем больший ужас, что раздался средь бела дня. Маугли, который был уже далеко, слышал, как рёв Багиры разносился по джунглям, сначала усиливаясь, а затем падая всё ниже и ниже, и, наконец, замер в виде жалобного воя. Маугли слушал этот

мощный звук и смеялся от души, пробираясь сквозь джунгли. Перед ним промелькнули фигуры сбившихся в кучу угольщиков и старого Бульдео, у которого за плечами прыгало ружьё, а сам он трясся, как лист банана, колеблемый ветром. Затем по джунглям разнёсся вой Серого брата: «Ла-ла-хи! Ла-ла-хи!» — призыв стаи, преследующей оленя или антилопу. Звук наполнял окрестности и шёл, казалось, отовсюду: сначала приближался и усиливался, потом вдруг резко обрывался воплем. Три других волка отозвались, и тогда поднялся такой вой, что на месте Маугли кто угодно готов был бы поклясться, что завыла вся стая. Окрестности огласились великолепной утренней песней джунглей со всеми её переливами, которая хорошо знакома каждому взрослому волку:

УХОДИТ НОЧЬ ИЗ ДЖУНГЛЕЙ ПРОЧЬ,
УЖ БЛИЗИТСЯ РАССВЕТ.
И КАЖДЫЙ ГЛАЗ КОСИТ НА НАС,
И КАЖДЫЙ ВИДЕН СЛЕД.

ВЕЗДЕ ВОКРУГ ОДИН ЛИШЬ ЗВУК
ГУДИТ СО ВСЕХ СТОРОН:
«ВНИМАЙ, НАРОД! НА ОТДЫХ ТОТ,

КТО ДЖУНГЛЕЙ ЧТИТ ЗАКОН».

ВОТ ВОЖАКИ СВОИ ПОЛКИ
ПОКИНУЛИ НА ДЕНЬ.
И СТАЯ ВСЯ, ВЗДРЕМНУТЬ СПЕША,
ВСЯ РАЗБРЕЛАСЬ КАК ТЕНЬ.

УЖ НА ПОЛЯХ ВОЛЫ В ЯРМАХ
ТРУДЯТСЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ.
ГОРИТ ВОСТОК, ДЕНЬ НЕДАЛЁК —
СПЕШИМ ДОМОЙ СКОРЕЙ!

ВОТ ДЕНЬ НАСТАЛ. КРУГ СОЛНЦА ВСТАЛ,
ГЛЯДИТ СКВОЗЬ ЛЕС НА НАС.
БАМБУК ТРЕЩИТ, ЛИСТВА ШУМИТ:
ДЛЯ СНА ПРИХОДИТ ЧАС.

ЛИШЬ ДЕНЬ ВСТАЁТ, УЖ ЛЕС НЕ ТОТ.
В НОРУ, В ЧАЩУ СКОРЕЙ!
ШУМИТ ТРОСТНИК – ДОНОСИТ КРИК:
«ДЕНЬ В ДЖУНГЛЯХ ДЛЯ ЛЮДЕЙ».

РОСЫ УЖ НЕТ, И СУХ НАШ СЛЕД,
А ГДЕ ПОТОК БУРЛИЛ,
ГДЕ ПИЛИ МЫ, ТАМ НА МЕЛИ

ЧЕРНЕЕТ ВЯЗКИЙ ИЛ.

БЛЕДНЕЕТ МРАК, ДАВАЯ ЗНАК,
ЧТО НАСТУПАЕТ СОН.
ВНИМАЙ, НАРОД: «НА ОТДЫХ ТОТ,
КТО ДЖУНГЛЕЙ ЧТИТ ЗАКОН!»

Конечно, переложение на понятный человеку язык не в силах передать то впечатление, которое способна произвести эта песня, и передать тот дикий огонь, который вкладывали в каждое её слово четыре волка, когда до них доносился треск ветвей под ногами взбиравшихся на деревья людей и причитания Бульдео, произносившего все известные ему заклинания. Затем волки успокоились и улеглись спать, чтобы набраться сил перед очередным непростым днём.

III

Между тем Маугли со скоростью ветра летел вперёд, радуясь, что не утратил бодрости и лёгкости, несмотря на то что так долго жил среди людей. Мозг его сверлила одна мысль: освободить Мессуа и её мужа из капкана, чего бы это ему ни стоило. Он поклялся себе позже с избытком отплатить жителям деревни за всё зло, что они причинили этой семье.

Уже спустились сумерки, когда он увидел перед собой знакомое пастбище и одиноко стоящее дерево, где поджидал его Серый брат в то утро, когда был убит Шер-Хан. Как ни был зол на людей и их нравы, Маугли вдруг растрогался, когда увидел кровли деревенских хижин. Потом он обратил внимание на то, что поселяне раньше обыкновенного вернулись со своих полей и вместо того, чтобы заняться приготовлением пищи, собрались толпой и что-то обсуждают.

«Им что, больше нечем заняться, кроме как расставлять друг другу капканы? — подумал Маугли. — Сначала для меня, теперь — для Мессуа и её мужа, а завтра, похоже, опять для меня».

Он прокрался вдоль наружной стены до самой

хижины, где жила Мессуа, и заглянул через окно внутрь. Женщина лежала на полу, связанная по рукам и ногам, с тряпкой во рту, тяжело дышала и стонала. Её муж был здесь же, привязанный к деревянной расписной кровати. Входная дверь была заперта на замок, и пленников охраняли четыре человека, которые сидели на ступеньках и о чём-то тихо переговаривались.

Маугли хорошо знал нравы людей: пока заняты едой, болтовнёй или курением, они ничего не будут предпринимать, но как только закончат, могут стать опасными. Бульдео придёт ещё не скоро, а если четвероногие друзья будут как следует исполнять поручение, то у лучшего охотника, без сомнения, останется масса впечатлений и поводов для невероятных рассказов. Маугли спокойно влез в окно хижины и перерезал верёвки, которыми были связаны хозяева, и принялся искать молоко, чтобы напоить Мессуа, полуживую от боли и ужаса. С самого утра бедную женщину истязали, и она так страдала, что, если бы он не успел во время прикрыть ей рот ладонью, её крики могли услышать снаружи. Муж её чувствовал себя вполне нормально и, когда Маугли освободил его, сразу принялся приводить себя в порядок, вытаскивать из бороды сор и грязь.

— Я знала, я всегда знала, что он придёт! Вне всякого сомнения, это мой сын, — прижимая своего спасителя к груди, проговорила сквозь слёзы Мессуа.

До этого момента Маугли был совершенно спокоен, но теперь его охватило волнение, он весь дрожал, не понимая, что с ним происходит.

— Что всё это значит? За что они так с вами? — спросил он, едва придя в себя.

— За то, что мы приняли тебя как сына, за что же ещё, — сердито буркнул муж Мессуа. — Посмотри, я весь в крови.

Маугли, не слушая этих причитаний, не отводил взгляда от ран бедной женщины, и глаза его сверкали гневом.

— Скажи, кто это сделал, и они дорого за всё заплатят.

— Вся деревня принимала в этом участие, — ответил за неё муж. — Я богатый человек, у меня много скота, поэтому они так охотно обвинили нас в колдовстве, придравшись к тому, что мы приняли тебя.

— Ты помнишь, Натху, как я дала тебе молока? — тихо спросила Мессуа. — Так вот за то, что ты похож на моего сына, которого унёс тигр, за то, что я люблю тебя как родное дитя, они заявили,

что я мать дьявола, и решили меня убить.

— А кто он, этот дьявол? Что такое смерть, я знаю, но дьявола никогда не видел.

Мужчина мрачно взглянул на Маугли из-под бровей, а Мессуа засмеялась, повернувшись к нему:

— Ну посмотри же на него! Ведь я знала, я говорила тебе, что никакой он не колдун, а наш сын! Да, уверена, это он!

— Какая разница, сын ли он наш или колдун, если всё равно нас скоро убьют.

— Путь в джунгли свободен, — сказал Маугли, указывая в окно. — Руки и ноги у вас больше не связаны, так что можете уйти. Поспешите же!

— Но мы не знаем джунгли так, как знаешь их ты, сын, — возразила Мессуа. — Да к тому же вряд ли я смогу уйти далеко.

— За нами наверняка тотчас пустятся в погоню, нас схватят и приведут обратно, — добавил мужчина.

— Всё же, — задумчиво пробормотал Маугли, пробуя пальцем остриё своего ножа, — мне не хотелось бы драться ни с кем из них. Но, думаю, они недолго будут оставаться у этой двери и мешать тебе уйти. Пройдёт ещё минутка-другая, и у них будет занятие позабавнее, чем сидеть здесь…

Со стороны окна донёсся лёгкий шум, и Маугли, прислушавшись, громко сказал:

— Ну наконец-то! Похоже, Бульдео скоро вернётся.

— Сегодня утром его послали в джунгли за тобой, — прошептала Мессуа. — Так ты его встретил?

— Да, мы… я его встретил. У него есть о чём порассказать. А пока он будет излагать свои небылицы, времени хватит для чего угодно. Но сначала нужно разведать, что они там теперь замышляют. Вы пока обдумайте, куда пойдёте, и, когда я вернусь, скажете.

Он выпрыгнул в окно и побежал вдоль стены, окружавшей деревню. До его слуха доносился шум толпы, собравшейся под деревом. Там, на земле, лежал Бульдео, тяжело дышал и стонал, а окружавшие его односельчане с тревогой спрашивали, что с ним приключилось. Волосы у него растрепались, руки и ноги были покрыты царапинами. Он безостановочно что-то бормотал, но по всему было видно, что, несмотря на всё это, ему очень приятно чувствовать себя предметом внимания целой деревни. Время от времени из его уст вырывались отдельные слова о чертях, о поющих дьяволах, о колдовстве, которые ещё

сильнее раззадоривали в толпе любопытство, хотя и ничего не объясняли. Наконец он приказал, чтобы ему принесли напиться.

«Отлично! — сказал себе Маугли. — Теперь пойдёт болтовня! Как люди похожи на бандерлогов! Сейчас он станет полоскать рот водой, затем пускать дым, и только проделав всё это, примется рассказывать свои истории. До чего же они чудные, эти люди! Около хижины Мессуа не осталось ни одного сторожа: все прибежали сюда слушать небылицы Бульдео. Пора браться за дело!»

Маугли быстро вскочил и побежал назад, к хижине, а когда остановился у окна, почувствовал мягкое прикосновение к ноге.

— Мать, это ты? Зачем ты пришла сюда?

— Я услышала в лесу пение своих детей и пошла за тем, кого люблю больше всех. Дорогой мой Лягушонок! Мне очень захотелось посмотреть на ту женщину, которая кормила тебя молоком, — проговорила Волчица-мать, вся мокрая от росы.

— Они связали её, заперли, а потом собирались убить, но я освободил их с мужем, и они смогут уйти из деревни через джунгли.

— Ия пойду следом за ней. Хоть я и стара, но зубы у меня ещё целы. — Волчица-мать приподнялась на задних лапах, взглянула через окно в

темноту хижины и так же бесшумно опустилась на землю. — Я тоже кормила тебя своим молоком, но Багира была права: человек в конце концов всегда возвращается к человеку.

— Может, и так, — сухо, с неприязнью произнёс Маугли, — но сейчас, по крайней мере, я к ним не собираюсь. Подожди меня здесь, но ей на глаза не показывайся.

— Не бойся за меня, мой маленький Лягушонок, — сказала Волчица-мать, прячась в высохшей траве так ловко, как это умеют только волки.

Скоро возвратился Маугли *и,* запрыгнув в хижину, весело прошептал:

— Сейчас все они сидят вокруг Бульдео и слушают его байки, но как только он закончит плести небылицы, придут сюда и принесут с собой Красный… огонь. Ну, что вы решили? Надо уходить отсюда, и немедленно.

— Я поговорила с мужем, — ответила Мессуа. — До Ханевала отсюда около полусотни километров, там есть англичане.

— А они из какой стаи? — спросил Маугли.

— Я не знаю. Это белые люди, которые, как говорят, управляют всей страной и не позволяют устраивать самосуд. Если успеем за ночь дойти до

них, тогда мы спасены, а если нет — нам конец.

— Вас не убьют. Никто, ни один человек, не выйдет сегодня за ворота деревни, — сказал Маугли, потом, взглянув на мужа Мессуа, который, сидя на корточках в углу хижины, копался в земле, спросил: — Что это он делает?

— Там у него припрятано немного денег: больше ничего взять с собой мы не сможем.

— А, это такие мелкие штучки, которые передаются из рук в руки и всё время остаются такими же? Разве и там они понадобятся? — удивился Маугли.

Муж Мессуа сердито взглянул на него и пробормотал:

— Да он просто глупец, а не дьявол. Если есть деньги, можно купить лошадь. Мы не сможем долго идти пешком, а через час за нами погонится вся деревня.

— Я же сказал, что никто не выйдет за ворота до тех пор, пока им не будет позволено, но купить лошадь — мысль хорошая: Мессуа будет тяжело идти.

Мужчина меж тем поднялся, пряча в свой пояс последнюю рупию, и Маугли помог Мессуа вылезти через окно. Свежий ночной воздух взбодрил её, но джунгли в лунном свете показались очень

мрачными и страшными.

— Вы знаете дорогу в Ханевал? — спросил Маугли шёпотом и, получив утвердительный ответ, сказал: — Вам совершенно нечего бояться и незачем спешить. Да, и если вдруг услышите непривычные звуки, песни джунглей, пусть вас это не пугает.

— Неужели ты думаешь, что мы решились бы идти ночью через джунгли, если бы нам не угрожала смерть от огня? Но пусть уж лучше нас загрызут дикие звери, чем убьют люди, — сказал муж Мессуа, а сама она, взглянув на Маугли, засмеялась.

— Я по-вто-ря-ю те-бе, — проговорил тогда Маугли таким тоном, каким, бывало, говорил Балу, в сотый раз повторяя старый Закон джунглей нерадивому ученику, — повторяю: ни один зуб в джунглях не коснётся вас, ни одна лапа не поднимется. Ни человек, ни зверь не посмеет задержать вас, пока не приблизитесь к Ханевалу на расстояние взгляда. — Затем, обратившись к Мессуа, прибавил: — Он не верит мне, но ты ведь веришь?

— Да, конечно, мой сын. Человек ли ты, или дух, или волк из джунглей — всё равно. Я тебе верю.

— Он испугается, когда услышит пение моего

народа, но ты теперь знаешь, что это такое. Так идите же и ничего не бойтесь: ворота деревни останутся запертыми.

Мессуа вдруг зарыдала и опустилась к ногам Маугли, но он быстро наклонился и поднял её, дрожа от волнения. Она обхватила его руками и принялась осыпать всеми ласковыми словами, какие только могли прийти в голову, а муж её тем временем, с сожалением взирая на поля, которые придётся покинуть, запальчиво проговорил:

— Мне бы только до Ханевала добраться! Там я подам англичанам жалобу на брамина и старого Бульдео, да и на всех остальных. Я разорю их до ниточки, голыми пущу по миру. Они вдесятеро заплатят мне за мои незасеянные поля и некормленых буйволов. Я добьюсь справедливости!

Маугли засмеялся:

— Не пойму, о какой справедливости ты говоришь, но… если к следующим дождям заглянешь сюда, то увидишь, что останется от этой деревни…

Наконец они вышли из хижины и направились к джунглям. Волчица-мать тотчас выскочила из засады и подбежала к Маугли.

— Беги за ними, — сказал он ей. — Проследи, чтобы никто их не трогал. Можешь, если нуж-

но, общаться со своими, а я хочу поговорить с Багирой.

Вдруг из чащи донёсся пронзительный вой, и Маугли, увидев, как муж Мессуа тотчас замер на месте и чуть не помчался обратно, крикнул:

— Идите, не бойтесь! Как я и говорил, это поют мои собратья. Их пение будет сопровождать вас до самого Ханевала. Этот голос джунглей — ваша охрана.

Мессуа взяла мужа за руку и потащила вперёд, и скоро они исчезли в темноте ночи вместе с Волчицей-матерью, бежавшей за ними.

IV

Едва люди скрылись из виду, как у ног Маугли выросла Багира, возбуждённая, дрожащая от удовольствия, которое доставляла ей эта ночь: ночью все звери джунглей живут иной, полной дикой прелести жизнью, — и промурлыкала:

— Я рассердилась на твоих братьев.

— За что? Разве Бульдео не понравилось их пение? — удивился Маугли.

— Наоборот: как раз за то, что слишком хорошо пели. Настолько проникновенно, что я забыла про свой почтенный возраст и сама принялась кружиться по джунглям, как весной, — вот до чего я дошла! А уж как пела! Да ты, наверное, слышал.

— У меня в это время были другие заботы. Спроси лучше у Бульдео, понравилось ли ему твоё пение. Лучше вот что мне скажи: где мои четверо? Надо проследить, чтобы ни один человек до самого рассвета не выходил за ворота деревни.

— Зачем они тебе? — вкрадчиво проговорила Багира, переступая с лапы на лапу и сверкая глазами. — Я и одна отлично справлюсь, Маленький брат. Вероятно, можно будет кого-то наконец-то

убить? Эти ночные песни и люди, что лазают по деревьям, буквально сводят с ума. Ну что особенного в том человеке, чтобы его щадить? Темнокожий голый червь, который роется в земле. К тому же беззубый, безволосый, ещё и землю жуёт! Весь день сегодня с самого утра я ходила за ним по пятам и гоняла, как какую-нибудь лань, как волки гоняют оленя. Да, как пляшу подчас с собственной тенью, так плясала с этими!

И огромная пантера принялась прыгать, как котёнок за падающим листком, рассекая лапами воздух, так что ветер свистел, падала на землю и тут же взлетала вверх, то мягко мурлыкая, то рыча и пыхтя, как паровой котёл.

— Я Багира, королева джунглей, царица ночи. Во мне мощь и сила! Кто устоит против моего удара? Что такое предо мной ты, человеческий детёныш? Одной лапой размозжу тебе голову, как давлю летом мерзких лягушек!

— Ну так ударь! — выкрикнул Маугли на языке людей, и это сразу остановило Багиру.

Она упала на вмиг задрожавшие задние лапы, и голова её пришлась как раз против головы Маугли. Он в упор уставился на неё, как смотрел на волчат, когда те не хотели его слушаться, и не отводил взгляда до тех пор, пока дикий блеск не

погас в зелёных глазах, как с рассветом гаснет свет маяка. Не вынесла Багира его взгляда, и голова её стала опускаться всё ниже и ниже, а потом и вовсе красный шершавый язык стал царапать ему ногу.

— Ничего, бывает, — успокаивающе похлопал пантеру по шее и спине Маугли. — В этом нет твоей вины — такая уж выдалась ночь.

— Да, ты прав: это всё от ночных запахов, — смиренно проговорила Багира. — Ночной воздух слишком меня опьянил. Но как ты узнал?

Действительно, воздух вокруг индусской деревни всегда полон всевозможных запахов, а на обитателей джунглей они влияют гораздо сильнее, чем на людей.

Маугли ещё погладил пантеру, и та, успокоившись, улеглась у его ног, как кошка возле огня, подобрав под себя лапы и полузакрыв глаза. Некоторое время оба молчали, потом Багира произнесла:

— Тебя не понять: то ты наш, из джунглей, а то чужак, — но я люблю тебя, Маленький брат, хоть всего лишь чёрная пантера.

— Что-то они уж слишком долго сегодня болтают там, под своим деревом, — задумчиво проговорил Маугли, мысли которого занимало

совсем другое.

— Должно быть, Бульдео блещет красноречием, а когда закончит, все отправятся в хижину к пленникам, а там пусто. Вот будет весело-то! А знаешь, я вот успокоилась, и мне пришла в голову одна мысль: что, если бы в ловушке они нашли меня? Мне не впервой сидеть в клетке, а чтобы кто-нибудь из них решился связать меня, не думаю.

Маугли расхохотался.

— Смотри, только будь осторожна!

Пантера между тем скользнула внутрь хижины и фыркнула:

— Фи! Как здесь воняет! А у них здесь такая же постель, какая была у меня в зверинце в Удайпуре.

Маугли услышал, как кровать затрещала под её тяжестью.

— Вот они удивятся, когда увидят, что за дичь попалась в ловушку! Подойди ко мне, Маленький братец, сядь, мы вместе пропоём им «Счастливой охоты!».

— Нет, человечья стая не должна меня видеть.

— Ну, будь по-твоему. Пусть теперь приходят, я готова.

Между тем шум от сборища под деревом стано-

вился громче, с того конца деревни стали вдруг доноситься дикие крики, а вскоре показалась и вся толпа, размахивающая палками, косами и ножами. Возглавляли шествие Бульдео и брамин.

— Сейчас мы заставим во всём сознаться этих колдунов! — вопили люди. — Надо их сжечь вместе с домом — пусть знают, как давать убежище оборотням! Огня несите сюда, огня! Побольше факелов! Бульдео! Готовь своё ружьё!

Дверь была плотно закрыта, но толпа надавила, и она соскочила с петель. И вот при свете факелов взорам разъярённых людей предстала картина: на кровати, пошевеливая лапами, растянулась пантера, чёрная, как ад, ужасная, как демон.

На мгновение толпа замерла, а в следующее пришла в движение: те, кто был в первых рядах, рванулись назад, к выходу, тесня задних. В это время Багира подняла голову и зевнула, словно хотела выразить презрение к тем, кто нарушил её покой, раскрыв при этом во всю ширину огромную пасть, показав красный язык и огромные клыки, а когда челюсти сомкнулись, раздался леденящий душу щелчок. Минуту спустя, когда хижина опустела, пантера выпрыгнула в окно и подошла к Маугли. Между тем люди с воплями и криками, опрокидывая и толкая друг друга,

неслись по улице, чтобы поскорее добраться до своей хижины и там укрыться.

— Теперь они не покажут носа до восхода солнца, — сказала она спокойно. — А что станем делать мы?

Можно было подумать, что всё население деревни вымерло — такая воцарилось тишина, но если подойти поближе к любой хижине, то можно было услышать, как передвигаются тяжёлые лари, скамьи и шкафы, чтобы забаррикадировать дверь. Багира права: теперь до самого рассвета ни у кого не хватит смелости показаться на улице, — а Маугли сидел и думал. И, судя по тому, что лицо его становилось всё мрачнее и мрачнее, мысли были, очевидно, невесёлые.

— Что с тобой, Маленький брат? Может, я чем-то тебя огорчила? — спросила Багира, ласкаясь.

— Нет, нисколько! Ты молодец. Знаешь, посторожи их до восхода солнца, а я пойду немного посплю.

Маугли скрылся в джунглях, забрался на скалу и заснул. Так прошёл следующий день и вся ночь.

V

Проснулся он бодрый и свежий и тут же увидел Багиру: рядом с ней лежала только что убитая лань.

Маугли освежевал тушу своим ножом, поел и попил, а пантера с любопытством наблюдала за ним. Насытившись, он улёгся на бок и опять задумался.

— Мужчина и женщина благополучно дошли до Ханевала, — сказала Багира. — Эту весть прислала Волчица-мать с коршуном Чилем. Около полуночи им удалось раздобыть лошадь, так что часть пути они проехали. Ты доволен?

— Это хорошо.

— А та человечья стая, что осталась в деревне, просидела взаперти до позднего утра. Днём кое-кто выходил ненадолго, но потом все опять попрятались.

— Отчего? Ты, что ли, показалась им на глаза?

— Пожалуй, да, они меня заметили. Утром я прошлась у них под воротами и повалялась там в песке. А может, их голос мой напугал. Но теперь, Маленький брат, нам здесь нечего больше делать. Пойдём охотиться и Балу с собой позовём: вроде

новые ульи нашёл и тебе показать хочет. Давай вернёмся в джунгли и заживём по-старому. Да не смотри ты так — пугаешь! Ведь мужчина и женщина ушли от Красного Цветка, а в джунглях всё осталось по-прежнему. Не правда ли? Так забудь человечью стаю и иди к нам.

— Да, так и будет. Вот увидишь: пройдёт немного времени и ничто больше не напомнит о ней. Не знаешь ли, где этой ночью пасётся Хатхи?

— Там, где ему нравится. Кто это может знать? Но зачем ты спрашиваешь? Что такое может сделать Хатхи, чего не сумеем мы?

— Попроси его прийти ко мне с сыновьями.

— Но, Маленький братец, не слишком-то вежливо сказать владыке «приди-ка сюда» или «можешь уходить». Ведь он повелитель джунглей, и от него ты узнал все заклятия.

— Это теперь для меня не имеет значения: я знаю другие нужные слова и могу сказать ему. Просто попроси его прийти к Маугли, к Лягушонку. А если он не обратит на твои слова внимания, тогда скажи, что я хочу поговорить с ним про опустошение буртпорских полей.

«Опустошение буртпорских полей», — несколько раз повторила про себя Багира, чтобы запомнить.

— Я иду: на худой конец, Хатхи рассердится, — а я охотно отдала бы весь запас месячной охоты, чтобы только услышать волшебные слова, которые заставили бы его смириться.

Когда Маугли остался один, его вдруг охватил гнев: он не находил себе места и метался, то размахивая ножом, то втыкая его в землю. Его преследовал запах крови, которую он видел на теле Мессуа, которой были испачканы её верёвки. И эта кровь вытекала из тела женщины, которая приютила его и была к нему очень добра. И чем больше он думал, тем сильнее ненавидел остальных людей: их язык, их жестокость, их лукавство, — но тем не менее чувствовал, что не в состоянии решиться пролить человеческую кровь. Этот ужасный запах — запах крови — всё время держал его в напряжении, подпитывая жажду мести. И он решил отомстить, не проливая крови. Его план был простой и в то же время верный. Но самое забавное, что натолкнул его на эту мысль не кто иной, как сам Бульдео одной из своих баек, когда сидел под деревом со старшинами деревни.

Его мысли были прерваны шёпотом вернувшейся Багиры:

— Слова оказались и правда волшебными. Все

четверо паслись около реки, но, как только я их проговорила, тотчас последовали за мной. Да вот и они, уже подходят.

По тропинке бесшумно, как всегда, чинно вышагивало семейство слонов. Свежая речная тина покрывала бока Хатхи. Он шёл не спеша, задумчиво пережёвывая молодой зелёный стебель смоковницы, который вырвал по пути. От наблюдательной Багиры ничто не ускользало, поэтому она тотчас заметила, что перед ней уже не владыка джунглей, который пожелал говорить с человеческим детёнышем: Хатхи приближался робко, неуверенно, будто робел перед тем, к кому подходил.

— Доброй охоты, — произнёс Хатхи обычное приветствие джунглей, на что Маугли едва ответил кивком.

Слон долго переминался с ноги на ногу, покачивал головой, махал хоботом, пока, наконец, Маугли не соблаговолил заговорить, но обратился при этом не к Хатхи, а к Багире:

— Хочу рассказать одну давнишнюю историю: я слышал её от того самого охотника, которого ты сегодня гоняла. В ней шла речь про одного старого мудрого слона, что имел несчастье попасть в ловчую яму. Острый кол, вбитый на дне, распорол

ему кожу от ступни до самого плеча, после чего у него на всю жизнь остался белый шрам.

Маугли взмахнул рукой, и когда Хатхи повернулся боком к лунному свету, стал виден длинный белый шрам, будто оставленный раскалённым железом.

— Затем пришли люди, чтобы вытащить его и забрать, но это был могучий слон: сумел разорвать верёвки, которыми его связали, и уйти от них. Когда рана его зажила, слон вернулся, чтобы отомстить, да не один, а с сыновьями. Всё это случилось много-много лет назад и очень далеко отсюда — на полях Буртпора. Не знаешь ли, Хатхи, люди приходили затем на эти поля на жатву?

— Нет, урожай собрали мы с сыновьями.

— А потом кто-нибудь пахал эти поля?

— Нет, с тех пор они стоят непаханными.

— А что же сталось с людьми, которые всегда ухаживали за полями?

— Ушли.

— А что произошло с их хижинами?

— Мы снесли с них кровли, а затем пришли джунгли и поглотили стены.

— А ещё что-то было?

— Да. Джунгли забрали у них столько земли с запада на восток, сколько я могу пройти за две но-

чи, и столько с севера на юг, сколько я преодолею за три ночи. Мы выпустили джунгли на все пять деревень, и теперь на тех полях, на прежних широких зелёных лугах и пашнях никого нет. Так, опустошив поля Буртпора, мы отомстили людям за жестокость. А теперь я спрошу у тебя, человеческий детёныш: от кого ты узнал эту историю?

— От охотника по имени Бульдео. Теперь я вижу, что даже такой враль может иногда говорить правду. Всё было сделано хорошо, Хатхи, но сейчас то же самое должно быть сделано ещё лучше, так как на сей раз руководить будет человек. Ты ведь знаешь селение, в котором живёт прогнавшая меня человечья стая? Эти люди ленивые, безжалостные, жестокие; убивают тех, кто слабее, но не для пропитания, а забавы ради. Могут собственное племя предать Красному Цветку. Это всё я видел своими глазами. Я ненавижу их! Им не место на этой земле.

— Тогда убей их! — проговорил самый младший из сыновей Хатхи и, вырвав пучок травы, хлопнул им себя по ноге, а затем отшвырнул прочь. Его маленькие глазки гневно сверкали и бегали из стороны в сторону.

— Что мне от этих белых костей? — возразил Маугли. — Разве я волчонок, чтобы играть на

солнце с окровавленным черепом? Вот я убил Шер-Хана: его шкура всё ещё болтается на скале Совета, но… я не знаю, где сам тигр, да и желудок мой пуст. Теперь я хочу иметь что-нибудь такое, что можно увидеть, что можно ощупать. Так напусти, о Хатхи, джунгли, на это человеческое селение!

Багира вся съёжилась, и дрожь пробежала по её спине, когда она услышала, что задумал Маугли. Она могла бы, если уж речь зашла о мести, вихрем промчаться по деревенской улице, врезаться в толпу, сбивая людей с ног, или в сумерках броситься на пахаря в поле, но хладнокровно уничтожить целое селение… План Маугли привёл её в содрогание. Теперь она поняла, почему он обратился к Хатхи: никто из жителей джунглей, кроме долгожителя Хатхи, не мог бы довести такую войну до конца.

— Заставь этих людей бежать со своих полей, как бежали те, из Буртпора; пусть лишь летние дожди вспахивают их поля; пусть лишь шум капель, падающих с высоких деревьев, нарушает их тишину во время жатвы. В доме брамина мы с Багирой устроим себе логовище, и лани будут пить воду в источнике за их храмом. Напусти на них джунгли, о Хатхи!

— Но ведь… но между нами не было ничего такого, что вызвало бы слепую ярость. Для того чтобы решиться снести с лица земли убежища людей, нужна боль, — нерешительно проговорил Хатхи, слегка покачиваясь.

— Да разве ты единственный на свете, кого кормит трава джунглей? Гони на них весь свой народ: ланей, свиней, оленей. Сам можешь и не показываться, если не хочешь, до тех пор, пока в полях не останется ни травинки. Напусти на них джунгли, Хатхи, помоги отомстить!

— Скажи мне лишь одно: ведь не нужно будет убивать? Тогда, во время опустошения полей Буртпора, мои бивни были красны от крови, и с тех пор я не выношу её запаха.

— В этом я с тобой солидарен: не желаю, чтобы даже кости их лежали на нашей чистой земле. Пусть себе ищут новые берлоги. Они не должны более оставаться здесь! Я видел кровь и слышал крики той женщины, что приютила меня: они хотели её за это убить. Только запах молодой травы, что вырастет на месте их домов, сможет заглушить запах той крови. От него и теперь ещё першит в горле. Так напусти же на них джунгли, Хатхи!

— Я понимаю тебя, потому что помню, как го-

рела та рана от острого кола, — сказал Хатхи. — И только тогда моя боль утихла, когда я увидел вместо их деревень заросли сорной травы. Что ж, да будет так: твоя война станет нашей войной. Я пущу на них джунгли!

Маугли буквально трясся от гнева и ненависти, а когда он немного пришёл в себя и перевёл дыхание, место, где недавно стояли слоны, было пустым. Рядом с ним сидела лишь Багира и бросала на него тревожные взгляды.

— Клянусь сломанной решёткой, которая дала мне свободу! — произнесла пантера, заметив, что он способен её услышать. — Неужели передо мной то самое голое существо, за которое я, когда была ещё молода, замолвила словечко? О повелитель джунглей! Когда я стану стара и слаба, будь моей защитой, будь защитой всем нам! Мы ведь перед тобой что ветки, которые с хрустом ломаются под ногами, что телята, отбившиеся от матери.

Слушая причитания Багиры, Маугли не смог удержаться от хохота. Он смеялся и плакал одновременно, смеялся и плакал до изнеможения, пока, наконец, не прыгнул в реку, чтобы остановиться. Там, в воде, при лунном свете, он принялся плавать, нырять и кувыркаться, совер-

шенно как лягушка, имя которой носил.

VI

После того как оставили Маугли, Хатхи и три его сына разошлись в разные стороны, и каждый молча пошёл по своему пути, минуя долины, перебираясь через горы. Так шли они два дня и две ночи, наконец остановились и принялись кормиться. Всё то время, что семейство слонов было в пути, за ними внимательно наблюдали обитатели джунглей: летучая мышь Манг, коршун Чиль, обезьянье племя и птицы — и обсуждали каждый шаг, каждое движение хобота. Не менее недели слоны оставались на одном месте: как и Каа, горный питон, они не любили торопиться, когда для того не было особой необходимости.

И по всем джунглям вдруг пошёл слух, про который никто решительно не мог сказать, откуда он взялся, что в такой-то долине есть превосходная трава и отличная вода. Дикие свиньи, которые готовы идти хоть на край света ради хорошей сочной травы, первые пустились в путь к той долине, толкаясь и обгоняя друг друга. За ними пошли олени и нильгау, крупные антилопы; из болот повыходили буйволы и двинулись следом. Достаточно было какого-нибудь пустяка, чтобы

изменить направление этой массы животных, которые двигались не спеша, пощипывая траву, объедая листву с деревьев, отдыхая у водопоев, снова поднимаясь, чтобы опять приняться за еду, но всякий раз, когда происходило какое-нибудь замешательство среди этих рассеянно бродивших животных, немедленно кто-нибудь восстанавливал спокойствие. Иной раз это был дикобраз Икки, приносивший свежие вести о корме где-нибудь поблизости; в другой раз — Манг, летучая мышь, вдруг начинал хлопать крыльями, давая понять, что никого впереди уже не осталось и что нужно идти дальше. А то Балу, набив пасть кореньями, принимался теснить полуиспуганных животных, вынуждая идти в нужном направлении.

Многие по дороге отстали или повернули обратно, потеряв интерес, но всё же большая часть обитателей джунглей продолжала двигаться дальше. И вот дней через десять в долине скопилось столько животных: ланей, кабанов, свиней, антилоп, — что, привлечённые возможностью поживиться, сюда потянулись и хищники. В самом центре долины находилась деревня, окружённая полями с созревающим хлебом. На полях возвышались небольшие платформы — мача-

ны, — похожие на голубятни, где сидели сторожа, чтобы сгонять с полей птиц и других воришек.

Олени подошли вплотную к полям первыми, но дальше идти не решались, а хищные звери напирали сзади, вынуждая их всё больше и больше уплотняться.

Тогда тёмной ночью вдруг из джунглей вышли Хатхи и три его сына, опрокинули колья, на которых держались мачаны. Сторожа попадали на землю, оглушённые рёвом слонов, который раздавался у них прямо над головой.

Олени тут же, теснимые собратьями, ринулись вперёд на поля, за ними устремились, взрывая землю, дикие свиньи. Временами то с одной, то с другой стороны раздавался волчий вой, отчего животные тревожно метались взад-вперёд, уничтожая молодые посевы, обваливая оросительные канавы.

Когда забрезжил рассвет, хищники поспешили скрыться в джунглях, оставив свободную тропу по направлению к югу, куда и ринулась большая часть травоядных, теснимых с других сторон. Немногие смельчаки остались, решив на день спрятаться в зарослях в надежде следующей ночью продолжить пир.

Но дело было уже сделано. Поутру жители уви-

дели, что весь их урожай погублен, а значит, им грозит голодная смерть. Потом, когда выгнали на пастбище буйволов, оказалось, что вся трава съедена дочиста. Голодный скот в поисках пищи разбрёлся по джунглям и больше не вернулся, присоединившись к диким родичам. Ближе к вечеру кое-кто из деревенских жителей, к своему ужасу, обнаружил в стойлах убитых лошадей, причём у всех животных были проломлены чьими-то мощными челюстями головы. На другом дворе лошадь была и вовсе вытащена из своего стойла и брошена на улице. Только Багира могла наносить подобные удары, да ещё с такой дерзостью.

Обезумевшие поселяне не решались в эту ночь даже зажигать огни, чем и воспользовался Хатхи, вместе с сыновьями пройдясь по деревне и уничтожив последние надежды людей, потому что там, где пройдут слоны, не остаётся уже ничего.

Удостоверившись, что весь урожай погиб, люди решили дождаться новых дождей, когда повсюду начинаются полевые работы, надеясь как-нибудь перемаяться, а затем отправляться на поиски подённой работы за кусок хлеба, чтобы пережить этот несчастный год.

И только у торговца были полные закрома

хлеба. Он уже потирал руки, предвкушая, как станет продавать его несчастным односельчанам втридорога, но случилось иначе. Хатхи навестил ночью те землянки, где в больших ивовых корзинах, обмазанных коровьим навозом, хранился хлеб, и своими бивнями всё разнёс, рассыпав драгоценное содержимое по земле.

У жителей деревни осталось единственное средство: обратиться за помощью к богам и их посланнику на земле — брамину. Но сколько они ни молились, сколько ни просили, помощи не последовало: молитвы их так и не были услышаны. Брамин тогда сказал отчаявшимся односельчанам, что, вероятно, сами того не ведая, они как-то оскорбили одного из древних богов джунглей, ибо не было больше сомнений: против них двинулись сами джунгли. Можно было попытаться обратиться к этим старым богам, которых нынешние люди забыли, и поселяне послали за старшиной одного из живших по соседству родов дикого племени гондов. Это кочующее по джунглям охотничье племя принадлежит к самому древнему народу, который жил в Индии испокон веков и был её единственным хозяином. Вот привели в деревню маленького гонда, человечка с бегающими глазками, луком в руках и двумя-тремя

отравленными стрелами в волосах, завязанных узлом на макушке. Пока поселяне объясняли ему, в чём дело, гонд стоял и оглядывался: не то с испугом, не то с презрением, — бросая взоры то на озабоченные лица людей, то на опустошённые поля. А те хотели узнать, не прогневались ли на них древние боги Индии и не мстят ли им, а если так, то какие жертвы нужно принести, чтобы вернуть их милость.

Гонд молча выслушал их, потом поднял с земли плети вьющейся карелы, которая приносит горькие плоды, похожие на тыкву, и повесил поперёк дверей деревенского храма, прямо перед вытаращенными глазами индусского идола. Затем, жестом указав на дорогу, которая вела к Ханевалу, старшина гонтов покинул деревню и направился к себе в джунгли, спокойно пройдя мимо зверей, с любопытством наблюдавших за происходящим. Гонд знал: раз джунгли пришли в движение, то остановить их нашествие во власти лишь одного белого человека.

Поселяне не стали спрашивать гонда, что значат все его действия, потому что поняли: там, где они молились своим богам, скоро вырастет горькая карела, — а значит, надо уходить немедля.

VII

Только покинуть старое насиженное место нелегко.

Пока оставались кое-какие крохи, которыми можно было кормиться, поселяне не уходили из своей деревни. Попытки добыть в джунглях орехов или плодов не увенчались успехом: всюду их подстерегали тени со сверкающими глазами и сновали под ногами даже средь бела дня. А кто-то даже с ужасом заметил на коре дерева, мимо которого только что проходил, полосы ободранной коры со следами огромных когтей. И чем дольше оставались в своей деревне люди, тем агрессивнее становились звери, которые блуждали на пастбищах около Вайнганги, наводя на них страх своим воем и криками. Жители перестали латать и замазывать выходившие в джунгли стены своих опустевших амбаров: кабаны ломали и рушили их. Вспаханную их мордами свежую землю тут же покрывали своими цепкими усами узловатые лианы, а если чего не успевали захватить, то становилось добычей бурьяна, выступавшего повсюду как щетина.

Первыми покинувшие деревню одинокие люди

по всей округе разнесли весть, что над их селением повисло проклятие. Кто может бороться с джунглями или их богами, если даже священная кобра оставила свою нору у подножия дерева, где собирался народ? Слушая эти рассказы, люди из соседних селений стали обходить проклятое место стороной, так что мало-помалу связь этой деревни с окружающим миром сходила на нет: стали зарастать и исчезать тропы, по ночам в окрестностях слышались голоса зверей, раздавались трубные звуки слонов. От посевов на полях не осталось и следа, исчезла граница, отделявшая их от джунглей, которые, казалось, всё теснее обступали деревню. Наконец люди осознали, что оставаться здесь больше невозможно и остаётся одно: идти в Ханевал и возложить все надежды на помощь англичан.

Решение было принято, но его выполнение со дня на день всё откладывалось, пока, наконец, не наступил сезон дождей. Тропические ливни застали людей врасплох: с проломанными крышами; пустыми амбарами и пастбищами, где теперь стояла вода и с неимоверной быстротой поднимались всевозможные дикие растения джунглей. Тогда все, кто ещё оставался в деревне, бросились спасаться, поливаемые горячим лив-

нем. И когда последняя семья, обременённая пожитками, проходила через ворота, вдруг из-за ограды деревни раздался треск падавших балок и провалившихся кровель. Оглянувшись, люди увидели, как над рушившейся крышей на мгновение взвился чёрный змеевидный хобот и тотчас исчез, а вслед за этим раздался новый треск, за которым последовал рёв слона. Это Хатхи срывал крыши с домов. Одна из балок при падении попала на него, и это только удесятерило ярость и силу. Из всех зверей джунглей рассерженный дикий слон обладает наибольшей разрушительной силой. Хатхи пнул сложенную из сырой глины стену, и та тотчас рухнула и превратилась в жёлтую грязь, смешавшись с потоками дождя. А Хатхи продолжал неистовствовать, реветь и носиться по узким деревенским улочкам, разрушая стены хижин, срывая двери, снося карнизы. Его примеру следовали и сыновья, повторяя картину опустошения полей Бурт-пора.

— Весь этот мусор должны поглотить джунгли, — раздался среди этого разгрома спокойный голос. — Пора приниматься за наружную ограду.

И Маугли, обливаемый потоками дождя, стекавшего по голым плечам, спрыгнул с обвалившейся

стены, которая легла на землю как утомлённый буйвол.

— Всему своё время, — задыхаясь от усталости, проговорил Хатхи. — О, тогда, в Буртпоре, мои бивни были красны от крови! Ну-ка, дети, налягжем все вместе на эту стену и сокрушим её. Раз, два, три!..

Толстая наружная стена зашаталась, треснула и рухнула под сильными ударами четырёх голов, а поселяне, онемев от ужаса, издали смотрели на разрушителей — громадных, выпачканных глиной, — затем, придя наконец в себя, без оглядки бросились вниз по долине, бездомные, голодные, в то время как за их спинами стиралась с лица земли родная деревня.

Прошёл месяц, и от деревни остался пустырь, усеянный ямами и кучами мусора, густо поросшими нежной молодой зеленью, а к концу сезона дождей на том месте, где всего полгода назад ходил плуг, торжествующе раскинулись во всей красе джунгли.

Песня Маугли против людей

ПРИЗВАТЬ НА ВАС ХОЧУ Я ДЖУНГЛИ,
ЧТОБЫ ВАШ СЛЕД СТЕРЕТЬ С ЗЕМЛИ,
ЧТОБЫ ПОЛЗУЧИЕ ЛИАНЫ
ПОРОГИ ВАШИ ЗАПЛЕЛИ.
НАД ВАМИ РУХНУТ ВАШИ КРОВЛИ,
ОТ СТЕН НЕ БУДЕТ И СЛЕДОВ.
КАРЕЛОЙ, ГОРЬКОЮ КАРЕЛОЙ,
РУИНЫ ЗАРАСТУТ ДОМОВ.

ВБЛИЗИ ВОРОТ, ГДЕ ВЫ СХОДИЛИСЬ,
ТАМ БУДЕТ МОЙ НАРОД БРОДИТЬ,
А В ТЁМНОЙ ГЛУБИНЕ АМБАРОВ
СЕМЬЯ ВАМПИРОВ СТАНЕТ ЖИТЬ.
ЗМЕЯ ДА БУДЕТ ВАШИМ СТРАЖЕМ.
И ТАМ, ГДЕ ВАШИ ДНИ ТЕКЛИ,
КАРЕЛА, ГОРЬКАЯ КАРЕЛА
ВОССТАНЕТ ПЫШНО ИЗ ЗЕМЛИ.

И СЛУГ МОИХ ВАМ НЕ УВИДЕТЬ:
ПРИДУТ ОНИ В ТИШИ НОЧНОЙ

И, ВЫПОЛНИВШИ МОЮ ВОЛЮ,
УЙДУТ ПРЕД УТРЕННЕЙ ЗАРЁЙ.
ПАСТИ ВАМ СТАДО БУДУТ ВОЛКИ:
ИХ ВЫ НЕ СМОЖЕТЕ ПРОГНАТЬ.
И ГДЕ ВЫ ЖИЛИ И РОЖДАЛИСЬ,
МЕЧТАЛИ ДНИ ДОКОРОТАТЬ,
КАРЕЛА, ГОРЬКАЯ КАРЕЛА
НАЧНЁТ ПЛОДЫ СВОИ ДАВАТЬ.

Я ВЫШЛЮ ДУХОВ К ВАМ НЕЗРИМЫХ.
ОНИ СОЖГУТ ВАШ ХЛЕБ С ЗАРЁЙ,
А ВАМ ОСТАНЕТСЯ КОЛОСЬЯ
СБИРАТЬ, ОБРОН ЕННЫЕ МНОЙ.
ПАСТИСЬ У ВАС ЗДЕСЬ СТАНУТ ЛАНИ
НА ОБЕЗЛЮДЕВШИХ ПОЛЯХ.
КАРЕЛА, ГОРЬКАЯ КАРЕЛА
НАЧНЁТ ЦВЕСТИ У ВАС В САДАХ.

ПРИЗВАТЬ НА ВАС ХОЧУ Я ДЖУНГЛИ,
ЧТОБЫ ВАШ СЛЕД СТЕРЕТЬ С ЗЕМЛИ,
ЧТОБЫ ПОЛЗУЧИЕ ЛИАНЫ
И ПАМЯТЬ ВАШУ ЗАПЛЕЛИ.
НА ВАС ПОЙДУТ ДЕРЕВЬЯ ДЖУНГЛЕЙ,

И ВСЁ, ЧТО БЫЛО ВАМ РОДНЫМ,
КАРЕЛА, ГОРЬКАЯ КАРЕЛА
ОДЕНЕТ САВАНОМ СВОИМ.

Четверо их, всегда недовольных,
С той поры, как на землю ложится

роса:
Коршуна глотка, рука обезьяны,
Зубы шакала, человечьи глаза.

Поговорка джунглей

Барский анкус[4]

4 notes: 4

Анкус — инструмент дрессировщика и погонщика слона: короткое копьё с толстой рукояткой, имеющее на конце штык и загнутый крюк.

I

Каа, огромный горный питон, вероятно, не менее чем в двухсотый раз со дня своего рождения сменил кожу. Маугли никогда не забывал, что Каа спас ему однажды жизнь, когда его захватило обезьянье племя и унесло в Холодные Пещеры, и теперь пришёл поздравить с благополучным окончанием линьки. Смена кожи у змей всегда сопровождается скверным настроением, которое не улучшается до тех пор, пока новая кожа достаточно не окрепнет и не станет сверкать своим великолепием.

Каа никогда не позволял себе никаких шуток с Маугли и принимал его, как и все другие обитатели джунглей, как истинного повелителя, поэтому тотчас поспешил сообщить новости, которых у него всегда было предостаточно. Особенно хорошо ему было известно всё, что касалось жизни средних джунглей, то есть жизни у земли или под землёй: среди камней, в норах, в дуплах деревьев.

Маугли, усевшись между кольцами питона, перебирал в руках его старую изорванную кожу, которая клочьями лежала в щелях камней. Для

того чтобы ему было удобнее сидеть, Каа свернулся таким образом, что получилось нечто вроде удобного кресла.

— Даже глазные чешуи и те остались на твоей старой коже, — заметил Маугли. — Как-то странно видеть чью-то кожу с головы, лежащую у ног.

— Но ведь у меня нет ног, — возразил Каа. — То, что кажется странным тебе, для меня совершенно нормально. А разве твоя кожа никогда не изнашивается и не становится жёсткой?

— В таком случае я иду купаться, но сказать тебе правду, плоская голова, особенно в жаркую погоду я бы очень хотел, чтобы с меня сошла, но только без боли, вся кожа.

— Я тоже купаюсь, но этого, по-моему, мало, — сказал Каа. — Ну и как тебе мой теперешний новый наряд?

Маугли провёл пальцами вдоль косых рядов бесконечных чешуй, покрывавших огромную спину питона, и, рассматривая узоры на спине, заметил:

— У черепахи панцирь твёрже, зато не так разрисован. У лягушки, моей тёзки, рисунок более пёстрый, но кожа гораздо мягче. Смотреть на твою новую кожу истинное удовольствие — похоже на пёстрый венчик лилии.

— Теперь нужно её смочить. Новая кожа приобретает свой настоящий блеск только после первого купания.

— Так пойдём купаться. Хочешь, я понесу тебя? — со смехом предложил Маугли и нагнулся, собираясь поднять среднюю, самую массивную часть тела питона.

Каа же, несмотря на все старания Маугли, продолжал спокойно лежать и только пыхтел от удовольствия. Затем началась обычная вечерняя забава между юношей во всём расцвете физической силы и питоном во всём блеске его новой кожи. Они становились друг против друга и начинали состязаться в верности глаза и силе. Вне всякого сомнения, Каа мог бы раздавить с десяток таких Маугли, если бы захотел, но вёл игру очень осторожно и пускал в ход лишь малую часть своей обычной силы. Эти игры начались между ними с той поры, когда Маугли окреп настолько, чтобы выдерживать сколько-нибудь серьёзную борьбу. Случалось во время игры, что Маугли оказывался с ног до головы в кольцах питона, безуспешно пытаясь высвободить руку и схватить противника за шею. Затем шло состязание на ловкость: Маугли ловил ногами хвост Каа, который тот перебрасывал с камня на камень. А то

они становились друг против друга, как два противника, качаясь то в одну, то в другую сторону, выжидая момент, чтобы броситься. Мгновение — и всё смешивалось среди хаоса чёрных и жёлтых колец, мелькавших рук, поднимавшихся и опускавшихся ног.

— Получай, получай, получай! — говорил Каа, нанося головой удар за ударом с такой быстротой, что даже ловкая рука Маугли не могла увернуться. — Теперь я трону тебя здесь, Маленький брат, а теперь ещё здесь и вот здесь! У тебя что же, руки одеревенели? Вот тебе ещё!

Игра всегда заканчивалась одинаково: питон стремительно толкал мальчика головой и опрокидывал, так что тот летел кувырком. Маугли всё никак не мог научиться увёртываться от этого молниеносного удара, а Каа говорил, что не стоит и пытаться.

— Доброй охоты! — прошипел питон, заканчивая игру и нанося удар, от которого Маугли по обыкновению был отброшен шагов на десять.

Смеясь и часто дыша, он вскочил на ноги и направился за Каа к месту его купания, к глубокому пруду, черневшему между камнями, со дна которого торчал упавший ствол громадного дерева. Как всегда без малейшего звука, Маугли скольз-

нул в воду, нырнул, появился на поверхности и лёг на спину, раскинув руки. Пока он так лежал, любуясь луной, которая выкатывалась из-за горы, появился Каа, разрезая воду своей сверкавшей, точно украшенной драгоценными камнями, головой. Подплыв к Маугли, он положил ему на плечо свою голову, и друзья, лёжа неподвижно, отдыхали, наслаждаясь прохладой.

— Как же здесь хорошо! — проговорил Маугли сонным голосом. — Там, в человечьей стае, в этот час люди обычно укладываются на свои жёсткие доски внутри ловушек, сделанных из глины, закрывают все отверстия, чтобы не впустить свежий воздух, натягивают на головы грязные тряпки и затем всю ночь выводят носом разные скверные песни. Нет, здесь, у нас в джунглях, спать гораздо лучше.

В этот момент со скалы вниз, к воде, скользнула кобра, сказала: «Доброй охоты!» — напилась и уползла обратно.

— Постой, — торопливо, как будто что-то внезапно припомнив, начал Каа. — Так, говоришь, джунгли дают тебе всё, что только можешь пожелать? Да, Маленький брат?

— Конечно, не всё, — рассмеялся Маугли. — Мне бы, например, очень хотелось, чтобы появился

новый сильный Шер-Хан, которого я мог бы ещё раз убить, но теперь уже сам, собственной рукой, без помощи буйволов. Ещё у меня появилось желание в разгар сезона дождей увидеть солнце, а среди летней жары, наоборот, чтобы вдруг полил дождь. Также я не хотел бы ложиться спать с пустым желудком и всякий раз убивать козла, а ещё лучше оленя, хотя вместо оленя предпочёл бы нильгау. Но ведь то же самое чувствуют и все обитатели джунглей.

— И что, других желаний у тебя нет? — удивился огромный питон.

— Что же ещё я мог бы желать? Вокруг меня джунгли, со мной — их милость. Что может быть ценнее между закатом и восходом солнца?

— А вот кобра говорила… — начал Каа, но Маугли быстро спросил:

— Какая кобра? Та, которая только что была здесь и ушла, ничего не сказав? Она просто охотилась.

— Нет, то была другая кобра.

— А разве ты водишься с ядовитым племенем? Что касается меня, то я всегда сторонюсь их: они носят смерть в своих передних зубах, и это нехорошо. Но про какую тогда кобру ты говоришь?

Каа медленно переваливался в воде, точно

пароход в море.

— Это было три-четыре месяца назад. Я охотился тогда в Холодных Пещерах. Место это, наверное, тебе памятно. Дичь, на которую я тогда охотился, с криком промчалась мимо водоёма к той постройке, которую, если ты помнишь, я прошиб, чтобы тебя освободить. Она шмыгнула туда и ушла под землю.

— Но ведь обитатели Холодных Пещер не живут в норах, — возразил Маугли, будучи уверен, что Каа говорит про обезьян.

— Дичь, на которую я тогда охотился, не живёт в норах, а только прячется, — сказал Каа. — Она скрылась в норе, очень глубокой, но я последовал за ней, поймал, проглотил и уснул, а когда проснулся, пополз вперёд…

— Под землёй?

— Да, под землёй. Пробираясь там, я наткнулся на Белый Капюшон — так звали ту кобру, потому что она была белая, — и она стала мне говорить о вещах, которых я совершенно не понимал, а затем показала предметы, каких я до тех пор не видывал.

— Что это было? Вероятно, какая-то новая дичь? Она годится для охоты? — нетерпеливо спросил Маугли, с трудом удерживаясь на месте.

— Нет, вовсе не дичь, и если бы я попробовал это съесть, то, наверное, сломал бы все зубы. Но Белый

Капюшон говорила мне, что люди — заметь, это говорилось тоном, который свидетельствовал о превосходном знании предмета, — готовы были бы жизнь отдать лишь за то, чтобы хоть глазком увидеть те вещи.

— Мы сможем их увидеть? — спросил Маугли. — Я даже вспомню, что когда-то был человеком.

— Не торопись, дружок! Всему своё время. Так вот: мы разговорились с Белым Капюшоном, и я между делом упомянул о тебе, сказав, что ты человек. Тогда-то она и сказала (не забывай, что эта кобра так же стара, как сами джунгли): «Да, давненько я уже не видывала человека. Пусть придёт сюда: много чего увидит здесь».

— Это не иначе какая-нибудь особенная дичь. И этот ядовитый народ скрывает от нас, где её можно найти! Ужасно нелюбезно с их стороны.

— Да нет же, это не дичь. Это… это… Нет, я не сумею объяснить.

— Тогда давай отправимся туда вместе. К тому же я никогда не видел белых кобр и хочу взглянуть как на неё, так и на те вещи, которые она

показывала тебе. Что, она сама их всех убила?

— Их нельзя убить: они мёртвые, — а она их только сторожит.

— А, как тот волк, что зарыл в своём логове мясо и сам его стережёт. Пойдём-ка посмотрим.

II

Маугли подплыл к берегу, покатался в траве, чтобы поскорее обсохнуть, и затем вместе с Каа направился к Холодным Пещерам, тому самому покинутому людьми городу среди джунглей, куда раньше затащили его обезьяны. Маугли больше не испытывал перед ними страха: напротив, теперь бандерлоги страшно боялись его. Их племена блуждали среди джунглей, и в Холодных Пещерах было пустынно и тихо.

Каа пробрался к полуразрушенному павильону цариц, который стоял среди террасы, проскользнул сквозь груду наваленных обломков и пропал в глубине полуоб-валившейся лестницы, которая вела из середины павильона в глубину подземелья. Маугли произнёс нужные слова: «Мы с вами одной крови, вы и я», — и пополз на четвереньках за Каа. Так они довольно долго пробирались по отлогому проходу, пока после многочисленных изгибов и поворотов не подползли к месту, где корень огромного дерева, возвышавшегося над ними на несколько метров, проделал отверстие в стене, выдавив большой камень. Проскользнув в это отверстие, они очутились под широким

сводом, который в некоторых местах был продырявлен корнями деревьев, благодаря чему струи света сверху местами проникали сюда и слабо освещали обширное сводчатое помещение.

— Надёжное убежище, — сказал Маугли, поднимаясь на ноги и осматриваясь. — Одно только плохо: слишком длинная дорога, чтобы сюда можно было приходить каждый день. Но что же здесь такого особенного?

— А разве ничего? — раздался голос из глубины помещения, и перед глазами Маугли шевельнулось что-то белое.

Скоро он разобрал среди полумрака, что перед ним вытянувшаяся вверх передней частью туловища огромнейшая кобра: таких ему ещё не приходилось видеть — не менее двух метров в длину, цвета старой слоновой кости. Даже пятна на её капюшоне, похожие на очки, и те выцвели, стали жёлтыми, а глаза были красные, как рубины. Всё вместе делало её удивительным существом.

— Доброй охоты! — сказал Маугли, который в любом положении своей жизни оставался приветливым.

— Ну что, как вам здесь? — спросила белая кобра, не отвечая на приветствие. — Каков вели-

кий, окружённый стенами город со своей сотней слонов, двумя десятками тысяч лошадей и бесчисленными стадами скота? Город царя двадцати царей? Я стала глуха от старости и уже давно не слышу звуков военных гонгов.

— Над нашими головами нет ничего, кроме джунглей, — удивлённо проговорил Маугли. — Из слонов я знаю только Хатхи с сыновьями. Багира перебила всех лошадей, а буйволы… А что такое царь?

— Ведь я же говорил тебе, — мягко произнёс Каа, обращаясь к кобре, — три недели назад, что никакого города здесь нет.

— Как нет? Что вы говорите! Город, огромный город среди леса, с воротами, в окружении стен с башнями! Такой город есть, он не может исчезнуть. Его построили ещё раньше, чем отец моего отца вышел из яйца. Этот город будет стоять и тогда, когда сын моего сына станет таким же белым, как я. Саломди, сын Чандрабиджи, сына Виеджи, сына Егазури, построил этот город в дни Баппа Равала. А вы сами-то чей скот?

— Это потерянный след. Я не понимаю, о чём она говорит, — сказал Маугли Каа.

— Ия тоже не понимаю. Она очень стара. Послушай, Белый Капюшон, здесь только джунгли

и больше ничего, и так было с самого начала.

— Тогда кто же он? — спросила белая кобра. — Он, что теперь стоит так бесстрашно предо мной; он, который не знает царя; он, который своими человечьими губами говорит на нашем языке? Кто он такой, с ножом и со змеиным языком?

— Меня зовут Маугли. Я из джунглей, принадлежу к племени волков, а Каа мой брат. А вот кто ты?

— Я страж царских сокровищ, курун. Раджа положил надо мной камень в то время, когда моя кожа была ещё тёмная, для того чтобы я карала смертью тех, кто попытался бы похитить эти сокровища. Когда сокровища опустили сюда, я слышала песни браминов, моих повелителей.

«Гмм… Брамины… Мне однажды приходилось иметь дело с брамином в человечьей стае, и я знаю, что это такое», — подумал Маугли.

— Вот уже пять раз с тех пор, как я сторожу сокровища, поднимался надо мной камень, но лишь для того, чтобы лечь ещё плотнее, и ни разу не сдвигался совсем. Нет на свете сокровищ, подобных этим, но прошло уже много времени с тех пор, как поднимался камень, и я начинаю думать, что мой город забыт.

— Да нет же здесь никакого города! Взгляни

вверх. Вон там корни больших деревьев повырывали камни со своих мест, — попытался ещё раз убедить белую кобру Каа.

— Два-три раза люди находили сюда дорогу, — упорно, не слушая возражений, продолжила та. — Но я не слышала их голосов, пока не подходила к ним, в то время как они рылись здесь в темноте. Тогда они вскрикивали, но тут же замолкали. И вот теперь вы приходите вдвоём, человек и питон, с ложью на языке и хотите заставить меня поверить, что моего города больше нет и что сторожить нечего. Люди хоть и мало, но с годами меняются, я же не меняюсь никогда! И до тех пор, пока брамины не придут сюда с песнями, которые я знаю, чтобы поднять опять надо мной камень, и пока не напоят меня тёплым молоком, как это было тогда, и не выведут опять на дневной свет, я, и только я, а никто другой, останусь стражем царских сокровищ! Вы говорите, что город умер и что корни деревьев вросли в эти стены? Тогда подходите и берите то, что вам нравится. На земле нет других сокровищ, подобных этим. Ты, человек со змеиным языком, если сумеешь уйти отсюда живым тем самым путём, которым пришёл, тогда все цари станут твоими слугами!

— Опять потерянный след! — спокойно, будто

самому себе, проговорил Маугли. — Неужели шакал смог пробраться так глубоко в землю и искусать белую кобру? Нет никакого сомнения: она безумна… Белый Капюшон, да здесь вообще ничего нет!

— О боги солнца и луны! Вразумите же этого мальчика! — прошипела кобра. — Так и быть. Прежде чем закроются навсегда твои глаза, я сделаю для тебя эту милость и покажу, что здесь есть. Так смотри же, смотри на то, что ещё не видел ни один человек!

— Нехорошо поступает в джунглях тот, кто говорит мне о милости, — процедил сквозь зубы Маугли. — Но здесь темно, а в темноте всё выглядит иначе. Ну хорошо, я посмотрю, если это доставит тебе удовольствие.

Он обвёл взглядом всё подземелье и поднял с пола горсть чего-то сверкающего.

— О, да это очень походит на те штучки, с которыми, я видел, постоянно играли люди, когда я был в человечьей стае. Только эти жёлтые, а те были потемнее.

Он высыпал блестящие кружочки на пол и пошёл дальше. Всё подземелье было завалено на глубину полутора метров золотыми и серебряными монетами, которые высыпались из сгнивших

мешков, где первоначально хранились, и слежались плотным слоем, как песок на морском берегу при отливе. Кое-где из-под груды монет выступали, подобно остаткам судна, погребённого под слоем песка, дорогие паланкины, усеянные драгоценными камнями, кованные золотом и серебром и сверкавшие карбункулами и бирюзой, — такие переносили слоны. Тут же валялись покрытые эмалью носилки для цариц, с золотыми рукоятками и кольцами. У стен стояли золотые канделябры, увешанные нитями изумрудов. В других местах высились массивные, высотой не меньше полутора метра, фигуры забытых богов целиком из серебра, с глазами из драгоценных камней. Тут же висели боевые доспехи, покрытые золотом и увешанные бахромой из почерневших жемчужин; шлемы, усеянные по рёбрам кроваво-красными рубинами; щиты из панциря черепахи и кожи носорога, натянутые на золотые рамы и усыпанные по краям изумрудами; ножны для мечей, обсыпанные алмазами, шпаги и охотничьи ножи с драгоценными рукоятками. Золотые кадильницы, переносные алтари и священные сосуды, которые никогда не видели дневного света, гребни, амфоры для благовоний; кольца для носа, браслеты, перстни, ожерелья, повязки,

пояса — всё это имелось в несметном количестве, всё блистало золотом, серебром и камнями.

Белый Капюшон была права: эти сокровища, которые скопились благодаря столетиям войн, грабежей, торговли и тяжёлых податей, что платил народ, были бесценны. Запас одних лишь монет не имел себе равного по стоимости, если даже оставить в стороне всё остальное. Вес только золота и серебра в этих драгоценностях наверняка составил бы не одну сотню килограммов. Даже теперь ещё у каждого индусского владетельного князя, как бы ни был он беден, имеется своя потайная кладовая, которая периодически пополняется. И хотя более просвещённые из таких князей время от времени отправляют на буйволах в казначейство сорок-пятьдесят подвод, нагруженных серебром, для обмена на государственные бумаги, всю остальную, притом значительно большую, часть своих сокровищ хранят у себя, и только они сами знают, как велика их стоимость.

Но Маугли, конечно, не мог понимать настоящего значения всего того, что увидел. Больше всего его заинтересовали ножи, но поскольку ни один не пришёлся ему по руке так, как собственный, повертел их и бросил назад. В конце концов

он наткнулся на вещь, которая действительно его поразила. Она лежала рядом с паланкином, полузасыпанным слоем монет. Это был анкус, остроконечная палка с крючком, похожая на небольшой багор — таким погоняют слонов, — на конце рукоятки которого сверкал огромный рубин, следующие двадцать сантиметров были усеяны необработанной бирюзой, а ниже её украшал растительный орнамент: изумруды и рубины на фоне холодного зелёного камня. Верхняя часть рукоятки была из чистой слоновой кости, а стальные остриё и крючок украшала инкрустация золотом с изображением диких слонов. Именно эти рисунки и привлекли внимание Маугли.

Белая кобра подползла к нему и, сверля глазами, спросила:

— Ну что? Разве не стоит всё это какой-то ничтожной жизни? Разве я не оказала тебе великую милость, показав свои сокровища?

— Нет, потому что я ничего не понимаю. Все эти вещи жёсткие и холодные, совершенно непригодные для еды, но вот эта, — Маугли показал кобре анкус, который держал в руках, — мне нравится, и я хотел бы её забрать, чтобы рассмотреть при солнечном свете. Если всё это действительно

принадлежит тебе, дай мне эту вещицу, а я принесу за это лягушек.

Белая кобра аж затряслась от радости, злобно оскалившись:

— Конечно, я могу её тебе отдать, да и всё остальное тоже, но лишь на то время, пока ты будешь здесь.

— Нет, так я не хочу: здесь темно и холодно. Я уйду в джунгли и возьму эту вещь с собой.

— Взгляни под ноги. Что ты там видишь?

Маугли нагнулся, поднял что-то белёсое и лоснящееся и спокойно сказал:

— Похоже, это человеческий череп. Вот ещё один.

— Это осталось от тех, кто приходил сюда и хотел забрать сокровища, давно, много лет назад. Я немного побеседовала с ними здесь, в темноте, они успокоились навсегда и с тех пор лежат.

— Но, повторяю, к чему мне всё то, что ты зовёшь сокровищами? Если позволишь мне унести вот эту вещь, буду очень тебе благодарен, ну а если нет, тоже не особенно расстроюсь. Я никогда не воевал с ядовитым племенем, к тому же мне известно заклятие.

— Здесь оно не имеет силы: есть всего одно слово, и знаю его только я.

При этих словах Каа встрепенулся, сверкая глазами, и прошипел:

— А кто просил меня привести человека?

— Я, конечно, я, — усмехнулась кобра. — Уж очень давно я не видела людей, а этот ещё и говорит по-нашему.

— Но ведь речь идёт об убийстве. Как я без него вернусь в джунгли? Что скажу нашему народу? — возмутился Каа.

— Никто пока об убийстве не говорит, так что успокойся, жирный охотник на обезьян. Не горячись так! А то мне стоит лишь коснуться твоей шеи, и джунгли больше тебя не увидят. Если человек попадает сюда, то уйти не должен. На то я и страж города царей!

— Повторяю ещё раз, ты, белый червь мрака: здесь нет никакого города, а есть только джунгли — расстилаются повсюду! — воскликнул Каа.

— Но сокровища остаются сокровищами, и потому что должно быть сделано, будет сделано. Вот погоди немного, Каа, житель скал, сейчас будет весело. Здесь достаточно места, так что немного поиграем с мальчиком в кошки-мышки!

Маугли положил руку на голову Каа, успокаивая, и тихо проговорил:

— Пусть Белый Капюшон позабавится. Ей хо-

чется, чтобы я показал себя. Не мешай: она просто меня не знает.

Маугли опустил анкус остриём вниз и в следующее мгновение метнул в землю. Пролетев около самой головы, он попал в капюшон и пригвоздил кобру к полу. Тут же Каа всей своей тяжестью навалился на судорожно извивавшееся тело, не давая змее сдвинуться с места. Красные глаза её злобно сверкали, а голова и оставшаяся свободной часть шеи — больше пятнадцати сантиметров — бешено метались, нанося удары направо и налево.

— Убивай! — воскликнул Каа, когда Маугли опустил руку за ножом.

— Нет! Я убиваю только для того, чтобы добыть себе пищу. Мы поступим иначе. Смотри!

Маугли схватил кобру за голову около капюшона, остриём ножа открыл ей рот и показал страшные ядовитые зубы на верхней челюсти, только сгнившие и совершенно чёрные. Белая кобра осталась без яда, как это бывает со змеями.

— Да от неё теперь никакого толка! — рассмеялся Маугли и, подняв анкус, освободил кобру. — Для сокровищ царей нужен другой сторож. А ты, Белый Капюшон, можешь играть и бегать сколько хочешь!

— Я опозорена. Лучше убей! — прошипела кобра.

— Что-то мы слишком много говорим сегодня об убийстве. Нам пора. Эту вещь я возьму с собой как награду за то, что сражался с тобой и победил.

— Только берегись: как бы эта вещь, которую хочешь унести, не убила тебя самого. В ней — смерть. Хорошенько запомни это! Её одной хватит, чтобы убить всех жителей моего города. Недолго эта вещь будет принадлежать тебе, человек из джунглей! Недолго и тем, кто возьмёт её у тебя. Она будет убивать и убивать; все, к кому она попадёт, будут убивать ради неё. Пусть моя сила высохла, анкус будет продолжать моё дело, потому что имя ему — Смерть. Он сама смерть! И всегда будет нести с собой смерть!

Не обращая внимания на злобное шипение змеи, Маугли вслед за Каа прополз в отверстие, через которое они попали сюда, и, бросив назад последний взор, увидел, как белая кобра бешено бьётся головой о золотое изображение бога, лежавшее на полу, и шипит:

— Смерть, смерть!..

III

Друзья были очень рады наконец-то выбраться опять на белый свет и с наслаждением вдыхали воздух джунглей. Маугли любовался своим приобретением и выглядел очень довольным. В лучах утреннего солнца анкус так сверкал, что он весело заметил:

— В этом камне даже больше блеска, чем в глазах Багиры. Надо непременно показать ей этот камень. Но что такое говорила кобра про смерть? Я ничего не понял.

— Я тоже не сумею тебе объяснить, но, признаюсь, очень сожалею, что она не познакомилась с твоим ножом, — сказал Каа. — В этих Холодных Пещерах всегда найдётся какая-нибудь гадина: если не на земле, то под землёй. Знаешь, я что-то проголодался. Не хочешь поохотиться вместе со мной?

— Нет. Я спешу к Багире, чтобы показать ей эту вещь. Доброй охоты!

Маугли покинул Каа и, размахивая анкусом, направился в ту сторону джунглей, где проще было найти подругу, и не ошибся. Багиру он застал у воды, где та отдыхала после удачной охоты. Пока

пантера рассматривала и обнюхивала анкус, Маугли рассказывал о своих приключениях, а когда передал последние слова, которые произнесла кобра, заворчала.

— Значит, Белый Капюшон не солгала и такое бывает на самом деле? — живо спросил Маугли.

— Я родилась в королевском зверинце Удайпура, потому неплохо знаю людей. Среди них немало таких, кто согласился бы убить трижды за ночь, лишь бы овладеть всего одним этим красным камнем.

— Но ведь камень делает рукоятку тяжелее. Мой маленький блестящий ножик мне нравится гораздо больше. К тому же камни не едят. Так из-за чего же тогда убивать?

— Послушай, Маугли, лучше иди выспись. Ведь ты жил среди людей и знаешь…

— Я думаю, люди убивают от того, что не охотятся: из-за лености и жажды удовольствий. Да проснись, Багира! Скажи лучше, для чего нужна эта штука.

Багира чуть приоткрыла свои совсем сонные глаза, и Маугли заметил, что в них блеснул лукавый огонёк.

— Люди этой палкой бьют по голове сородичей Хатхи, бьют до крови. Я видела такие и на улицах

Удайпура, перед моей клеткой. Эта штука пролила немало крови у таких, как Хатхи.

— Но зачем пробивать слонам головы?

— Люди таким образом учат их подчиняться. У людей ведь нет ни зубов, ни когтей, потому они и делают себе вещи, подобные этой. Есть и другие, ещё хуже.

— Чем больше узнаю про человечью стаю, тем больше крови вижу! — мрачно заключил Маугли, вдруг почувствовав тяжесть анкуса. — Если бы я знал, то не взял бы эту вещь. На тех верёвках была кровь Мессуа, а здесь — кровь Хатхи. Нет, не стану я больше носить с собой эту проклятую вещь. Смотри, Багира!

Анкус мелькнул в воздухе между деревьями и воткнулся остриём в землю шагах в пятидесяти впереди.

— Теперь я больше не несу смерть, — с облегчением произнёс Маугли, вытирая руки о влажную траву. — Белая кобра сказала, что смерть будет следовать за мной по пятам. Нет, ты не права, старая, беззубая и выжившая из ума тварь!

— Ну и пусть себе шипит эта старая и прочая, а я пойду спать, Маленький брат. Я уже не так молода, чтобы, проохотившись всю ночь, ещё и выть целый день, как другие.

И Багира поплелась к себе в логово, а Маугли устроил себе ложе вроде гамака на подходящем дереве и скоро последовал её примеру. Пусть он и не опасался дневного света, как большинство его друзей, однако, как и они, днём не проявлял особой активности.

Разбудил его многоголосый шум обитателей деревьев, а значит, уже наступили сумерки. Желудок издал голодное бурчание, и тут же на память пришли мушки, которых он выбросил утром.

«Надо пойти посмотреть на них», — сказал он себе и спустился на землю. Багира уже ждала неподалёку — в полумраке слышалось её фырканье.

— А где же эта штука? — удивился Маугли, не обнаружив анкуса на том месте, куда бросил его.

— Забрал какой-то человек. Вот его след.

— Ну вот и увидим, правду ли сказала Белый Капюшон. Если верно, что эта остроконечная штука несёт смерть, то человек, который унёс её, либо убьёт, либо умрёт. Пойдём по его следу.

— Прежде нужно поохотиться, — возразила Багира. — На пустой желудок глаз плохо видит. Люди ходят медленно, а сейчас ещё достаточно сыро, так что след сохранится.

Они не торопясь поохотились, наелись и напились, так что к тому времени, как пустились по следу, прошло часа три. Народ джунглей знает, что нет ничего важнее еды, потому и не торопится.

— Как ты думаешь, Багира, — задумчиво проговорил Маугли, — эта штука может сама повернуться в руках человека и нанести ему смертельный удар? Белая кобра сказала, что в ней смерть.

— Скоро увидим.

Пантера бежала по следу, опустив голову к земле и принюхиваясь.

— След одной пары ног, но глубокий: видно, эта штука тяжёлая, — заметила Багира.

— Э, да их так хорошо видно, что и нюхать не надо! — воскликнул Маугли, бодрой рысью следуя за Багирой по отпечаткам босых ног, освещённых луной.

— Вот здесь он ускорил шаг или даже побежал, — заметил Маугли. — Смотри: следы от пальцев направлены в стороны.

Место, по которому они бежали, было сырее.

— Но зачем это он вдруг повернул в сторону?

— Подожди! — остановила его Багира и сделала великолепный прыжок.

Когда след становится путаным или слабо виден, первое, что необходимо предпринять, это прыгнуть вперёд, чтобы ещё больше его не запутать своими собственными.

Оказавшись далеко впереди, пантера крикнула:

— Здесь другой след — идёт навстречу тому. У этого нога поменьше, а пальцы глядят внутрь.

Маугли тотчас подбежал к Багире и нагнулся рассмотреть новый след.

— Это отпечатки ног охотника из племени гондов. Вот почему первый след сделал такой крутой поворот в сторону! Большая Нога старается скрыться от Маленькой.

— Да, ты прав, — согласилась Багира. — Теперь будет лучше, если каждый из нас пойдёт по одному следу, чтобы не спутать их между собой. Я пойду по крупному следу — Большой Ноги, а ты проследи за Маленькой.

Багира прыгнула к первому следу, а Маугли остался около странного отпечатка с вывернутыми наружу пальцами, принадлежавшего малорослому дикому человечку из кочевого племени гондов.

— Здесь, — начала Багира, следуя по знакомым отпечаткам, — Большая Нога сделал поворот,

скрылся за скалой и замер, опасаясь шевельнуть даже пальцем. А что говорит твой след, Маленький брат?

— Маленькая Нога приближается к скале! — крикнул Маугли, быстро продвигаясь по своему следу. — Вот здесь он остановился и сел у скалы, опершись на правую руку, приготовил лук, уперев его между пальцами ноги. Поскольку следы ног глубокие, ждать пришлось долго.

— Да, и у меня тоже, — отозвалась Багира. — Всё время Большая Нога скрывался за скалой и выжидал, положив эту остроконечную штуку на камень, а вот здесь поскользнулся, оставив царапину. Ну а твой след, Маленький брат, о чём говорит?

— Вот здесь сломаны две толстые ветки, — негромко произнёс Маугли. — А это что такое? Не знаю, как объяснить… А, всё ясно! Здесь Маленькая Нога вышел, стараясь произвести как можно больше шума, чтобы Большая Нога мог услышать.

Маугли вышел из-за скалы и двинулся шаг за шагом между деревьями, всё повышая голос, и скоро оказался у небольшого водопада.

— Вот то место, где шум воды заглушает любые звуки. Здесь Маленькая Нога опять остановился

и приготовился ждать. Что говорит твой след, Багира?

Пантера прыгала то туда, то сюда, пытаясь отыскать место позади скалы, откуда ушёл Большая Нога, наконец отозвалась:

— Большая Нога ушёл от скалы на корточках и тащил за собой ту вещь, никого не замечая, потом выпрямился и помчался что есть силы. След очень чёткий. Я бегу по нему. Следи за своим!

Багира побежала по своему следу, а Маугли — по отпечаткам ног гонда. Некоторое время оба молчали, потом раздался голос Багиры:

— Где ты, Маленький брат?

Маугли отозвался шагах в пятнадцати от неё, не дальше, и Багира с глубоким вздохом проворчала:

— Гмм… Они бегут неподалёку друг от друга, и расстояние между ними становится всё меньше и меньше.

Так они бежали рядом с километр, внимательно вглядываясь в землю, пока вдруг Маугли не закричал:

— Они встретились! Доброй охоты! Смотри: вот здесь стоял Маленькая Нога, опершись коленом на камень, а вот здесь — Большая.

Прямо перед ними, шагах в десяти от того ме-

ста, где они остановились, лежал, распростёртый на куче камней, человек. Мёртвый. По виду это был, без сомнения, житель какой-нибудь местной деревни. Маленькая оперённая стрела, какими стреляют гонды из своих луков, торчала у него из спины.

— Ну что, так ли уж стара и безумна Белый Капюшон, Маленький брат? — с усмешкой спросила Багира. — Вот тебе первая смерть.

— Ну что, идём по следу дальше? И где теперь этот кровопийца, это напоённое кровью слонов красноглазое остриё?

— Без сомнения, у Маленькой Ноги. Смотри, вот его след!

Отпечаток ног показывал, что маленький человек быстро бежал, положив тяжёлый анкус на левое плечо. След шёл по краю просеки, поросшей низкой жёсткой травой, и был виден так чётко, словно отчеканенный на металле.

Багира и Маугли продолжали двигаться молча вперёд, пока не наткнулись на дне оврага на кучу золы и следы недавнего костра.

— Смотри! — воскликнула Багира, внезапно замерев на месте.

Перед ними лежало тело маленького гонда, полузасыпанное золой.

— Его убили бамбуковой палкой, — сказал Маугли, быстро взглянув на труп. — У меня тоже была такая, когда я жил в человечьей стае и пас буйволов. Похоже, белая кобра действительно знала людей гораздо лучше, чем я думал. Сожалею, что был так несправедлив к ней. Разве она не говорила, что люди убивают вовсе не для пропитания, а так, от нечего делать?

— Да, это так. Очень часто они убивают ради каких-нибудь красных или голубых камней, — заметила Багира. — Это говорю я, которая провела значительную часть жизни среди людей, в зверинце Удайпура.

Стоя над кучей золы и внимательно глядя вниз, Маугли принялся считать:

— Один, два, три, четыре… Целых четыре следа людей с обутыми ногами. Они не могли идти так же быстро, как гонд. Но что же мог сделать им этот маленький человечек? Смотри, вот здесь в одном месте целых пять следов! Они стояли все вместе и разговаривали. Багира, давай бросим всё и уйдём отсюда! Я чувствую тяжесть в желудке, он буквально трясётся, как гнездо на конце ветки.

— Нет, плох тот охотник, который позволяет своей дичи убегать, — возразила пантера. — Эти четыре пары обутых ног не могли уйти далеко.

Время приближалось к полудню, а охотники всё ещё шли по следу.

— Я чувствую запах дыма, — потянув носом воздух, вдруг объявила Багира.

— Люди гораздо охотнее едят, чем двигаются, — сказал Маугли, бегая взад-вперёд по зарослям низкого густого кустарника, которые покрывали новую для них часть джунглей.

Багира, бежавшая чуть в стороне, вдруг издала странный звук, а потом пробормотала:

— Здесь ещё один, который уже никогда больше не захочет есть.

В кустах Маугли увидел кучу пёстрого тряпья, вокруг которой всё было обсыпано мукой.

— Нет, этого тоже убили бамбуком. Смотри, вот эту белую пыль люди едят. Убитый, очевидно, украл у них весь корм, вот они его и отняли, а самого отдали коршуну Чилю.

— Это уже третий, — буркнула Багира.

«Я готов вернуться к белой кобре и отнести ей целую кучу жирных свежих лягушек, чтобы понять, — сказал себе Маугли. — Это остриё, обагрённое кровью слонов, действительно несёт смерть!»

— Пойдём дальше, — позвала подруга.

Они прошли ещё около мили, прежде чем

услышали голос ворона: тот извещал о смерти с вершины дерева, под которым лежали три человека. Около них дымился догоравший костёр, а над ним на подвешенном железном листе чернел почти обуглившийся хлеб. Около самого огня, сверкая в лучах солнца, лежал анкус.

— Да, быстро он делает своё дело. Все следы обрываются здесь, — проговорила Багира. — Отчего же умерли эти трое? На них вроде никаких следов убийства не видно.

Кто живёт в джунглях, знаком лучше, чем какой-нибудь учёный доктор, с ядовитыми травами и ягодами. Маугли подошёл к костру, втянул носом запах, шедший от костра, отломил кусочек обгоревшего хлеба, попробовал и тотчас выплюнул, потом заключил:

— Яблоко смерти. Тот, первый, которого они убили, приготовил этот хлеб для них, после того как они все вместе убили гон да.

Багира знала, что яблоком смерти в джунглях называют особый род дурмана, самое ядовитое растение в Индии.

— Да, хорошая охота! Столько убийств одно за другим… Ну и что теперь? Остаётся только нам поубивать друг друга из-за этого красноглазого губителя.

— Скажи, Багира, — прошептал Маугли, — а он, случайно, не может говорить? Не совершу ли я преступление, если заброшу его куда-нибудь подальше? Что касается нас двоих, то он не сможет нам причинить зла, потому что у нас нет таких желаний, как у людей. Если же мы оставим его здесь, то он опять начнёт убивать и люди станут падать, как орехи с дерева в бурю. Не могу сказать, чтобы я любил людей, но и, чтобы они умирали по шесть за ночь, видеть не хотел бы.

— Ну и пусть! Ведь на то они и люди. Убивают друг друга и всегда убивали; они вообще любят убивать. А этот маленький человечек, надо отдать ему должное, охотиться умел, — сказала Багира.

— Нет, я так не думаю. Люди очень похожи на малых детей. Вот увидит дитя в воде отражение луны и захочет поймать, да и погонится за ним, а там и в воду упадёт и утонет. Так и люди. Я чувствую, что виноват…

Маугли говорил как-то особенно серьёзно, будто бы наконец всё понял.

— Никогда больше я не возьму в джунгли эту вещь, несмотря на её красоту. Она должна отправиться туда, откуда я её унёс. Надо бы поспать, но не будем же мы спать здесь, около этих трупов.

А пока пойдём зароем его, чтобы никуда не ушёл и не убил ещё шестерых. Вырой-ка мне яму вон там, под деревом.

— Послушай меня, Маленький брат, — сказала Багира, поднимаясь с места. — Этот красноглазый кровопийца, право, ни в чём не виноват. Все беды от самих людей.

— Всё верно, — кивнул Маугли. — Копай яму поглубже. А когда мы выспимся, я отнесу его обратно.

Спустя две ночи, когда белая кобра угрюмо лежала в темноте подземелья, осрамлённая, ограбленная и покинутая, вдруг в отверстии свода сверкнул своими камнями анкус и с шумом упал на груду золотых монет.

— Приветствую тебя, Белый Капюшон, — кивнул Маугли, из предосторожности оставшись снаружи, — забирай себе на подмогу молодого и полного сил стража; пусть он теперь хранит твои царские сокровища, чтобы ни один человек не смог отсюда уйти.

— А, вернулся-таки! Как же это могло случиться, что ты жив остался? — пробормотала старая кобра, нежно обвиваясь вокруг рукоятки анкуса.

— Клянусь быком, которым заплатили за мою жизнь, что сам не знаю, как это случилось. Эта

вещь за ночь убила шестерых. Пусть же она больше не выходит отсюда.

Песня маленького охотника

ЧУТЬ ПАВЛИН, ХВОСТОМ ИГРАЯ, НАД КУСТОМ СТРЕМГЛАВ

ВЗЛЕТИТ,

ЧУТЬ НАРОД НА БАНДЕРЛОГА НА ВЕРШИНАХ ЗАШУМИТ,

ИЛИ КОРШУН ЧИЛЬ НАД ЛЕСОМ ВНИЗ ПОЛЁТ СВОЙ УСТРЕМИТ,

ТОТЧАС В ДЖУНГЛЯХ ПРОЛЕТАЕТ ТИХОЙ ТЕНИ ЛЁГКИЙ ВЗМАХ.

НО НЕ БОЙСЯ, МОЙ ОХОТНИК, ТО НЕ ТЕНЬ, А ЛИШЬ ТВОЙ

СТРАХ.

ТИХО СТЕЛЕТСЯ НАД ЛЕСОМ ВСЮДУ ИЩУЩАЯ ТЕНЬ,

СЛЫШНЫ ШЕЛЕСТ И ДЫХАНЬЕ: КТО КРАДЁТСЯ ТАМ СКВОЗЬ

СЕНЬ?

ТЫ ВЕСЬ ВЗДРОГНУЛ И ЗАТРЯССЯ, КАПЛИ ПОТА НА ВИСКАХ.

УСПОКОЙСЯ, МОЙ ОХОТНИК! ВСЁ

НАДЕЛАЛ ЛИШЬ ТВОЙ СТРАХ.

ТОЛЬКО ЛИК ЛУНЫ ПОДНЯЛСЯ НАД СТЕНОЮ ТЁМНЫХ СКАЛ

И,
ПРОРЕЗАВ ТОЛЩУ МРАКА, ПОЛОСАМИ ЗАСВЕРКАЛ,

ВДРУГ ПРОНЁССЯ ЗА ТОБОЮ ЧЕЙ-ТО СТОН И ЧЕЙ-ТО ВЗМАХ.

НЕ ДРОЖИ ТАК, МОЙ ОХОТНИК! УСПОКОЙСЯ, ЭТО СТРАХ!

ТЫ ХВАТАЕШЬ ЛУК И СТРЕЛЫ, НА КОЛЕНО ЧУТЬ ПРИПАВ,

И, СВИСТЯ, СТРЕЛА ПОМЧАЛАСЬ ЗА ГРЯДУ ЧЕРНЕВШИХ СКАЛ.

НО ТВОЯ РУКА ТРЯСЁТСЯ, БЛЕДНОСТЬ СМЕРТИ НА УСТАХ.

УСПОКОЙСЯ, МОЙ ОХОТНИК! ВИНОВАТ ОДИН ЛИШЬ СТРАХ!

ТУЧИ НОСЯТСЯ НАД ЛЕСОМ, БУРЯ СОСНЫ К ДОЛУ ГНЁТ,

ГРОМ ГРЕМИТ НЕ УМОЛКАЯ, С НЕБА ДОЖДЬ РЕКОЮ ЛЬЁТ.

И СКВОЗЬ ГАМ ТЫ СЛЫШИШЬ ГОЛОС,

ГРОМЧЕ ГРОМА

В НЕБЕСАХ.

ТО НЕ ГОЛОС, МОЙ ОХОТНИК, ТО ГРЕМИТ В ТЕБЕ ТВОЙ СТРАХ.

ВСЮДУ ЛУЖИ И ПОТОКИ, КАМНИ КАТЯТСЯ РЕКОЙ.

В БЛЕСКЕ МОЛНИЙ ВСЁ СВЕРКАЕТ СВЕЖЕЙ ЖИЗНИ КРАСОТОЙ.

ТЫ Ж, НЕСЧАСТНЫЙ, ЕЛЕ ДЫШИШЬ, ХОДИТ ВСЁ В ТВОИХ

ГЛАЗАХ,

СЕРДЦЕ ВЫСКОЧИТЬ ГОТОВО. МОЙ ОХОТНИК, ЭТО СТРАХ.

За наши прекрасные белые ночи,

За ночи весёлых охот,

За наши уловки, за зоркие очи,

За весь наш свободный народ,

За запахи ночи, с росой исходящие,

За быстрый набег среди мглы,

За зов наших братьев, замбара гоняющих,

За всё, чем нам джунгли милы,

За наши берлоги – приют наш полднев-

ный,

За наши приятные сны —

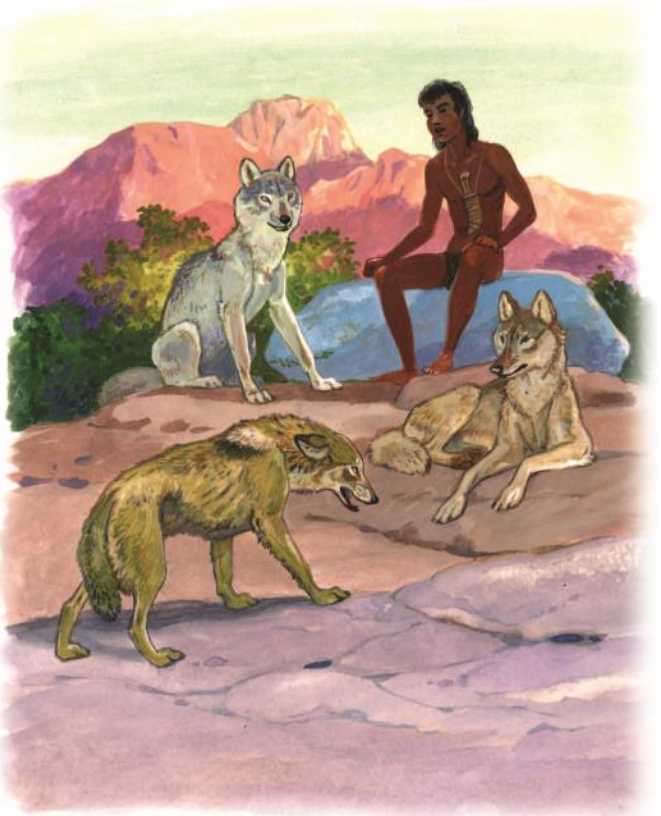
Сойдёмся мы дружной толпой и сразимся

С врагом из чужой стороны.

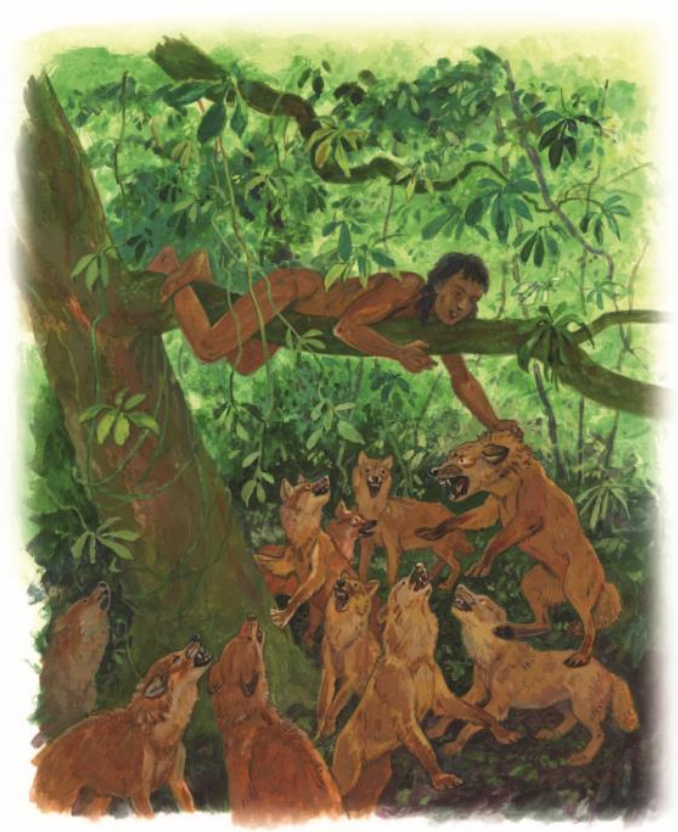
Из песни Маугли

— Тогда кто же он? — спросила белая кобра. —

Он, что теперь стоит так бесстрашно предо мной; он, который не знает царя; он, который своими человечьими губами говорит на нашем языке?

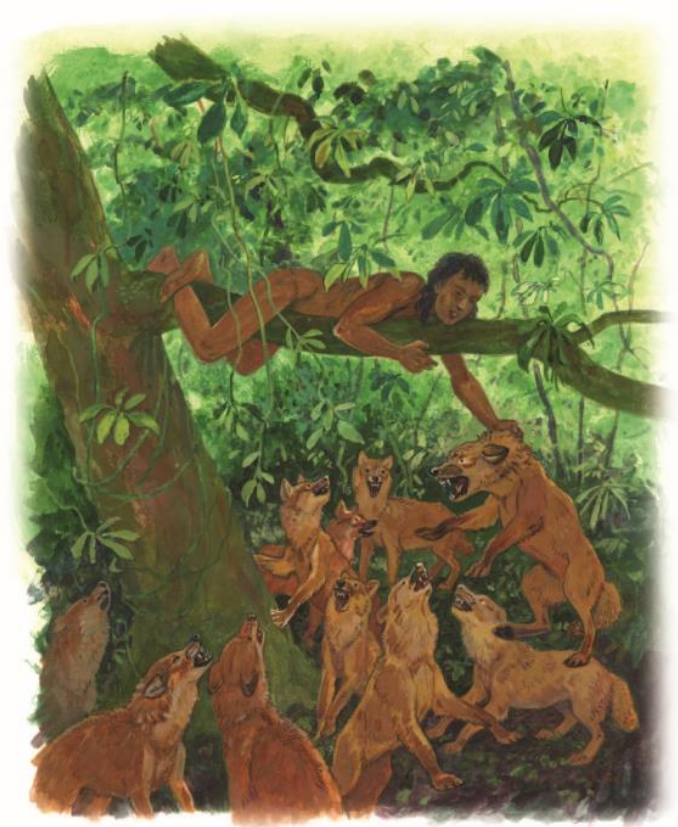


Кто он такой, с ножом и со змеиным языком? Когда ему нужно было что-то сказать перед стаей, то все волки хранили молчание до тех пор, пока он не закончит. Они вместе с Акелой сидели на своём обычном месте — на скале, позади Фао.



— Какие у меня верные сторожа! — крикнул Маугли, демонстративно потягиваясь и зевая. —

Век не забуду вашей доброты и вашего усердия. Только вот очень уж вы все похожи один на другого. Пусть хоть вожак отличается. Разве я не прав, бесхвостая красная собака?



Приблизившись к Маугли, она внимательно посмотрела на него и, приложив ко лбу руку,

медленно проговорила:

— Нет, едва ли это он: слишком высокий, — но в глазах действительно есть сходство с моим сыном.

Красные собаки

I

После нашествия джунглей на людские селения наступил самый лучший период жизни Маугли. Ему было приятно сознавать, что люди получили за свои дела сполна. Теперь все джунгли чувствовали страх перед ним и стали его друзьями. Всё, что он делал, видел или слышал во время своих блужданий по джунглям то в сопровождении своих четырёх приятелей, то без них, могло бы составить много-много историй, из которых каждая была бы столь же длинной, как та, которую мы хотим вам рассказать. Только этих историй вам никогда не услышать. Так, например, вы никогда не узнаете о том, как Маугли спасся от взбесившегося слона Ман-длы, который убил двадцать два быка, тащивших одиннадцать фургонов с серебряными монетами для государственного казначейства, и разметал блестящие рупии по пыльной дороге; как бился с крокодилом Джакалой один на один в Северных болотах и как сломал свой нож о его панцирь; как нашёл другой нож, более длинный, который снял с шеи человека, убитого диким кабаном, и как погнался потом за ним и убил; как во время

Великого Голода чуть не был раздавлен бешено мчавшимся стадом переселявшихся оленей; как спас молчаливого Хатхи, который едва не попал в яму с острым колом на дне, и как на следующий день сам попал в хитро придуманную западню, поставленную на леопарда, и как Хатхи разметал в куски толстые колья западни; как доил диких буйволиц среди болота; как…

Но довольно. Лучше расскажем одну историю.

Волков-родителей в это время уже не было в живых. После их смерти Маугли притащил к своей родной пещере большой камень, завалил им вход, пропел песню смерти и ушёл. Балу от старости еле передвигал ноги. Даже Багира со своими стальными нервами и железными мускулами стала уже не та, что была. Акела из серого превратился в совершенно белого, с трудом переставлял ноги, как деревянный, рёбра его торчали. Кормил его Маугли, добывая дичь охотой. За это время успело подрасти новое поколение молодых волков. Это были детёныши разбежавшейся стаи Сеонийских холмов. Когда набралось дюжины три молодых, четырёх-пятилет-них, волков, бродивших без вожака по джунглям, Акела сказал, что им следовало бы собраться вместе и, следуя Закону, выбрать себе вожака, чтобы охотиться

под его началом, как и подобает свободному народу.

Только Маугли уже не вмешивался в дела стаи, объясняя это тем, что уже попробовал кислых плодов и хорошо знает дерево, на котором они растут, но когда Фао, чей отец во времена Акелы был разведчиком стаи, выдержал бой, который по Закону джунглей был необходим, чтобы сделаться вожаком, и когда джунгли снова огласились старыми песнями и заклинаниями, снова пришёл к скале Совета. Когда ему нужно было что-то сказать перед стаей, то все волки хранили молчание до тех пор, пока он не закончит. Они вместе с Акелой сидели на своём обычном месте — на скале, позади Фао. Это были дни удачной охоты и спокойного отдыха. Никто чужой не решался проникнуть в ту часть джунглей, которая находилась во власти народа Маугли, как теперь стали звать прежнюю стаю Сеонийских холмов. Молодые волки быстро росли и выглядели гладкими и сытыми, а к скале Совета стали теперь приносить для осмотра гораздо больше детёнышей. Маугли всегда присутствовал при этих осмотрах, вспоминая ту ночь, когда чёрная пантера замолвила словечко за маленького человеческого детёныша, и когда слышал знакомый

призыв: «Смотрите хорошенько! Смотрите, о волки!» — его сердце наполнялось особым чувством. В остальное время он бродил по джунглям, присматриваясь и узнавая то, чего ещё не знал.

II

Однажды в сумерки Маугли не спеша бежал по джунглям с половиной убитой им для Акелы лани на плече. Следовавшие за ним четыре его брата всю дорогу возились, прыгали и кувыркались от избытка весёлости. Вдруг по джунглям пронёсся крик, которого не было слышно со времён знаменитого Шер-Хана. Такие пронзительные крики, которые в джунглях называют «фиал», издаёт шакал, когда идёт по пятам за охотящимся тигром, а ещё их можно услышать в местах большой битвы. В таких криках слышна смесь ненависти, торжества, отчаяния и вместе с тем чего-то вызывающего; крики эти то затихают, то усиливаются, разнося по окрестностям и передвигая с места на место. Теперь вот фиал оглашал оба берега Вайнганги. Четыре волка тотчас остановились, съёжились и заворчали. Маугли схватился за нож и застыл, будто окаменел, потом тихо проговорил:

— Не может быть, чтобы полосатый убийца опять осмелился забраться в наши края.

— Это не крик шакала, — сказал Серый брат. — Тут дичь покрупнее будет. Слушайте!

Тот же звук — то ли рыдание, то ли стон, то ли человеческий плач, которому удачно подражает шакал, — разнёсся опять. Маугли глубоко вздохнул и стремглав понёсся к скале Совета, опрокидывая по пути попадавшихся ему под ноги волков. На скале уже были и Фао, и Акела, а внизу собралась целая стая, и все дрожали от кончика хвоста до головы. Волчицы со своими детёнышами спешили укрыться. И вообще когда в воздухе разносится фиал, то все, кто послабее, спешат где-нибудь спрятаться, в каком-нибудь укромном углу.

Кругом царила тишина, лишь издали доносился шум Вайнганги, катившей свои воды в глубине ущелья, да шелест вечернего ветра в вершинах деревьев. Вдруг из-за реки отозвался одинокий голос волка, явно из чужой стаи, так как все свои волки были здесь, на скале Совета. Зов чужого волка, прорезавший тишину ночи, закончился продолжительным воплем, выражением глубокого отчаяния. «До-лы! — слышалось в этом жалобном вопле. — До-лы! До-лы! До-лы!» Спустя несколько минут до слуха собравшихся у скалы донёсся звук тяжёлых шагов, и перед их взорами предстал тощий, весь мокрый волк с боками, покрытыми ранами, и явно сломанной

передней ногой. С его пасти клочьями валилась пена. Чужой волк прошёл между сидевшими и лёг у ног Маугли.

— Доброй охоты! Из какой стаи? — с важностью спросил Фао.

— И вам доброй охоты! Я уон-толла.

Так в джунглях называли волков, не принадлежавших ни к какой стае и добывавших пищу для себя и своей семьи самостоятельно, без чьей-либо помощи.

Волк тяжело дышал, сердце его учащённо билось.

— Кто идёт? — спросил Фао.

Этот вопрос задаётся всегда, когда в джунглях разносится фиал.

— Долы! Долы с Декана, красные собаки-убийцы! Они идут на север с криками, что на Декане нечего есть, и убивают на своём пути всё живое. Совсем недавно, во время минувшего новолуния, нас в логовище ещё было пятеро: я, моя волчица и трое детёнышей. Она учила их охотиться, уходить от опасности и преследовать дичь, как это обычно бывает. В полночь я ещё слышал их голоса — они шли по следу, — а перед рассветом нашёл всех четверых уже холодными, неподвижными. Вот как, свободное племя! Тогда я решил

уплатить долг крови и погнался за долами.

— Много их? — спросил Маугли, перекрывая глухое ворчание стаи.

— Не могу сказать. Троих я убил: на большее не хватило сил. Они напали на меня стаей и погнали как лань, но я ушёл от них, хоть и на трёх ногах. Смотрите сами, свободное племя!

Он выставил вперёд свою болтавшуюся ногу, всю почерневшую от запёкшейся крови, повернулся боком, и все увидели следы страшных укусов и покрытую ранами шею.

— На, подкрепись! — предложил Акела, поднимаясь со своего места и протягивая волку часть добычи, которую принёс для него Маугли.

Чужак с жадностью схватил дичь зубами, но тут же сообразил, что стая ждёт от него каких-то слов.

— Дайте мне возможность, свободное племя, восстановить силы, и тогда увидите, как я буду их убивать! Долг крови ещё не выплачен.

Уон-толла принялся за дичь, и Фао, услышав треск бедренной кости под его зубами, одобрительно проворчал:

— Нам понадобятся такие зубы. А что, долы одни идут или с детёнышами?

— Нет, только взрослые охотники, злые, сме-

лые, — прервав трапезу, сообщил волк.

Всё, о чём поведал пришлый волк, означало, что долы, красные дикие собаки с Декана, двинулись в поход, а всем в джунглях было хорошо известно, что даже тигр уступает свою добычу стае долов. Они идут по джунглям как хозяева, напролом, никуда не сворачивая, и кого бы ни встретили на своём пути, хватают и рвут на куски. Хотя они значительно уступают по величине волкам и далеко не так хитры и смышлёны, однако очень сильны, а главное — берут численностью. Долы, например, собираются в стаю, если их количество перевалит за сотню, тогда как три дюжины волков уже очень сильны.

Во время своих странствий Маугли достигал края высокого, травянистого плато Декан, и ему не раз случалось натыкаться на долов, которые беззаботно спали или играли между собой в ложбинках среди кустарника. Он чувствовал к ним отвращение и ненависть за то, что они пахли не так, как волки свободного племени; за то, что не устраивали логово в пещерах, а главное — за то, что у них между пальцами росла шерсть, тогда как у волков её не было. Он ещё от Хатхи, дикого слона, узнал, какой страшной силой обладает стая долов, которая выходит на охоту. Сам всегда

предпочитал выбрать другую дорогу, чтобы не попадаться им на глаза.

Акела тоже кое-что знал относительно долов, поэтому спокойно сказал Маугли:

— Лучше умереть, сражаясь в стае, чем в одиночку. Это будет хорошая охота, и притом моя последняя. Но ты, Маленький брат, человек, а люди живут долго, так что у тебя впереди ещё много дней и ночей. Отправляйся лучше на север, спрячься там, и если хоть один волк останется в живых, то придёт к тебе, после того как уйдут красные собаки, и принесёт известие о битве.

— Значит, советуешь мне идти в Северные болота, ловить там рыбёшку и спать на деревьях. А не лучше ли в таком случае попросить помощи у бандерлогов и питаться орехами, пока стая будет здесь, внизу, биться с долами? — серьёзно спросил Маугли.

— Да пойми же ты: это будет бой не на жизнь, а на смерть! Ты ведь никогда не имел дела с этими красными убийцами. Даже сам полосатый и тот…

— О-о-о! — презрительно воскликнул Маугли. — Я, помнится, был знаком с одним таким. Теперь послушай меня ты: были у меня волки-родители и был один старый серый волк, который

иногда говорил не то, что следует, а теперь сделался совсем белым и стал для меня отцом и матерью. И потому я, Маугли, говорю тебе: когда придут долы, Маугли и свободный народ будут сражаться вместе. И я клянусь быком, благодаря которому жив, тем быком, которого отдала за меня Багира в те далёкие дни, которых не может помнить никто из стаи, и пусть деревья и река услышат и запомнят мою клятву, если я забуду. Я даю клятву, что этот нож станет зубом для стаи, и уверен: этот зуб будет поострее многих. Вот вам моё слово!

— Да ты просто не знаешь, что такое долы, человек с волчьим языком! — крикнул уон-толла. — Я думаю лишь об одном: как бы успеть отплатить им до того, как они разорвут меня в клочья. Долы идут не спеша, так что пара дней ещё есть, а к тому времени сил у меня прибавится и я буду готов к схватке. Но вам, свободный народ, лучше уйти на север и там некоторое время переждать, пока долы не уйдут отсюда. Это будет такая охота, когда не придётся спать.

— Вот что я тебе отвечу, уон-толла! — с резким смехом крикнул Маугли. — Свободный народ! Он нам советует отправляться на север, есть там ящериц и крыс, чтобы как-нибудь не встретиться

с долами. Они будут свободно охотиться на наших землях, а мы — скрываться где-то на севере, пока им не заблагорассудится отдать нам то, что и так наше. Они собаки… нет, хуже, чем собаки: красные, желтобрюхие, безволосые, с шерстью между пальцами! Они мечут по шесть-восемь детёнышей за раз, как какие-нибудь крысы. Конечно, что нам ещё остаётся, если

не бежать отсюда, свободный народ, и просить у обитателей Северных болот, чтобы кидали нам хотя бы потроха околевшего скота! Такой жизни вы хотите? Джунгли наши! Это будет славная охота! Мы будем биться за стаю, за наши логова, за наших детёнышей и молодых волчат, которые начинают охотиться. Так пойдёмте навстречу долам! Не станем их ждать, а сами пойдём на них! Пойдём на них!

На этот призыв стая ответила таким воинственным воем, что среди ночной тишины, казалось, посыпались ветви с деревьев.

— Идём на них! — ответила стая.

— Оставайтесь с ними! — сказал Маугли своим четверым братьям. — Нам пригодится каждый зуб. Пусть Фао и Акела соберут всех, а я пойду на разведку — надо узнать, сколько их, собак.

— Ты идёшь на верную смерть! — выкрикнул

уон-толла. — Что против долов такой безволосый, как ты? Подумай, даже сам полосатый и тот…

— Да, недаром тебя называют уон-толлой! — ответил ему Маугли. — Нос тобой мы потом поговорим, когда долы будут перебиты, а пока доброй охоты вам всем!

III

Маугли бежал среди ночи, охваченный лихорадочным возбуждением, едва замечая, куда ступает его нога, и наскочил на свернувшегося в кольцо питона Каа: тот залёг у реки на тропинке, по которой лани ходят на водопой.

— Кссс! — сердито зашипел питон. — Разве прилично для обитателя джунглей портить ночную охоту, да ещё в тот момент, когда ожидается такая великолепная дичь?

— Признаю свою вину, — покаялся Маугли, поднимаясь на ноги. — А я ведь искал именно тебя, Каа. Право, с каждым разом, как я с тобой встречаюсь, ты становишься всё толще и длиннее. Вряд ли в джунглях может кто-нибудь сравняться с тобой в силе и красоте в столь почтенном возрасте.

— Куда это ты метишь? — любезно, но не без некоторой насмешки произнёс Каа. — Не прошло и месяца с того дня, когда этот человечек с ножом швырял каменьями в мою голову и обзывал меня, как какую-нибудь последнюю лесную кошку, за то только, что я спал на слишком открытом месте.

— Но ты забыл, что тогда благодаря тебе лани

разбежались во все стороны, а я на них охотился. Да к тому же ты, плоскоголовый, оказался тогда настолько глух, что совершенно не слышал меня, а я ведь просил покинуть полянку и освободить проход для ланей, — спокойно возразил Маугли, опять усаживаясь на расписные кольца питона.

— А теперь этот самый человечек приходит к тому же самому плоскоголовому, но уже с ласковыми льстивыми словами: и мудр-то он, и силён, и великолепен. И тот же самый плоскоголовый верит этому человечку и делает ему из своего тела удобное сиденье. Ну что? Каково тебе? Удобно? Скажи-ка вот, сможет ли Багира приготовить тебе такое удобное место для отдыха?

Добравшись в темноте до головы питона, Маугли прильнул к ней плечом и стал рассказывать обо всём, что приключилось в джунглях в эту ночь.

— Хоть я и мудр, если верить твоим словам, — начал Каа, — однако, вероятно, оглох, поскольку не слыхал крика «фиал». Теперь я начинаю понимать, почему вдруг так мало стало травоядных. А много ли долов?

— Я пока не знаю. Мне очень нужно было тебя повидать. Ты даже старше Хатхи, а значит, мудрее.

Но какая это будет великолепная охота! — Маугли аж завертелся от радости. — Пусть и немногим из нас доведётся увидеть следующую луну!

— И ты тоже решил повоевать? Вспомни: ведь ты человек, когда-то эта самая стая изгнала тебя. Пусть себе волки расправляются с собаками. Тебе-то что?

— Прошлогодние орехи стали чёрной землёй, и кто старое вспомянет, тому глаз вон, — сказал Маугли. — Совершенно верно, я человек, но минувшей ночью я сказал себе, что буду волком, и призывал реку и деревья напомнить мне об этом, если вдруг забуду. Я принадлежу и буду принадлежать к свободному народу до тех пор, пока не разобьём долов.

— Свободный народ! — насмешливо повторил Каа. — Свободные воры! Разве ты связал себя с ними мёртвой петлёй ради памяти к мёртвым волкам? Нет, это не будет хорошая охота.

— Здесь речь идёт о моём слове, которое уже дано. И это знает река, знают деревья. Пока не уйдут отсюда долы, моё слово не вернётся ко мне.

— То, что ты сейчас сказал, меняет всё. У меня была мысль взять тебя с собой в Северные болота, но слово, будь то даже слово маленького голого безволосого человечка, остаётся словом. В таком

случае я, Каа, скажу тебе…

— Постой, плоская голова, сначала подумай хорошенько, прежде чем связывать себя мёртвой петлёй. Мне не нужно от тебя слова, потому что я хорошо знаю, что ты…

— Тогда будь по-твоему: я не стану давать слово, — но теперь скажи мне, какие планы в твоём желудке. Что думаешь делать, когда придут долы?

— Им придётся переплывать Вайнгангу, и я намерен встретить их на отмелях во главе стаи. Если не сможем заставить их направиться вниз по течению, то хотя бы немного охладим пыл.

— Долы никогда не отступают, — возразил Каа. — А когда закончится охота, то не останется ни человечка, ни волка — одни лишь сухие кости.

— Если суждено умереть, умрём, зато это будет отличная охота. Но, Каа, мой желудок ещё молод, мои глаза видели ещё мало дождей, я недостаточно мудр и силён. Может, у тебя есть план получше?

— Я видел не одну сотню дождей. Когда Хатхи только терял молочные зубы, мой след на земле был достаточно велик. Клянусь первым яйцом, я старше многих деревьев: перед моими глазами

прошла вся жизнь джунглей.

— Но ведь это будет совершенно иная охота, — сказал Маугли. — Никогда ещё долы не приходили в наши края.

— То, что есть, уже было, а то, что будет, всего лишь забытое прошлое. Молчи и не двигайся, пока я вспоминаю, что было со мной.

Маугли улёгся на кольцах Каа и принялся играть со своим ножом. А питон, положив голову на землю, попытался вспомнить, что видел и что узнал с того самого дня, как вышел из яйца, а из его глаз, блестевших как потускневшие опалы, казалось, исходил свет. Он оставался неподвижным и только время от времени покачивал головой, словно спал и видел во сне добычу. Маугли тоже задремал, потому что очень дорожил каждой возможностью хорошенько поспать перед охотой и мог предаться сну в любой час дня и ночи.

Маугли во сне почувствовал, будто Каа начинает под ним расти, а проснувшись, увидел, что тело огромного питона раздувается, издавая шум и свист, напоминавший лязг сабли, которую извлекают из стальных ножен.

— Я видел все времена, которые прошли, — проговорил наконец Каа. — Я видел, как росли большие деревья, видел старых слонов, видел

скалы, ещё голые и зубчатые, не успевшие зарасти мхом. А ты, маленький человечек, как — ещё жив?

— Прошло совсем немного времени с того момента, как из-за скал поднялась луна, — ответил Маугли. — И я не понимаю, что значит…

— Ксс!.. Довольно. Я опять стал прежним Каа и теперь понимаю, что прошло очень мало времени. Сейчас мы пойдём к реке, и там я покажу тебе, как можно будет отразить долов.

IV

Каа повернулся и быстро пополз к мощному руслу Вайнганги, отыскал там небольшой затон, в глубине которого находился утёс Мира, теперь совершенно покрытый водой. Рядом с питоном плыл, не отставая от него, и Маугли.

— Ну а теперь, Маленький брат, я буду двигаться очень быстро, поэтому хватайся покрепче за меня и держись.

Левой рукой Маугли обхватил питона за шею, плотнее прижавшись к его телу. И Каа помчался с такой скоростью, на которую был способен только он один. Около шеи Маугли свистела струя воды, поднявшаяся гребнем, ноги его болтались из стороны в сторону при быстрых поворотах длинного туловища питона. Несколько километров вверх по течению от утёса Мира русло Вайнганги сжимали крутые скалы из мрамора до девяти метров высотой. Здесь мощный поток реки падал стремительно вниз, стеснённый обступившими его со всех сторон крутыми утёсами. Взглянув вверх, Маугли увидел бешено мчавшуюся прямо на него реку, но его не устрашило это зрелище. Глядя на утёсы, возвышавшиеся

справа и слева, он с неудовольствием ощущал, что воздух здесь пропитан чем-то приторным, кисло-сладким, напоминавшим запах, который исходит от большой муравьиной кучи в жаркий полдень. Выставив над водой только голову, чтобы дышать, он ушёл в воду, а Каа ухватился хвостом за подводную скалу, чтобы справиться со стремительным течением, поддерживая Маугли между своими кольцами.

— Ведь это Место смерти. Зачем мы пришли сюда? — спросил Маугли.

— Они теперь спят, так что ничего не бойся, — успокоил его Каа.

— Хатхи не уступает дороги при встрече с полосатым, но тот же Хатхи поспешит отойти в сторону, если завидит долов. Но существует ли на свете что-нибудь такое, что заставит свернуть с пути маленький народец? Ответь-ка мне на этот вопрос ты, всеведущий господин джунглей! Скажи-ка мне теперь, кто истинный господин джунглей?

— Они, — прошептал Маугли, — народец. Это Место смерти! Скорей пойдём отсюда!

— Нет, оставайся и не бойся. Они спят. Всё, что я здесь вижу, осталось таким же, как в то время, когда я был не длиннее твоей руки.

Изрытые щелями и изъеденные непогодой скалы, обступившие ущелье Вайнганги, с незапамятных времён, с самого начала джунглей, были облюбованы беспокойными, свирепыми, чёрными дикими индийскими пчёлами, жителями скал, которых называли «маленький народец».

Маугли было хорошо известно, что все следы сворачивали в сторону за дюжину километров до этого ужасного места. Сотни лет на этих скалах жили, роились, гнездились дикие пчёлы, покрывая белый мрамор старым мёдом, наполняя расщелины в камнях своими сотами, и никто: ни зверь, ни человек — не осмеливался тревожить их. По обеим сторонам тесного ущелья свешивались вниз чёрные бархатистые занавеси. Маугли похолодел от ужаса, когда, получше присмотревшись к ним, узнал в них миллионы спавших пчёл. Местами по уступам чернели наподобие сгнивших пней груды старых брошенных сотов. Кое-где под защитой скал виднелись новые постройки, а деревья и лианы, укрепившиеся в расщелинах, были облеплены клочьями ячеистого гниющего вещества. Время от времени до слуха Маугли и Каа доходил из глубины ущелья отдалённый шум, без сомнения, вызванный падением наполненного мёдом тяжёлого сота, который срывался

в какой-нибудь из внутренних галерей. Вслед за этим раздавалось сердитое жужжание проснувшихся насекомых или мерное падение капель мёда, стекавшего с камней и падавшего с высоты вниз. У подножия скал тянулась узкая полоса плоского берега, сплошь заваленная тёмными высокими кучами, наслаивавшимися здесь с незапамятных времён. Это были мёртвые пчёлы, упавшие соты, крылья мотыльков, залетевших сюда, без сомнения, чтобы полакомиться мёдом. Всё это образовало за многие годы целые горы мягкой чёрной массы. Одного запаха, который издавали эти гниющие кучи, было достаточно, чтобы отпугнуть любое существо, которое не относилось к маленькому народцу.

Каа опять поплыл вверх по течению реки, пока не достиг песчаной отмели возле устья ущелья.

— Смотри, вот там лежат их последние жертвы! — сказал Каа.

На отмели лежали скелеты пары оленей и буйвола. Маугли видел, что ни шакал, ни волк не трогали эти кости: они сохранили неизменным первоначальное положение.

— Это, очевидно, те несчастные, которые не знали, куда попали. Они перешли запретную линию, и пчёлы накинулись на них, — пробормотал

Маугли. — Пойдём лучше поскорее отсюда, пока они не проснулись.

— До самого рассвета можно не волноваться, — успокоил Каа. — Теперь я тебе вот что расскажу. Много-много лет назад забежала сюда с юга одна лань, за которой гналась стая. Не зная этой части джунглей, ослеплённая страхом, она примчалась к этим самым скалам и бросилась вниз, в реку. Стая неслась за ней следом. Волки, разгорячённые преследованием, не заметили, куда привела их добыча. Солнце в тот час стояло высоко, а маленький народец в такое время всегда очень злой. Многие пчёлы тогда бросились со скал в воду вслед за ланью, но все погибли прежде, чем коснулись воды. Только и те, что не бросились в воду, остались неподвижными на скалах. Лань же выжила!

— Как это могло произойти?

— А вот как. Она примчалась первая и, спасая свою жизнь, успела спрыгнуть вниз, прежде чем пчёлы сообразили, в чём дело. А когда поняли и приготовились к нападению, лань была уже в воде. Стая же, которая преследовала её, наскочила прямо на приготовившийся к нападению народец, разбуженный ланью.

— Так лань осталась жива, говоришь? — пере-

спросил Маугли с жаром.

— Жива! По крайней мере, тогда не погибла, а если и погибла, то от чего-нибудь другого. Ведь её, конечно, никто не поджидал в воде, когда она прыгнула в реку: там не было никого с таким сильным телом, как моё, чтобы помочь ей справиться с течением, — как будет поджидать маленького человечка, за которым примчатся все долы Декана, один глухой, жёлтый, старый, жирный плоскоголовый. Ну как там теперь твой желудок? Что думаешь?

Каа положил голову на плечо Маугли и пошевелил языком возле его уха. Оба некоторое время молчали, потом Маугли прошептал:

— Это значит потянуть смерть за усы. Да, Каа, ты действительно самый мудрый во всех джунглях.

— Да, мне многие это говорят. Теперь сообрази: если долы погонятся за тобой…

— О, они погонятся! Я сумею их завлечь. У меня под языком достаточно острых колючек, которые вопьются в их шкуру.

— Если они, ослеплённые яростью и погоней, побегут за тобой, ничего, кроме твоих плеч, не видя, то все падут мёртвыми, даже те, которые бросятся в воду и поплывут вниз, так как пчёлы погонятся за ними и облепят с ног до головы.

К тому же воды Вайнганги явно голодны, а их некому будет поддержать в воде. Если же кто из них справится с течением и останется в живых, то их отнесёт прямо к плоскому берегу у Сеонийских холмов, а там их будет поджидать стая и перегрызёт всем горло.

— О, лучшего плана и не придумать! Значит, всё дело лишь в том, чтобы пробежаться и прыгнуть! Какой пустяк! Я постараюсь хорошенько познакомиться с долами, так чтобы не отстали!

— А ты осматривал скалы там, наверху, со стороны берега?

— Ой, чуть было не забыл!

— Так иди и осмотри. Там вся земля изрыта ямами и изрезана трещинами. Если ты сделаешь хоть один неверный шаг, то твоей охоте придёт конец. Ну, я оставлю тебя здесь, а сам отправлюсь сообщить стае, где следует поджидать долов. Делаю это только ради тебя, потому что, признаюсь, у меня нет ни малейшего желания вожжаться с волками!

V

Каа, если не желал поддерживать с кем-либо знакомство, умел быть настолько неприятным, как едва ли кто другой в джунглях, исключая разве Багиру, а по отношению к волкам он вообще никогда не отличался любезностью. Расставшись с Маугли, питон направился вниз по реке и, подплывая к утёсу Мира, наткнулся на Акелу и Фао, которые стояли на берегу, прислушиваясь к ночным звукам.

— Эй, вы, собаки! Слушайте! — крикнул насмешливо Каа. — Когда долы устремятся вниз по реке, перегрызите им горло на ваших отмелях, если у вас хватит смелости встретить их.

— Откуда они придут? — спросил Фао.

— А где мой человеческий детёныш? — спросил в свою очередь Акела.

— Они придут оттуда, откуда должны прийти, — ответил на это Каа. — Да вы не спрашивайте, а смотрите и ждите. А что касается твоего человеческого детёныша, с которого ты взял слово, которое обрекло его на верную смерть, то я тебе отвечу: он со мной. И если до сих пор всё ещё жив, то это не твоя заслуга, старая ты облезлая собака!

Так что сидите здесь, ждите долов да благодарите судьбу за то, что послала вам человеческого детёныша, который взялся вас защитить, и меня, который согласился ему помочь.

Каа развернулся и стрелой понёсся обратно, вверх по течению, посреди ущелья остановился, поднял голову и принялся изучать зубчатую линию нависших над рекой утёсов. Вскоре на огромной высоте показалась голова Маугли, чётко выделявшаяся на фоне звёздного неба, вслед за этим раздался свист воздуха, а через мгновение — всплеск воды. Маугли исчез под водой, а минуту спустя его уже удерживали кольца питона.

— Здесь очень опасно прыгать по ночам, — заметил Маугли, вытряхивая воду из ушей. — Мне пришлось потренироваться, чтобы прыгнуть как надо. Пусть всё получилось, но это место нехорошее. Там, наверху, абсолютно всё: и кусты, и щели между скалами — занято маленьким народцем. Около их пещер я набросал три кучи камней. Когда буду здесь пробегать, то, прежде чем прыгнуть, сброшу их вниз, чтобы поднять шум. Это взбудоражит пчёл и разозлит.

— Это ты хорошо придумал: такое могло прийти в голову только человеку, — одобрительно прогудел Каа. — Но мне кажется, это лишнее:

народец и так всегда злой.

— Всё будет происходить в сумерках, а к этому времени насекомые уже не так активны, как днём. Поскольку и долы днём охотятся гораздо лучше, а под вечер становятся более вялыми, я решил вынудить их сражаться после заката солнца. До той поры пусть бегут по кровавому следу уон-толлы.

— Как коршун Чиль никогда не пропустит падаль, так и дол не сойдёт с кровавого следа, — заметил Каа.

— У них скоро будет новый след, но на этот раз из их собственной крови. А что намерен делать ты? Будешь ждать меня здесь?

— Ну а что, если долы убьют тебя в джунглях или — до того, как успеешь прыгнуть и скрыться в воде, — пчёлы?

— Что будет — то будет. Когда придёт завтра, мы прикончим и завтра, — ответил Маугли поговоркой джунглей. — И не спеши петь надо мной песню смерти. Ну а пока — доброй охоты, Каа!

Он отпустил шею питона, за которую держался, и понёсся вниз по ущелью, полный дикого восторга, к отмели, где течение было потише. Ничто так не любил Маугли, как тянуть смерть за усы, как он выражался, и этим показывать всем джун-

глям, кто их истинный повелитель. Поскольку раньше, при содействии Балу, Маугли частенько грабил гнёзда диких пчёл, ему было хорошо известно, что их сородичи, маленький народец, не выносят запаха чеснока. Надёргав целый пучок, он привязал его гибкой лианой к поясу и не спеша пошёл по кровавому следу, оставленному уон-толлой. След этот вёл от Сеонийских холмов, где обитала стая, на юг. Всю дорогу его не оставляло приподнятое настроение, он смеялся, играл со своим длинным, остро отточенным ножом и даже приговаривал:

— Был я Маугли-лягушонок, теперь я Маугли-волк, скоро стану Маугли-обезьяной, а затем и Маугли-ланью. И в конце концов останусь Маугли-человеком. О-го-го!

След уон-толлы, усеянный пятнами тёмной крови, бежал через заросли, всё более сгущавшиеся по направлению к северо-востоку, затем повернул к югу, и лес стал редеть, а не доходя трёх километров до Пчелиных утёсов, и вовсе перешёл в низкорослый кустарник. Отсюда утёсы были видны как на ладони: в этой совершенно открытой местности едва ли смог бы укрыться даже волк. Маугли старался не выходить из-под деревьев; обращал особое внимание на расстояние

между ними, даже между ветвями. Временами останавливался и даже взбирался на деревья, пытаясь перепрыгнуть с одного на другое. Так он добрался до открытого места, где не меньше часа внимательно изучал окрестности.

После этого он вернулся обратно к следу уонтоллы, отыскал то дерево, которое приметил по пути — оно простирало свои широкие ветви над самой землёй, — выбрал сук на двухметровой высоте и уселся на него, привязав к ветке пучок чеснока. Закончив приготовления, Маугли улёгся поудобнее и от нечего делать принялся точить нож о собственную подошву.

VI

Незадолго до полудня, когда солнце жарило так, что даже дерево стало горячим, Маугли наконец услышал топот, и в то же время ветер донёс до его носа острый запах, самый отвратительный запах из всех, что когда-нибудь он ощущал. Вскоре показались и сами красные собаки, неторопливо, но уверенно бежавшие по следу уон-толлы. Глядя на них сверху, Маугли с удивлением отметил, что долы почти вдвое меньше волков, но ему было также хорошо известно, что, несмотря на свой сравнительно небольшой рост, они обладают огромной выносливостью и крепкими зубами. Выждав, когда остроносый вожак, бежавший впереди стаи, уткнув морду в землю, приблизился к дереву, на котором он сидел, Маугли выкрикнул обычное приветствие джунглей:

— Доброй охоты!

Дол остановился и поднял голову, а следом и остальные. Скоро под деревом собралась огромная стая собак с низко опущенными хвостами, крепкими ногами, поджарыми боками и кроваво-красными мордами, и все молча, не мигая, уставились на Маугли. Долы вообще охотятся

молча — даже у себя, на плато Декан. Сотни две красных собак просто стояли и смотрели на Маугли, однако вожакам скоро это надоело, и они опять принялись жадно обнюхивать след уон-толлы, явно намереваясь вести стаю дальше. Если бы это произошло, то долы подошли бы к Сеонийским холмам ещё засветло, но Маугли это не устраивало и нужно было во что бы то ни стало задержать их до сумерек.

— Кто же это позволил вам здесь шляться? — раздался сверху его голос.

— Нам не нужно спрашивать разрешения: все джунгли принадлежат нам, — протявкал, оскаливая крепкие белые зубы, один из псов.

Маугли рассмеялся и вдруг пронзительно запищал, как крысы-чикаи, что обитают на Декане, давая понять долам, что они для него не больше, чем какие-нибудь крысы. Тотчас вся стая заклацкала зубами и плотно обступила дерево, а вожак стал с остервенением лаять, обзывая Маугли лесной обезьяной. В ответ на это Маугли спустил с ветки ногу и принялся вертеть грязными пальцами над самой головой вожака. Этого было достаточно, чтобы привести стаю в ярость: долы не выносили, когда им напоминали, что пальцы их покрыты шерстью. Вожак подпрыгнул, ра-

зинув пасть, но Маугли быстро отдёрнул ногу и принялся издевательски кричать сверху:

— Эй, вы, собаки, красные псы! Возвращайтесь к себе на Декан и доедайте своих ящериц. Там ваши братья чикаи, такие же, как вы, со своими волосатыми пальцами!

Маугли опять спустил ногу и покрутил ступнёй над головами обезумевших от бешенства долов.

— Спускайся вниз, голая обезьяна! Всё равно околеешь от голода! — яростно выла стая, всё плотнее обступая древесный ствол.

Именно этого и добивался Маугли. Вытянувшись во весь рост, опершись подбородком на руку, а вторую умышленно оставив свободно свешиваться с дерева, он спокойно смотрел вниз и болтал всякий оскорбительный вздор относительно привычек, образа жизни долов, их детёнышей и прочего. Ни один язык не обладает таким богатым запасом самых разных язвительных слов и интонаций для выражения презрения, как язык джунглей. Маугли не зря сказал Каа, что у него под языком достаточно острых и цепких колючек. И теперь, пользуясь ими, он постепенно, оставаясь совершенно спокойным, вывел долов из их обычного состояния и вынудил сначала ворчать и лаять, затем выть и, наконец,

хрипеть от бессильной злобы.

Сначала долы пытались отвечать на язвительные насмешки Маугли той же монетой, но эти попытки оказались столь же беспомощными, как если бы ребёнок вздумал состязаться в силе с Каа. А Маугли всё так же лежал, обхватив сук ногами и свесив вниз правую руку.

Множество раз вожак стаи пытался до неё допрыгнуть, но Маугли оставался неподвижным, выжидая благоприятного момента, чтобы реализовать свой план и не выдать себя неосторожным движением. Наконец вожак, собравшись с силами, подскочил метра на два, и в мгновение ока с быстротой змеи правая рука Маугли вытянулась, крепкие пальцы вцепились в широкий загривок вожака, так что пёс повис в воздухе, извиваясь всем телом, бешено болтая ногами и хвостом над головами своей стаи. Сук под ними предательски закачался, и Маугли едва не рухнул на землю, но добычу свою не выпустил. Потихоньку подтянув пса, который всё так же вертелся в его руке, к себе, он выхватил нож и ловко отсёк вожаку хвост, после чего швырнул на землю.

Теперь можно было не сомневаться: долы не пойдут по следу уон-толлы до тех пор, пока им не удастся разорвать обидчика. Псы плотно окру-

жили дерево, дрожа всем телом от бешенства и жажды мести. Уверенный, что долы никуда не уйдут, Маугли забрался повыше, нашёл себе сук поудобнее, уселся на развилину и заснул.

Проснувшись часа через три-четыре и пересчитав стаю, он остался доволен: все долы были на месте — молчаливые, злые, со стальными челюстями и горевшими непримиримой ненавистью глазами. Солнце начинало клониться к горизонту. Через каких-то полчаса маленький народец, обитавший на скалах, закончит свой трудовой день и отправится на покой. Приближались сумерки, когда долы становятся менее активными и агрессивными.

— Какие у меня верные сторожа! — крикнул Маугли, демонстративно потягиваясь и зевая. — Век не забуду вашей доброты и вашего усердия. Только вот очень уж вы все похожи один на другого. Пусть хоть вожак отличается. Разве я не прав, бесхвостая красная собака?

— Погоди: вот доберусь до тебя и собственными зубами выпотрошу! — завизжал главный дол, в бешенстве вгрызаясь в ствол дерева, на котором сидел Маугли.

— Но что же такого я тебе сделал? Другой бы спасибо сказал: теперь у вас пойдёт новая порода

красных куцых собак — с короткими красными обрубками вместо хвоста. Неудобно, правда, садиться на горячий песок, но это ведь не беда, правда? Так вы решительно не хотите уходить от меня? Ну, в таком случае пойдёте туда, куда я вас поведу, а заодно уму-разуму научу.

В следующее мгновение Маугли, как обезьяна, перепрыгнул на соседнее дерево, затем на следующее и следующее… И вслед за ним ринулась вся стая, подняв кверху свои красные свирепые морды. Иногда он делал вид, что падает, и тогда все долы, сбивая друг друга с ног, бросались к тому месту, куда он должен был свалиться: каждый пёс хотел первым вцепиться ему в горло. Очень странное зрелище предстало бы глазам стороннего наблюдателя: голый человек с ножом, сверкавшим в лучах предзакатного солнца, перепрыгивает с ветки на ветку по верхушкам деревьев, а по земле за ним бежит озлобленная стая с горящими красным огнём взорами и клацающими от нетерпения зубами. Добравшись до дерева, за которым тянулось вплоть до Пчелиных утёсов открытое место, Маугли остановился и принялся натирать чесноком тело, окружённый воющими от злости долами.

— Думаешь, это тебя спасёт, обезьяна с волчьим

языком? Мы будем гнать тебя до последнего издыхания! — пригрозил вожак.

— Держи свой хвост! — вдруг крикнул Маугли и швырнул обрубок в самую гущу псов.

Стая инстинктивно отхлынула назад, когда почуяла запах собственной крови, а Маугли скомандовал:

— Все за мной!

Воспользовавшись мгновением, когда стая попятилась, Маугли спрыгнул с дерева и быстрее ветра помчался к Пчелиным утёсам, прежде чем долы сообразили, что к чему.

Вся стая завыла в голос и пустилась вслед за ним своим тяжёлым галопом, которым долы могут загнать самое быстроногое и выносливое животное. Маугли было хорошо известно, что долы бегают гораздо медленнее волков, иначе он никогда бы не решился на такое: преодолеть три километра преследуемому целой стаей долов. Псы уверенно неслись за ним, предвкушая скорую расправу, а Маугли бежал, всеми силами поддерживая азарт в своих преследователях и опасаясь лишь одного: чтобы не свернули в сторону. Он намеренно чуть замедлил бег, подпустив к себе вожака на расстояние десяти прыжков, а разъярённая стая растянулась на полкилометра,

не видя ничего перед собой от жажды крови. Маугли старался не увеличивать расстояние между собой и своими преследователями и приберегал силы для решающего момента, когда придётся бежать мимо самих Пчелиных утёсов.

VII

В это время года в джунглях мало что цвело, поэтому маленький народец закончил работу рано и собрался на покой. Но тут над расщелинами, в которых пчёлы настроили в огромном количестве гнёзд, раздался грохот, и в тот же миг земля вдруг огласилась одним грозным гулом. Маугли, собрав все свои силы, мчался так, как не бегал ещё ни разу в жизни, не забыв, однако, сбросить ногой наваленные в кучи камни. Те с грохотом покатились в тёмные расщелины скал, и тогда над утёсами раздался гул, подобный шуму морского прибоя. Оглянувшись назад, Маугли увидел, как в воздух одна за другой поднимаются чёрные тучи. Прямо под ним стремительно несла свои пенистые воды Вайнганга, а на поверхности сверкала алмазами плоская голова Каа. Не теряя ни мгновения, Маугли сгруппировался и прыгнул, оставив позади себя бесхвостого вожака, который успел уже лязгнуть зубами, уверенный, что хватает обидчика за плечо. Уже в следующую секунду Маугли был в безопасности, скрытый водами реки, не почувствовав ни одного укола на своём теле. Запах чеснока на несколько секунд

удержал разъярённых насекомых, но этого было достаточно, чтобы миновать Пчелиные утёсы. Вынырнув из воды, Маугли оказался в объятиях Каа и на мгновение замер от крайнего напряжения сил и торжества. Бросив взгляд вверх, он увидел на краях утёсов какие-то пушистые движущиеся массы, которые одна за другой валились с огромной высоты в воду, а когда касались воды, над рекой поднимались тучи пчёл, а тело бездыханного дола неслось вниз по течению. С высоты утёсов доносились отчаянные вопли, которые заглушало мощное гудение миллионов насекомых, похожее на отдалённые громовые раскаты. Падали собаки в расщелины, застроенные пчелиными сотами, и продолжали вертеться, щёлкать зубами, обрывая соты, и, зажаленные до смерти хозяевами гнёзд, катились вниз, увеличивая своими телами кучи отбросов на берегу реки. Валились бездыханные тела собак и на деревья, покрывавшие утёсы. Часть стаи, обезумев от боли, всё же сумела, собрав последние силы, броситься в реку живой. Каа потом рассказывал, что ненасытная Вайнганга наглоталась тогда предостаточно долов — и живых, и мёртвых.

Как только Маугли отдышался и справился с дрожью в мышцах, Каа сказал:

— Больше нам нельзя здесь оставаться: народец рассердился не на шутку. Давай-ка убираться отсюда!

Маугли поплыл, стараясь держаться почти под водой и то и дело ныряя, крепко сжимая в руке нож.

— Не торопись, успокойся, Маленький брат! — сказал Каа. — Один зуб — ничто против сотни, будь даже это зуб самой кобры. Слишком много долов осталось невредимыми: добрая половина успела благополучно спастись, вовремя заметив приближение пчёл.

— Значит, моему ножу придётся поработать!

Маугли пришлось опять нырнуть: над рекой кружились тучи пчёл, яростно жужжавших и бросавшихся на всё, что им попадалось.

— Да отстаньте вы наконец! Какой назойливый вы, однако, народ!

— Лучше, если б ты вёл себя потише, — заметил Каа, которому пчёлы совершенно не досаждали, поскольку их жала не способны проколоть его панцирь. — Ещё успеешь поохотиться — впереди целая ночь. Слышишь, как они там воют?

Собаки, что бежали последними — около половины стаи, — вовремя заметили западню, в которую попали их товарищи, и, свернув круто

в сторону, попрыгали в воду в том месте, где ущелье, понижаясь, переходило в невысокий, хотя и крутой, уступ. Оставшиеся в живых псы оглашали воздух воем и угрозами в адрес «лесной обезьяны», из-за которой они оказались в такой ситуации. Их крики сливались с воем тех, что гибли под натиском пчёл. Оставаться на берегу значило бы обречь себя на верную смерть, и долы поняли это, поэтому оставшаяся часть стаи бросилась в воду и устремилась прямо к затону, скрывавшему утёс Мира. Неугомонные пчёлы не отставали, и псам пришлось плыть дальше. До слуха Маугли донеслись слова бесхвостого вожака, который убеждал стаю не давать пощады ни одному сеонийскому волку. Только проявить красноречие ему не удалось, так как внезапно раздались жуткие вопли:

— Берегитесь! Кто-то убивает во мраке! Смотрите: в воде кровь!

Маугли меж тем нырял и плавал под водой, как выдра, вспарывая ножом долам животы, прежде чем они успевали разинуть пасть. Только жирные кроваво-красные пятна, появлявшиеся на поверхности воды, да всплывавшие трупы свидетельствовали о каком-то неведомом подводном враге. В какое-то мгновение долы хотели было

повернуть назад, но течение оказалось сильнее их, да и пчёлы с остервенением жалили носы и уши. С низовьев реки между тем уже доносился грозный вой волчьей стаи Сеонийских холмов и с каждой минутой становился всё громче и громче. А Маугли всё нырял и нырял, и тогда среди долов поднялась настоящая паника: одни кричали, что лучше было бы повернуть к берегу; другие требовали от вожака, чтобы вёл их обратно на Декан; третьи проклинали невидимого врага и вызывали на открытый бой.

— Ну, теперь твои братья там, внизу, легко справятся с остальными, — устало проговорил Каа. — Маленький народец полетел домой. Пойду, пожалуй, тоже: волкам я не помощник.

VIII

В это время на берегу появился уон-толла. Волк бежал вприпрыжку на трёх ногах, то приседая к земле, то подбрасывая ноги вверх, и внимательно следил за долами, которые хоть и продолжали плыть, но было видно, что из последних сил. От слишком долгого пребывания в воде шерсть их намокла, и хвосты волочились на поверхности, как разбухшие губки. Псы молча гребли вперёд, с тревогой посматривая на берег, где на них взирали горящие гневом глаза.

— Плохая охота! — буркнул кто-то из долов.

— Напротив, охота отличная! — воскликнул Маугли, вонзая нож псу под лопатку и отскакивая в сторону, чтобы не попасть под зубы умиравшего.

— А ты, человеческий детёныш, разве здесь? — крикнул с берега уон-толла.

— Если своим глазам не веришь, спроси у красных собак. Разве не видишь, сколько их в низовьях реки? Я вдоволь с ними наигрался и оставил без хвоста их вожака, да и стаю проредил основательно. Но ты не переживай: хватит и тебе. Куда мне их гнать теперь?

— Мне торопиться некуда, — сказал уон-толла. — У меня вся ночь впереди, так что наиграюсь всласть, когда мои глаза будут лучше видеть.

Издали доносилась боевая песнь сеонийской стаи, и с каждой минутой всё громче, всё яснее, а заканчивалась призывом: «Сойдёмся дружными рядами и в бой пойдём мы с чужаками!» Долы не догадывались, что за крутым поворотом реки, огибавшей группу скал, раскинулись песчаные отмели, где их ждали волки. Только теперь псы поняли, что допустили ошибку: им следовало бы выйти из воды выше и встретить волков на берегу, — но было уже поздно. Весь пологий берег был заполнен обитателями Сеонийских холмов, а в воздухе разносился ужасный, несмолкаемый фиал, который заполнял джунгли весь день с раннего утра.

Если бы кто увидел плывущую по реке стаю, которую по берегу сопровождает хромой волк, то мог бы подумать, что они приятели.

— Держи к берегу и хватай! — крикнул вожак.

Долы тут же повернули к отмелям, вспенивая мелкую воду, так что весь берег Вайнганги вдруг побелел и по воде заходили крупные волны, как от большой лодки. А Маугли между тем всё напирал на долов сзади, нож его работал без устали,

вынуждая искать спасения на берегу.

И завязался тут долгожданный бой на всём протяжении отмелей. Если в одном месте сражение вдруг ослабевало, то в другом разгоралось с новой силой. Соперники то растягивались по всему берегу, то сбивались в кучу. Бились повсюду: и на берегу, и в кустах, и между деревьями, и в зарослях травы. Как ни уменьшилось количество долов после столкновения с пчёлами, но и теперь их приходилась по меньшей мере пара на одного волка. Зато свободное племя билось не на жизнь, а на смерть, потому что за свою стаю, за свои логовища, за всё, что им было дорого. Бок о бок с седыми ветеранами сражались взрослые сильные волки и даже волчицы. Были здесь и годовалые волки, совсем недавно обросшие новой мягкой тёмной шерстью, но всё ещё держались поближе к родителям. Волк, как известно, хватает свою жертву или за горло, или за спину, а долы вцепляются снизу, а потому, пока бой шёл в воде или на отмелях, волки имели преимущество перед долами, которым приходилось всё время задирать головы. Гораздо хуже волкам приходилось на сухой земле. Нож же Маугли работал одинаково успешно везде, к тому же его защищали четыре брата: Серый вертелся впереди, чтобы

никто не вцепился в ноги, три других держались справа и слева или защищали его сверху, когда толчок смертельно раненного ножом дола, случалось, валил Маугли на землю.

Временами побоище представляло собой одну сплошную кучу-малу, медленно перемещаясь то в одном, то в другом направлении, то кружась на месте. Потом какая-нибудь часть этой спутанной массы тел вздувалась в виде пузыря, и когда этот пузырь лопался, в разные стороны летели четыре-пять изуродованных дола, которые потом всё же пытались подняться на ноги и опять ринуться в бой. Где-то на одного волка наседали два-три дола, ухватив за бока, дальше годовалый детёныш, уже мёртвый, но сжатый со всех сторон, продолжал вертеться, в то время как его мать, обезумев от ярости, рвалась к нему, опрокидывая всех на своём пути. И среди всей этой свалки соперники, волк и дол, забыв обо всём на свете, прыгали друг перед другом, выбирая момент, чтобы вцепиться в бок другому, и мгновение спустя оба кубарем катились, опрокинутые разъярёнными бойцами. В один из таких моментов Маугли увидел Акелу — старый волк медленно двигался, потому что тащил аж трёх долов: два вцепились в его ноги, а третьего он держал в своих беззубых челюстях.

В другой раз перед взором Маугли мелькнул Фао: ухватив за горло, тащивший дола к годовалым волкам, чтобы те прикончили его.

Сгустившийся мрак не давал возможности проследить, где и что происходило, но в воздухе стоял сплошной не смолкавший гам, вой, визг, стон, а ближе к ночи стало заметно, что суеты больше, чем дела. Обессиленные долы всё чаще уклонялись от схватки с крупными сильными волками, но ещё не решались обратиться в бегство. Маугли понял, что конец боя не за горами, и предоставил возможность показать себя годовалым волкам — те освоились и уже действовали более смело. Нож Маугли приводил долов в трепет, и одного его блеска было достаточно, чтобы обратить любого в бегство.

— Мясо почти всё съедено: скоро останутся одни кости, — проговорил, тяжело дыша, Серый брат. Из глубоких ран у него на боках лилась кровь.

— Разгрызём и кости, — подбодрил брата Маугли, и остриё его ножа опять сверкнуло — на сей раз над долом, который едва передвигался под тяжестью навалившегося на него сзади волка. — Вот так мы бьёмся в джунглях!

— Эй, это моя добыча! — прохрипел волк, не разжимая челюстей.

— Да разве твой желудок ещё не полон, уон-толла? — удивился Маугли.

Волк хоть и был весь изранен, однако жертву свою держал зубами ещё крепко, не давая ей возможности даже повернуться.

— Да никак под тобой сам бесхвостый! — воскликнул Маугли, всматриваясь в дола, и обратился уже к нему: — Видишь, приятель, как нехорошо убивать мать и детёнышей, оставив в живых отца. Сдаётся мне, что он-то тебя и прикончит.

Один из псов бросился было на помощь вожаку, но прежде, чем его челюсти успели сомкнуться, сверкнул нож Маугли, а Серый брат сделал остальное.

— Вот так мы в джунглях бьёмся! — повторил Маугли.

А уон-толла не отпускал дола, всё глубже вгрызаясь ему в спину, пока не почувствовал под зубами кости хребта. Тогда уон-толла приложил усилие, кости хрустнули, и по телу дола прошла судорога, а в следующее мгновение он неподвижно вытянулся на земле, увлекая за собой обессиленного противника.

— Довольно, уон-толла, долга крови больше нет. Поднимайся и начинай петь свою песню.

— И ему тоже не придётся больше охотиться, — добавил Серый брат. — А где же Акела? Что-то давно его не видать и не слыхать.

— Они бегут! — раздался торжествующий голос Фао. — Эй, охотники свободного племени, победа наша! Они бегут!

— За ними! Не давайте им уйти! — вдруг прозвучал резкий голос Маугли. — Смотрите: они убили одинокого волка, Акелу! Заставьте их заплатить за это! Не оставляйте в живых ни одного дола. Смерть всем!

И он с ножом в руке бросился к реке, чтобы преградить путь псам, которые пытались спастись в воде.

Вдруг из-под кучи растерзанных тел показалась голова Акелы. Маугли подбежал к нему и опустился на землю.

— Помнишь, я говорил, что этот бой будет последним в моей жизни? Да, хорошая была охота. Ну а как ты, Маленький брат?

— Что обо мне говорить! Я цел, а стая долов значительно поредела благодаря моему ножу.

— Не уходи, я хочу умереть около тебя, Маленький брат.

Маугли положил к себе на колени огромную, покрытую страшными ранами голову старого

Акелы и обхватил руками истерзанную шею.

— Как много времени прошло с той поры, когда Шер-Хан гремел среди джунглей, а маленький голый человеческий детёныш катался в пыли, — сказал, тяжело вздыхая, Акела.

— Нет-нет, я не человеческий детёныш, я волк. Я одной крови с волками свободного племени! — воскликнул Маугли. — Я не человек и не желаю быть человеком!

— Нет, Маленький брат, маленький мой волчонок! Ты не волк, а человек — весь, от кончиков волос до кончиков ногтей. И если бы не ты, человек, сегодня стая не торжествовала бы победу над долами. Некогда я спас жизнь тебе, было время, когда ты спас жизнь мне, а сегодня ты спас жизнь стае. Значит, теперь все долги уплачены и ты должен идти к своему племени. Так ступай к нему, Маленький брат. Повторяю ещё раз: твоя охота здесь закончена. Возвращайся к людям.

— Я никуда не уйду: буду охотиться в джунглях один, как уже говорил.

— Всему своё время: за летом придёт осень, потом зима, а за ней — весна. И по-другому не бывает.

Наступит время, и придёт тот, кто погонит тебя отсюда к людям.

— Кто же может погнать меня?

— Маугли сам погонит Маугли. Тебе придётся вернуться к своему племени, потому что ты человек.

— Когда Маугли будет гнать Маугли, тогда пойду.

— Это всё, что я хотел сказать тебе, а теперь должен сказать несколько слов моему народу: я всё же был вожаком своего племени, — произнёс Акела. — Помоги мне приподняться, Маленький брат.

Маугли бережно обхватил старого волка руками, чтобы дать возможность стоять. Тогда одинокий волк, глубоко вздохнув, начал песню смерти, которую всегда поёт вожак стаи, когда наступает его последний час. И чем дольше пел Акела, тем сильнее становился его голос, подымаясь всё выше и выше, разносясь над берегами Вайнганги. Песня оборвалась громким приветствием джунглей: «Доброй охоты!» С последним звуком Акела рванулся вперёд, выскользнул из рук Маугли и лёг без движения рядом со своей последней жертвой.

Маугли сидел неподвижно, как камень, у тела Акелы, опустив голову на колени, не видел и не слышал, что происходило вокруг, а в это время

безжалостные рассвирепевшие волчицы добивали остатки долов. Ни шума, ни криков уже не было слышно. Волки один за другим покидали поле битвы, иные лишь для того, чтобы, сделав один-два прыжка, тут же упасть на землю, увеличив груду мёртвых тел. Пятнадцать волков и с полдюжины волчиц сеонийской стаи полегли на берегу Вайнганги, а из оставшихся в живых ни один не ушёл совершенно целым: каждый унёс на теле память об этой страшной битве.

Бой давно уже кончился, а Маугли всё продолжал сидеть у тела Акелы. На востоке заалело небо, потянуло предрассветным холодным ветерком. Вдруг Маугли почувствовал чьё-то прикосновение и увидел у своих ног окровавленную мокрую морду Фао. Поднявшись, не говоря ни слова, он указал на громадное, растянувшееся на земле тело Акелы.

— Доброй охоты! — сказал Фао бывшему вождю стаи, как будто тот ещё мог его услышать, а затем, повернув голову, крикнул: — Войте, собаки, сегодня ночью кончился волк!

Но никто не откликнулся на этот призыв: из двух сотен долов, красных собак с Декана, которые гордятся тем, что ничто живое не устоит перед ними, никто не вернулся обратно, чтобы

принести известие об этой страшной битве.

Песня коршуна Чиля

Эту песню пел Чиль, спускаясь со своими товарищами к берегу Вайнганги по окончании великой битвы. Чиль со всеми очень любезен, но у него спокойное и холодное сердце, потому что он знает: рано или поздно почти всё живое в джунглях становится его добычей.

ЗДЕСЬ ЛЕЖАТ МОИ ДРУЗЬЯ: УНЕСЛА ИХ НОЧЬ ДОЛОЙ.

К НИМ ТЕПЕРЬ СПУСКАЮСЬ Я, ПРОКРИЧАТЬ ИМ: «КОНЧЕН БОЙ!»

МНЕ ОНИ ДАВАЛИ ВЕСТЬ, ГДЕ ИДЁТ КАКАЯ БРАНЬ,

Я ИМ ТОЖЕ ВЕСТЬ ДАВАЛ, ЕСЛИ ЗАМЕЧАЛ, ГДЕ ЛАНЬ.

БЫЛО ВРЕМЯ, ВСЕ ОНИ С ВОЕМ МЧАЛИСЬ ЗВЕРЮ ВСЛЕД.

БЫЛО ВРЕМЯ, САМ ЗАМБАР ПОПАДАЛСЯ НА ОБЕД.

НО ТЕПЕРЬ КОНЕЦ СЛЕДАМ, НИКУДА УЖ ХОДУ НЕТ,

ВСЁ, ЧТО БЫЛО, ТО ПРОШЛО, КЛИНОМ

ЗДЕСЬ СОШЁЛСЯ СВЕТ.

СЛЕТАЙТЕСЬ ЖЕ, КОРШУНЫ! СЛЕДИТЕ ЗА ЧИЛЕМ!

ДЛЯ ВАС ПИР ПРИГОТОВЛЕН НА ПОЛЕ БРАННОМ.

ЗДЕСЬ КОНЕЦ ИХ ВСЕМ СЛЕДАМ, НИКУДА УЖ ХОДУ НЕТ,

ВСЁ, ЧТО БЫЛО, ТО ПРОШЛО, КЛИНОМ ЗДЕСЬ СОШЁЛСЯ СВЕТ.

ЭТО ВСЁ МОИ ДРУЗЬЯ. КАК МНЕ БОЛЬНО ВИДЕТЬ ИХ!

К НИМ ТЕПЕРЬ СПУСКАЮСЬ Я, ЧТОБЫ ВСПОМНИТЬ ДОРОГИХ.

АХ, КАКОЙ ПЕЧАЛЬНЫЙ ВИД: РТЫ РАСКРЫТЫ, ВСЮДУ КРОВЬ,

ТУСКЛЫЙ, НЕПОДВИЖНЫЙ ВЗГЛЯД. ДЛЯ ПЕЧАЛИ НЕТ И СЛОВ!

ВСЮДУ МЁРТВЫЕ ЛЕЖАТ. ПЫШНЫЙ ПИР МОИМ ГОСТЯМ.

УЖ ОТСЮДА – НИКУДА. ЗДЕСЬ КОНЕЦ ИХ ВСЕМ СЛЕДАМ.

СЛЕТАЙТЕСЬ ЖЕ, КОРШУНЫ! СЛЕДИТЕ ЗА ЧИЛЕМ!

ДЛЯ ВАС ПИР ПРИГОТОВЛЕН НА ПОЛЕ БРАННОМ.

«К людям Маугли идёт! – крик по джунглям стоит. —

Он уходит от нас, он, любимый наш брат!»

Слышишь, джунглей народ, что нам весть говорит?

Отзовись, кто бы смел его здесь удержать!

Прочь уходит от нас по людским по следам

Тот, кто с нами делил нашу радость, печаль.

Тот, кто жил среди нас, кто так дорог был нам.

Его след нас страшит: он ведёт его вдаль.

Из песни Багиры

Время новых песен

I

Прошёл год со времени великой битвы на берегах Вайнганги, где нашёл свой конец Акела. Маугли теперь было около семнадцати лет, но выглядел он гораздо старше, так как постоянное движение на открытом воздухе, обильная и здоровая пища, частые купания — а в жаркую пору Маугли почти не вылезал из воды — придали его телу рослость и крепость далеко не по летам. Когда возникала нужда взобраться на высокое дерево, чтобы рассмотреть дорогу, он по целому часу мог висеть на одной руке, уцепившись за ветку; мог остановить на полном скаку и даже перебросить через себя молодого оленя; у него хватало силы опрокинуть большого чёрного кабана, который обитает в Северных болотах.

Народ джунглей, который раньше боялся его из-за превосходства в уме, теперь стал бояться просто из-за того, что сильный. Когда Маугли не торопясь проходил по джунглям, весть об этом бежала далеко впереди, и все обитатели торопились отойти в сторону, чтобы освободить ему дорогу. При всём этом его глаза оставались по-прежнему мягкими и приветливыми, и даже

когда он бился с врагом, в них не загорался тот дикий огонь, который всегда сверкал во взоре Багиры. Но годы внесли нечто новое в выражение этих глаз: они стали особенно проницательными, в них всегда присутствовало странное возбуждение, которого не могла понять даже Багира. Не раз пантера спрашивала об этом самого Маугли, но тот вместо ответа только улыбался, смотрел на неё из-под своих длинных ресниц, и, как всегда, она отворачивала голову, признавая в нём своего господина.

— Разве по моим глазам не видно, что я чувствую? Например, меня огорчает, если не повезло на охоте, а если голоден, то и вовсе чувствую себя несчастным.

— Если ты и хочешь есть, то по твоим глазам этого не видно. Чем бы ты ни занимался: охотился ли, набивал желудок или купался, — твои глаза всегда одинаковы, как камни на берегу реки.

Однажды Маугли и Багира лежали на склоне холма, возвышавшегося над берегами Вайнганги. Внизу, над долиной, белым пологом стелился утренний туман. Взошло солнце и озолотило своими лучами волнующееся туманное море, по мягкой траве, где отдыхали Маугли и Багира, побежали полосы света. Сухой период года под-

ходил к концу. Листья на деревьях выглядели мёртвыми и посылали сверху сухой безжизненный шелест, когда среди тишины набегал вдруг порыв ветра. На голой ветке куста, под которым лежала Багира, сохранился один листок, который всё время дрожал и вертелся. Багира смотрела на этот беспокойный листок и чувствовала какое-то странное возбуждение. Быстро вскочив, она с шумом втянула воздух, опрокинулась на спину и, катаясь по земле, принялась махать лапами, стараясь поймать этот сухой листок.

— Приближается поворот года: скоро джунгли заживут по-новому, — глубокомысленно проговорила пантера. — Наступает пора песен, и листок знает это, оттого так и дрожит. Приходят хорошие времена.

— Нет, ещё не скоро: смотри, трава ещё мёртвая, — возразил Маугли, выдирая клок травы. — Придётся подождать с новыми песнями. Весенний глазок и тот не думает ещё распускаться.

Весенним глазком обитатели джунглей называли низкорослое растение с красными воронковидными, похожими на восковые лепестками, которым ранней весной покрыты все холмы и луга.

— Послушай, Багира, разве прилично чёрной

пантере почтенного возраста валяться в траве брюхом кверху и болтать лапами в воздухе, как какой-нибудь обыкновенной лесной кошке?

Пантера, по-видимому, думала о чём-то своём и не слушала Маугли, только урчала и мурлыкала, и ему пришлось повысить голос:

— Я говорю, прилично ли чёрной пантере так выть, фыркать и кататься? Подумай, что о тебе станут говорить, — ведь мы с тобой господа джунглей!

— Слышу, слышу, человеческий детёныш! — ответила Багира, перекувыркнувшись через голову и, наконец, усевшись. Выпадавшая клочьями зимняя шерсть её была вся серая от пыли. — Конечно, мы с тобой господа джунглей, потому что никого сильнее и умнее Маугли здесь нет.

В голосе Багиры явно слышалась усмешка, и это заставило Маугли оглянуться и повнимательнее на неё посмотреть. Язык джунглей весьма своеобразен, смысл многих выражений всецело зависит от тона, которым они произносятся.

— Разве я не права? Что ты так смотришь? Или, быть может, я сказала что-нибудь обидное? Человеческий детёныш считает неприличным, что ли, полежать на траве? Или господам джунглей это непозволительно?

Но Маугли уже почти не слушал Пантеру: опершись на колени локтями, смотрел на противоположный берег, откуда доносилось пока ещё робкое, неуверенное птичье пение. Эти первые звуки весны были не более чем слабой тенью той полной, сильной весенней песни, которую эта самая птичка споёт позже. Неужели Багира

уловила эти первые робкие звуки весны, которые и стали причиной её беспокойства?

— Слышишь? Вот она, новая песня! Пришло её время.

— Да, слышу, но почему ты вся дрожишь? Неужели тебе холодно? Ведь солнце уже высоко и печёт так сильно.

— Это поёт Ферао, красный дятел, — словно про себя, как будто не слышала Маугли, проговорила Багира. — Если он пробует голос, значит, мне пора.

Пантера принялась мурлыкать себе под нос, стараясь припомнить свою песню, но забытый мотив никак не давался, и она начала терять терпение.

— Напрасно поёшь: в окрестностях нет дичи, — лениво произнёс Маугли, про которого Багира, казалось, совсем забыла.

— Маленький братец! Где у тебя уши? Разве

это охотничья песня? Я стараюсь припомнить другую, которую надо петь с наступлением новых времён.

— Ах да, совсем забыл про время ваших новых песен. Помню, что вы тогда бросаете меня и куда-то убегаете, — проворчал Маугли.

— Что правда, то правда, Маленький братец. Но ведь мы ненадолго исчезаем… — виновато потупилась Багира.

— Да, но зато все сразу! — раздражённо возразил Маугли, вскакивая с места. — Вы убегаете, а я, господин джунглей, должен бродить один. Припомни, год назад, когда мне понадобилось принести пучок сахарного тростника с полей у человеческих селений, я попросил тебя отыскать Хатхи и передать ему мою просьбу.

— Так он и пришёл к тебе… правда, не в тот самый день, а двумя, кажется, днями позже. Зато и принёс тогда целую охапку, так что тебе хватило бы её до самых новых дождей. Но в любом случае я тут ни при чём.

— В том-то и дело, что он не пришёл ко мне в ту ночь, когда я просил. Вместо этого носился по джунглям до самого рассвета как сумасшедший, ревел, трубил, нисколько не думая о том, что его могут услышать. После него тогда осталась в

джунглях дорога как от трёх слонов. Он дошёл до того, что пустился в пляс прямо перед хижинами человечьей стаи, несмотря на то что тогда была полная луна. Я как раз вышел на охоту, и он едва на меня не наскочил, но хоть бы остановился! Вот так вы поступаете с господином джунглей!

— Да пойми ты наконец: было время новых песен, — повторила Багира прежним виноватым тоном. — Или, может, Маленький брат, ты забыл тогда про волшебные слова? Впрочем, давай оставим этот разговор и лучше послушаем Ферао! Слышишь, как заливается?

Скверное настроение, казалось, покинуло Маугли, гнев его перекипел, и, растянувшись на земле, он заложил руки под голову, закрыл глаза и сонным голосом предложил:

— Давай, Багира, немного соснём! К тому же я чувствую небольшую тяжесть в желудке. Пододвинь-ка свой бок под мою голову!

Пантера растянулась около Маугли, но не очень охотно, судя по её вздоху. Ей хотелось не спать, а слушать Ферао, который то и дело неутомимо повторял свою песенку, чтобы исполнить её во всём блеске, когда придёт пора.

II

В джунглях Индии смена времён года происходит очень незаметно — можно сказать, там только два времени года: дождливое и сухое, — но если присмотреться повнимательнее и понаблюдать не только за состоянием неба, а обратить внимание и на почву, то обнаружатся все четыре наших времени года, которые сменяются своим обычным чередом. Особенно удивительна в джунглях весна, но это не наша весна, которая одевает леса новой листвой, а поля и луга — новыми цветами и травами. Весна в джунглях изгоняет всё старое, полумёртвое, потерявшее зелень и свежесть — всё, что переносила, терпела робкая, несмелая, мягкая земля. Весна должна вдохнуть новую, молодую жизнь в одряхлевшую землю. И свою задачу она выполняет так хорошо, что нигде в мире нет такой прелестной весны, как в джунглях.

Ещё вчера всё кругом выглядело вялым, утомлённым; запахи с трудом передвигались в тяжёлом, неподвижном воздухе и казались затхлыми, удушливыми. И вот происходит быстрая перемена, которую нельзя описать — можно

только почувствовать. Для глаза как будто всё осталось по-старому, как будто ничего не изменилось, но вдруг в воздухе повеяло чем-то новым, наполняющим тело бодростью, радостью, и сразу звери джунглей оживились: зашевелили усами, зашныряли, — шерсть с их боков стала клочьями валиться на землю. Вот с неба брызнул мелкий, едва ощутимый дождик, и как по волшебству все деревья, кустарники, бамбуковые заросли, мхи и травы, словно пробудившись ото сна, стали бурно расти. Днём и ночью воздух теперь был наполнен неугомонным непрерывным жужжанием, звоном. Этот особый шум не может быть приписан ни пчёлам, ни струящимся потокам, ни ветру, пробегающему по вершинам деревьев. Этот странный, неумолкающий звучный шум есть песня молодой, возрождающейся природы, голос надвигающейся весны.

Всякий год до сих пор приближение весны приводило Маугли в особенное, восторженное состояние. Первым из всех жителей джунглей он находил и приносил только что распустившийся весенний глазок; первым замечал на скучном безоблачном небе лёгкую кучку весенних облаков. Не было места в джунглях, где бы ни звучал тогда его весёлый, оживлённый голос: сегодня здесь, на

мокрых полянах, сверкающих бесчисленными цветами; завтра — соревнуясь с хором лягушек или же передразнивая маленьких сов, неумолчно ухающих весенними светлыми ночами.

Для Маугли, как и для других обитателей джунглей, весна была временем оживления: с раннего утра и до позднего вечера он был на ногах. Для него ничего не стоило пробежать за день восемьдесят, а то и больше, километров только для того, чтобы нарвать цветов. И даже после таких прогулок он возвращался радостный, сияющий, с венком из каких-нибудь необычных цветов. Такие весенние прогулки он совершал один, без всегдашних четырёх спутников: те на это время покидали его и уходили к другим волкам и с ними пели свои песни. Пока бродил в одиночестве по джунглям, Маугли мог слышать то там, то здесь их ворчание, странное отрывистое завывание. Такие звуки обитатели джунглей издают только весной, когда их голоса становятся другими. Эта перемена голосов — одна из причин, почему весна в джунглях называется временем новых песен.

Когда пришла его семнадцатая весна, Маугли почувствовал, что желудок у него стал, как выражалась Багира, другим. Не успели ещё

молодые побеги бамбука покрыться тёмными пятнами, как Маугли овладело какое-то странное томление. Ощущая появление новых запахов, он с тоской ожидал утра, но когда оно наступало и павлин Мао, сверкая бронзой, лазурью и золотом, приветствовал его громким криком, разносившимся среди утреннего тумана, Маугли чувствовал, что голос замирает у него в горле и что по всему телу: от самых кончиков пальцев до корней волос — пробегает непонятная дрожь. Ему вдруг начинало казаться (отчего — он не мог объяснить), что он очень несчастлив. Внимательно осматривая своё тело — не напоролся ли на какой-нибудь сучок — и ничего не находя, он впадал в уныние.

Павлин Мао приветствовал громким криком появление новых запахов, его поддержали другие птицы, а со скал на берегу Вайнганги им ответил хриплый, нечто среднее между криком орла и ржанием лошади, голос Багиры. Сверху, с покрывшихся свежей зеленью ветвей, неслись завывания и крики обезьяньего племени. Но когда Маугли, слушая все эти звуки, не смог справиться с желанием ответить павлину Мао, из груди его вырывался лишь тихий шёпот, полный печали.

Маугли стоял грустный и смотрел вверх. Сквозь

просветы между ветвями виднелись толпы кривлявшихся обезьян, а внизу, на полянке, отплясывал павлин Мао, распустив свой великолепный хвост, и кричал:

— Пошли новые запахи, Маленький брат! Доброй охоты, Маленький брат! Что же ты молчишь?

— Доброй охоты, Маленький брат! — прокричал сверху и коршун Чиль, спускаясь вниз со своей подругой.

Парочка пронеслись так близко, что едва не задела Маугли крыльями.

Лёгкий весенний дождь прошёл полосой по джунглям, освежая молодые листья; на небе легла двойная радуга; воздух задрожал от первого весеннего грома. Звонкий шум затих на некоторое время, и его сменил разноголосый крик многочисленных племён джунглей. Все приветствовали весну, за исключением разве что Маугли, который с тревогой спрашивал себя: «Что со мной такое? Вроде ел и пил хорошо, а горло моё тем не менее горит, грудь что-то сжимает, точно после того пятнистого корня, который черепаха Оо считает самым чистым кормом. В желудке моём творится что-то неладное, и я срываюсь по пустякам на Багиру и прочих оби-

тателей джунглей. Мне становится то жарко, то холодно; меня что-то тревожит, но что именно — не знаю. Может, надо хорошенько пробежаться — например, за эти горы, к Северным болотам? Да, это будет замечательная прогулка. Похоже, из-за слишком лёгкой охоты в последнее время я немного отяжелел. А может, и мои друзья не откажутся составить мне компанию: им тоже будет полезно, а то слишком уж разжирели».

Маугли крикнул, прислушался, затем ещё раз крикнул и ещё, но никто так и не отозвался. Его братья были очень далеко и не могли услышать зов, потому что пели весенние песни про луну, про охоту на замбара вместе с другими волками стаи. Правда, было ещё светло, но в такое время народ джунглей не делает особого различия между днём и ночью. Раздосадованный, Маугли издал резкий гневный крик, но в ответ услышал лишь насмешливое мяуканье пятнистой кошки джунглей, что лазает по деревьям в поисках птичьих гнёзд. Маугли в бешенстве аж затрясся и уже готов был пустить в дело свой нож, но вовремя спохватился и постарался совладать с гневом, приняв презрительно-высокомерный вид. Но это оказалось излишним: никто не обращал на него ни малейшего внимания. Лицо его

приняло злое выражение, и, нахмурив брови, он побежал с горы вниз. По дороге ему попадались какие-то обитатели джунглей, но никто из них не остановил его, не поприветствовал, не заговорил — каждый спешил по своим делам.

Злобой на всех и вся наполнилось сердце Маугли, хотя в глубине души он и сознавал, что не прав.

«Да, — кипятился Маугли, — когда с Декана приходят красные собаки или когда Красный Цветок распускается среди бамбука, все джунгли бегут к Маугли, заклиная великим словом слона, но стоит только расцвести весеннему глазку или заплясать голоногому павлину

Мао, как все будто сходят с ума, точно их перекусали собаки… Да что же это такое! Именем быка, сохранившего мне жизнь, спрашиваю: господин я джунглей или нет?»

В это время пара молодых волков бежала вниз по тропинке, выискивая какое-нибудь укромное местечко, чтобы выяснить отношения, так как Закон джунглей, как известно, запрещает вступать в драку на виду у стаи. Шерсть на их спинах стояла дыбом, они рычали друг на друга и в любой момент готовы были сцепиться. Маугли бросился на них, схватил по волку в каждую руку

и расшвырял в разные стороны, как это делал не раз раньше во время игр или охоты, но в весенние бои волков до сих пор не вмешивался. Волки тут же вскочили и кинулись опять друг на друга с таким остервенением, что опрокинули Маугли на землю и, не теряя времени, с яростью сцепились, покатившись по земле. Мгновение спустя Маугли был уже на ногах. Выхватив нож, оскалив зубы, он готов был уложить обоих драчунов за то только, что те не вняли его запрету, хотя по Закону всякий волк имеет полное право биться сколько угодно. Маугли прыгнул к волкам и, изогнувшись, стал выжидать удобного момента, чтобы одним ударом пронзить обоих, но тут рычащий клубок подкатился ему под ноги, и, не удержавшись, он рухнул на землю. В тот же миг почувствовал, как покидают его силы, а рука сама собой опускается. Спрятав нож, он отошёл в сторону и в недоумении подумал: «Похоже, я съел что-нибудь ядовитое. С того времени, как разогнал совет стаи Красным Цветком, как убил Шер-Хана, никто не мог меня свалить на землю. И вот теперь я упал от толчка двух совсем зелёных волков! Очевидно, из меня вышла вся сила, и теперь мне остаётся только умереть».

Волки продолжали драться до тех пор, пока

один из них не оставил поле битвы и не убежал. А Маугли всё сидел на измятой окровавленной траве, тупо переводя взор с предмета на предмет, весь во власти такого гнетущего чувства одиночества, какого он ещё не испытывал до сих пор.

Охоту в этот день он закончил рано, поел совсем немного, только для того, чтобы запастись силами для весенней прогулки, которую собирался предпринять, да и невесело было есть одному. В джунгли между тем пришла великолепная «белая ночь», когда всякая зелёная былинка поднимается настолько, как в другое время не поднялась бы и за месяц. Ветка, которая ещё вчера была сухой и безжизненной, за одну ночь наполнялась соками. Ноги Маугли погружались в густой тёплый ковёр свежей травы, совсем ещё мягкой, не успевшей обрести острых жёстких стеблей. Многочисленные голоса джунглей слились в один общий мощный хор новых песен, которые, казалось, испускало даже яркое лунное сияние, сверкавшее в прудах, на скалах, пробиравшееся между стволами деревьев и лианами, искрившееся на миллионах листьев.

Как ни тяжело было на душе у Маугли, но стоило лишь встать на ноги, чтобы пуститься в путь, он сразу почувствовал облегчение и даже принял-

ся громко петь. Маугли не бежал, а скорее летел вдоль склона горы, направляясь к Северным болотам, через самое сердце джунглей. Густой мягкий ковёр под ногами делал неслышными его шаги. Обыкновенному человеку стоило бы немалого труда пробраться среди густых травянистых зарослей, но Маугли благодаря необычайной силе своих мускулов проносился через них как пёрышко. Ни гнилой ствол, ни камень, срывавшийся из-под его ноги, ни на мгновение не замедляли его лёгкий и быстрый бег. Когда ему надоедало передвигаться на ногах, он взбирался на вершины деревьев по какой-нибудь первой попавшейся лиане и продолжал свой путь по ветвям по способу обезьян. Если ему вновь хотелось оказаться на земле, он падал с громадной высоты вниз, описав в воздухе красивую кривую линию. Ему попадались на пути ущелья, из которых несло удушающей сыростью, наполненной густым ароматом ночных цветов, сплошь покрывавших лианы. Воздух здесь был так тяжёл, что Маугли едва не задыхался. Местами он бежал по тёмным тропам, обнажённая земля которых была испещрена правильными тёмными и светлыми лунными пятнами, давая впечатление узорчатого мраморного пола под сводами старинного

храма. Местами ему приходилось пробираться по высокой траве, которая обливала его тёплой росой, или прыгать по гребням обнажённых утёсов.

В одном месте путь его пролегал по скалистой гряде, и ему приходилось перепрыгивать с камня на камень над лисьими норами, обитатели которых с испугом смотрели на невиданное существо… Из гущи кустарника местами до него доносился странный звук — словно кто-то что-то пилил. Это кабан точил о ствол дерева клыки. Случилось ему наткнуться и на самого зверя: глаза его сверкали диким огнём, морду покрывала пена. В одном месте он услышал тяжёлое сопение и удар рогов, а свернув в сторону, откуда доносились звуки, наткнулся на пару замбаров, которые топтались на месте, сцепившись рогами.

Проходя через протоки, Маугли слышал рёв крокодила Джакалы, издали напоминавший мычание быка. Однажды наткнулся на клубок змей, и те злобно бросились на нарушителя их уединения, но, прежде чем успели нанести удар, тот был уже далеко.

III

Так, освещённый яркой весенней луной, бежал Маугли, временами оглашая окрестности громкими криками или звуками песни, и чувствовал себя переполненным счастьем. Вдруг его нос уловил новые запахи, и стало понятно, что цель его — Северные болота, которые лежали далеко за пределами его обычных мест охоты, — близка.

Обычного человека после первых трёх шагов затянуло бы с головой в вязкую зыбкую трясину, но Маугли, словно имел глаза на ногах, легко перепрыгивал с кочки на кочку, с пня на пень, даже не глядя вниз. Направлялся он прямо к середине болотистого пространства, вспугивая диких уток, к старому, покрытому мхом пню, выдававшемуся над тёмной водой, и там опустился передохнуть.

Его появление переполошило бесчисленных обитателей болота. Стаи разнообразных птиц носились теперь над головой пришельца, выискивая место, где бы усесться, и слышали, как он что-то напевал, очищая свои жёсткие ступни от засевших колючек и заноз. И опять никто не заговорил с Маугли, ничего не спросил — все были совершенно поглощены заботами, нахлынувши-

ми на них с приходом весны. И та тоска, которая, как казалось Маугли, наконец-то покинула его, оставшись где-то позади в джунглях, откуда он убежал, охватила его с новой силой, куда более злая, чем прежняя, и он, не на шутку испугавшись, закричал:

— Она пришла и сюда! Она всё время бежала за мной. Но где же она?

Ночные голоса наполнили воздух, все звери и птицы, как казалось, разом заговорили, перекликаясь между собой, но никому из них не было дела до Маугли, никто к нему не обращался, никто его не замечал. И мучительное чувство одиночества росло и росло.

«Нет, я точно съел что-то ядовитое! — стал он убеждать себя и даже обрадовался, что наконец-то нашёл причину своего несчастья. — Иначе с чего бы мне испугаться двух волчат? А джунгли живут, и нет им до меня дела. Поют себе, дерутся, собираются в стаи, бегают, веселятся, а я здесь, среди болота, умираю от яда. Вот найдут меня завтра мёртвым в этой чёрной грязи, и никому опять не будет дела. Нет, пойду назад: хочу умереть на скале Совета. Там, может, хоть Багира ко мне придёт, если к тому времени закончит свои песни, пусть и всего на те немногие часы, что

мне остались. А затем прилетит коршун Чиль и похоронит меня, как хоронил других, в том числе и Акелу».

При этой мысли Маугли стало так жаль себя, что горячая слеза не удержалась и скатилась на колени. И — странное дело! — ему тотчас стало легче, и он почувствовал себя едва ли не счастливым. Почему-то вспомнились последние слова одинокого волка, и от них пришло успокоение. Тогда Акела наговорил много странного и непонятного, но это, вероятно, от того, что желудок умирающего становится другим. «Но нет! Что бы Акела ни говорил, — подумал Маугли, — я не человек! Мой дом — джунгли».

Воспоминание о битве на берегах Вайнганги привело Маугли в такое возбуждение, что последние слова, сам о том не ведая, он выкрикнул, да так громко, что дикая буйволица, отдыхавшая в тростнике, вскочила и заревела:

— Ух! Человек!

— Нет, — возразил Майза, дикий буйвол, — он не человек. Это безволосый волк из сеонийской стаи. В такие ночи он бегает повсюду.

— Ух! А я думала, человек, — пробурчала буйволица, принимаясь за траву.

— Уверяю тебя, нет. Что ты так кричишь, Мауг-

ли? Тебе угрожает опасность?

Вместо ответа Маугли передразнил буйвола:

— Опасность, опасность! Ты, Майза, только и думаешь, есть опасность или нет, а до самого Маугли, который мечется целую ночь по джунглям, тебе и дела нет!

— Чего это он так громко кричит? — спросила буйволица.

— Да они все так кричат — те, кто лишь топчет траву и не знает, что её можно есть, — презрительно пробурчал Майза.

«Вот мне уже и дерзят! — вздохнул Маугли. — Во время прошлых дождей и не за такую дерзость я выгнал Майзу из его лужи и ездил на нём по болоту верхом. Нет, не стану я здесь умирать. Даже Майза, который одной крови со свиньёй и крокодилом Джакалой, и тот смеётся надо мной. Уйду из этого болота, и будь что будет!»

Майза продолжал жевать свою жвачку, а буйволица бродила и щипала траву. Покидая болото, Маугли не смог удержаться и, подобравшись к Майзе, легонько пырнул его ножом. Огромный буйвол кубарем выкатился из лужи с таким рёвом, что Маугли схватился за живот и принялся хохотать до упаду, а когда к нему вернулся дар речи, сказал:

— Это чтобы не забывал, как однажды безволосый волк из сеонийской стаи тебя пас.

— Волк? Да какой ты волк? — прохрипел буйвол, барахтаясь в болоте. — Все джунгли знают, что ты пас домашний скот, что ты такое же человеческое отродье, как те, кто роется там, на хлебных полях. Ты из джунглей! Нашёл что сказать! Да какой же настоящий охотник джунглей стал бы красться сквозь тростники на манер змеи только для того, чтобы сыграть глупую шутку, на которую способен только шакал? Этак опозорить меня перед буйволицей! Вот выходи-ка лучше на твёрдую землю, и я покажу…

Майза не закончил фразу, потому что рот его наполнился пеной от злости. Всем известно, что едва ли у кого ещё в джунглях такой раздражительный нрав, как у буйволов. А пока он пыхтел и фыркал, Маугли выжидал, не сводя с него своих неподвижных глаз. Наконец, когда буйвол успокоился настолько, что способен был слушать, Маугли спросил:

— Не знаешь, случайно, есть ли поблизости поселения человечьей стаи? Эта часть джунглей мне совсем незнакома.

— Ступай к северу, — проревел Майза всё ещё сердито. — Там, в деревне, и хвастайся своей

скверной шуткой, на какую и способен только голый пастух.

— Человечья стая, Майза, не любит рассказы про джунгли, и не стоит так сердиться: не думаю, чтобы какая-то царапина на коже доставила тебе столько неприятностей и так взволновала. Я пойду взгляну на эту деревню, а ты успокойся: ведь не каждую ночь приходит тебя пасти сам господин джунглей.

Прежде чем продолжить путь, Маугли остановился на краю болота и обернулся. Майза по-прежнему стоял на месте, хоть и трясся от гнева.

«Значит, моя сила не совсем ушла: яд, должно быть, не дошёл до костей, — подумал Маугли, но тут его внимание привлекло слабое мерцание далеко за деревьями. — Что это: звезда, что ли? Больно низко над землёй. Нет, похоже, Красный Цветок, такой же, как тот, у которого я лежал ещё до того, как попал в стаю. Раз я увидел его, так пусть здесь и будет конец моей сегодняшней прогулки».

IV

За болотом начиналась широкая равнина, где раскинулась небольшая деревушка, в одной из хижин которой и блестел огонь. Много времени прошло с тех пор, как Маугли столкнулся с людьми, а потом избегал попадаться им на глаза, но на этот раз блеск огня почему-то притягивал его, как какая-нибудь дичь.

«Я просто взгляну на них: посмотрю, как изменилась человечья стая с тех пор», — сказал он себе и побежал по облитой росой траве прямо к хижине, из окна которой был виден свет.

Возле деревенской ограды его почуяли собаки и залаяли, но Маугли опустился на четвереньки и издал густой волчий вой, который сразу заставил их замолчать.

В эту минуту дверь хижины отворилась, на пороге появилась женщина и стала всматриваться в темноту. Через полуоткрытую дверь послышался крик ребёнка, и женщина, чуть повернувшись, сказала:

— Всё спокойно! Спи! Наверно, шакал завыл и разбудил собак. Скоро начнёт светать.

Маугли охватила дрожь, когда до него донёсся

голос женщины, хорошо ему знакомый. Но чтобы не осталось сомнений, он негромко позвал:

— Мессуа!

— Кто там? — испуганно спросила женщина.

— Разве ты забыла мой голос? — в свою очередь спросил Маугли, чувствуя, как у него сжимается горло и становится сухо во рту.

— Если это ты, скажи имя, которым я тебя звала!

Чтобы было лучше видно, она пошире открыла дверь. Грудь её от волнения тяжело вздымалась.

— Натху! Натху ты звала меня, — сказал Маугли.

— Иди же ко мне, сын, — со слезами в голосе произнесла Мессуа.

Маугли вышел из темноты и вступил в освещённое пространство. Мессуа стояла на пороге и смотрела на него. Это была та самая женщина, которая некогда приютила его и которой он спас жизнь. Она теперь выглядела старше, волосы её поседели, но голос и черты лица остались те же. Она запомнила Маугли таким, каким видела в последний раз, и сейчас тревожно вглядывалась в высокую фигуру взрослого юноши, узнавая с трудом.

— Ты мой сын, — медленно произнесла она

наконец, но затем, опустившись к его ногам, прибавила: — Нет, не сын: ты какой-нибудь лесной бог.

Маугли действительно походил на лесного бога, какими их рисуют в сказках. Он стоял, освещённый полосой света, падавшего от окна: высокий, стройный, прекрасный, с длинными чёрными волосами, свешивавшимися по плечам, с ножом у пояса и с венком из белого жасмина на голове.

Ребёнок, который спал в хижине, опять проснулся, поднял голову и вскрикнул от испуга. Мессуа подошла к нему, чтобы успокоить, а Маугли продолжал стоять у порога, рассматривая кувшины для воды, горшки, ящики для зерна и прочие вещи, которыми пользуются люди и которые он теперь припоминал.

— Ты, наверное, есть хочешь или пить? Всё, что ты видишь, твоё. Мы обязаны тебе жизнью. Но скажи правду: кто ты? Тот ли, кого я звала Натху, или всё же лесной бог?

— Я тот самый Натху, а зашёл сюда случайно: увидел свет в окне. Я не знал, что здесь живёшь ты.

— Мы тогда дошли до Ханевала, — робко начала Мессуа. — Англичане защитили нас от тех поселян, что хотели нас сжечь. Ты помнишь всё это?

— О да! Я не забыл.

— Но когда тяжба наша кончилась и мы вернулись в деревню, то ничего не нашли.

— Всё это я хорошо помню! — произнёс Маугли, и губы его при этом задрожали.

— Тогда муж мой нанялся в услужение. Мужчина он сильный, работящий, сумел подзаработать, вот мы и купили здесь немного земли. Конечно, мы не так хорошо живём, как в той деревне, но нам и не нужно много.

— Ты говоришь про того человека, который тогда копался в земле, перед тем как уйти из деревни? Того самого, который тогда так боялся? А где он?

— Умер, больше года назад.

— А это кто? — спросил Маугли, указывая на ребёнка.

— Это мой сын, ему годик. Если ты бог, так ниспошли ему благодать джунглей, чтобы его не трогал твой… твой народ, как не трогал тогда нас, в ту страшную ночь.

Она взяла ребёнка на руки, и тот, перестав плакать, протянул ручонки к Маугли, заинтересовавшись ножом, который висел у него за поясом, но он осторожно отвёл их в сторону.

— Если ты тот самый Натху, которого унёс тигр,

то он твой младший брат. Дай ему своё братское благословение.

«Опять ничего не понимаю, — с грустью подумал Маугли. — Я не знаю, что такое благословение! Я не бог, я не его брат. Ах, мать, мать, тяжело у меня на сердце!»

Мессуа заметила, что он весь дрожал, когда возвращал ей ребёнка, и сказала:

— Это у тебя от беготни по болоту. Наверное, в твои кости забралась лихорадка.

В ответ на её слова Маугли улыбнулся. Ему смешно было думать, что в его родных джунглях имеется что-нибудь способное ему повредить.

— Я сейчас разведу огонь, — добавила женщина, — и согрею тебе молока. А ты сними лучше свой венок, а то от него идёт слишком сильный запах. И без него здесь душно — помещение-то тесное.

Маугли опустился на землю, что-то бормоча себе под нос, и уселся, опершись головой на руки. Множество самых разных ощущений овладело им, и он опять подумал, что отравился. Голова у него шла кругом, и он чувствовал себя больным. Мессуа подала ему молоко и, пока он пил длинными глотками, стояла рядом и гладила по плечу, всё ещё не определившись, кто перед ней: сын

ли Натху, с которым она рассталась когда-то, или какое-то чудесное лесное существо, — но всё же радуясь, что он из плоти и крови.

— Сын мой, говорил ли тебе кто-нибудь, что ты красавец? — неожиданно даже для себя с гордостью спросила Мессуа.

— Что такое ты говоришь? — с недоумением взглянул на неё Маугли, поскольку ни от кого никогда не слышал ничего подобного.

Мессуа счастливо улыбнулась:

— Значит, я первая? Да, не часто бывает, чтобы матери первой приходилось говорить своему сыну такие слова, но ты взаправду прекрасен. Мне никогда ещё не доводилось видеть таких привлекательных юношей.

Маугли повернул голову, стараясь взглянуть на себя через плечо, и Мессуа рассмеялась, глядя на его безуспешные попытки. Маугли не понял, что её так развеселило, но вдруг невольно принялся хохотать сам, а за ними следом рассмеялся и ребёнок.

— Нет, ты не должен смеяться над своим братом! — попеняла Мессуа, прижимая малыша к себе. — Если будешь хоть немного похож на него, мы найдём для тебя принцессу, и станешь разъезжать на слонах.

Маугли не понимал и третьей части из того, что говорилось, да и не старался уловить смысл. Выпитое тёплое молоко, после того как он пробежал полсотни километров, подействовало на него благотворно. Обхватив тяжёлую голову руками, он прилёг и через минуту уже спал глубоким сном. Мессуа села около него и поправила волосы, спадавшие на глаза, потом накинула на него одеяло и почувствовала себя совершенно счастливой.

По привычке, сложившейся в джунглях, Маугли беспробудно проспал остаток ночи и весь следующий день, так как инстинкт, никогда в нём не засыпавший, подсказывал, что здесь он в полной безопасности. Просыпаясь, он почувствовал прикосновение одеяла, спросонья вообразил, что попал в ловушку, и так подпрыгнул, что вся хижина заходила ходуном. Выпрямившись во весь рост, с ножом в руках, он обвёл полусонными глазами хижину, выискивая невидимого врага.

Мессуа рассмеялась, глядя на него, и предложила поесть. Кроме сухих лепёшек, поджаренных на огне, и горсти заплесневевших тамариндов, у неё ничего не было, но этого вполне достаточно до вечера, когда он мог добыть себе необходимую пищу охотой. С болот тянуло свежим воздухом,

который возбуждал у Маугли аппетит и жажду двигаться. Его тянуло продолжить свою весеннюю прогулку, но ребёнок сидел у него на руках и не отпускал, а Мессуа во что бы то ни стало хотела привести в порядок его волосы. Она расчёсывала и пела детскую песенку, то называя Маугли своим сыном, а то — божеством, и просила ниспослать её дитяти какой-нибудь чудесный дар.

Дверь была закрыта, но Маугли уже давно слышал звуки, значение которых ему было понятно, а потом увидел на лице Мессуа ужас: широко раскрытыми глазами она смотрела на дверь, из-под которой выглядывали две серые лапы. Через мгновение снаружи донеслось негромкое завывание Серого брата, в котором выражалось сознание вины, страх и раскаяние.

— Назад, и жди там! Я тебя звал, но ты не пожелал откликнуться, — произнёс Маугли на языке джунглей, не поворачивая головы, и тотчас серые лапы исчезли.

— Только не приводи с собой своих… слуг, — робко попросила Мессуа. — Я… мы всегда жили в мире с джунглями.

— Он пришёл сюда как друг, — успокоил её Маугли, поднимаясь. — Вспомни ту ночь, когда вы отправились в Ханевал. Сопровождали вас

как раз они, всей стаей. Теперь, мать, я ухожу.

Мессуа низко ему поклонилась, по-прежнему сомневаясь, что перед ней не лесное божество, но когда рука Маугли коснулась двери, материнское чувство одержало в ней верх, и она, протянув руки, бросилась к нему на шею:

— Вернись к нам! Сын ты мой или нет, всё равно возвратись, потому что я люблю тебя. Смотри, и малыш огорчён, что ты уходишь.

Ребёнок действительно, поняв, что человек с блестящим ножом собирается уходить, принялся плакать.

— Возвращайся! — повторила Мессуа. — Ночью ли, днём ли, эта дверь будет всегда открыта для тебя.

Маугли почувствовал ком в горле, к глазам подступили слёзы, и проговорил изменившимся голосом:

— Я приду, наверное…

V

Ожидавший его у порога хижины волк тут же бросился к нему ласкаться.

— А теперь я должен тебя побранить, Серый брат… Почему не пришли, когда я вас звал?

— Я… мы пели в джунглях, потому что пришло время новых песен. Разве ты не знаешь?

— Знаю, знаю.

— И теперь, когда я пропел свои песни, по твоему следу опять пришёл к тебе, — серьёзно сказал Серый брат. — Я убежал от остальных и примчался к тебе. Но что это с тобой? Ты опять спал и ел в человечьей стае?

— Если бы вы пришли, когда я звал, этого бы не случилось, — ответил Маугли, ускоряя шаги.

— А что же ты думаешь делать теперь?

Маугли хотел было ответить, но в это время на тропинке, что вела к деревне, показалась девушка в белом платье. Серый брат мгновенно исчез, а Маугли спрятался в густых хлебах, но она проходила так близко, что можно было коснуться её. Он хоть и скрылся среди колосьев, но девушка заметила его движение и вскрикнула от испуга, приняв его, без сомнения, за какого-нибудь духа.

Когда тропинка повернула, Маугли, раздвинув колосья, долго смотрел девушке вслед, пока она совсем не исчезла из виду.

— Но всё же почему вы не пришли? — вздохнул Маугли.

— Мы всегда с тобой, Маленький брат, за исключением времени новых песен.

— И вы пошли бы со мной в человечью стаю?

— Разве мы не пришли на зов в ту ночь, когда человечья стая гнала тебя?

— Ну а если бы я опять ушёл к людям?

— А разве сегодня я не прибежал по твоему следу?

— Ну а если бы я стал уходить к людям часто?

Серый брат долго молчал, потом тихо проговорил, словно про себя:

— Да, та чёрная была права.

— А что она тебе сказала?

— «Человек в конце концов идёт к человеку». Ракша, наша мать, говорила то же…

— Как и Акела в ту ночь, когда мы бились с красными собаками, — тихо прибавил Маугли. — А ещё Каа, который мудрее всех нас. Ну и что ты скажешь мне на это, Серый брат?

— Они уже изгнали тебя однажды, обвинив в страшных грехах, разбили тебе камнями рот. Они

послали Бульдео убить тебя. Они хотели предать тех, кто дал тебе приют, Красному Цветку. Ты, а не я, говорил, что они злые и бесчувственные. Ты, а не я, направил на них джунгли. Ты, а не я, пел против них песню, которая позлее будет нашей против красных собак.

— И всё-таки я спрошу ещё раз: что ты мне скажешь?

Некоторое время они бежали молча, затем, не замедляя шага, Серый брат начал:

— Человеческий детёныш! Господин джунглей, сын Ракши, мой брат! Хоть весной и бывают дни, когда я забываю о тебе, твой след останется моим следом, твоя берлога — моей берлогой, твоя добыча — моей добычей и твой последний бой — моим последним боем. Я говорю и за остальных братьев. А что же скажешь джунглям ты?

— Очень своевременный вопрос. Когда увидел дичь, надо не думать, а хватать. Созывай стаю к скале Совета, и там я скажу всем, что у меня в желудке. Но все ведь заняты своими песнями, про меня забыли, так что скорее всего не придут.

— А ты разве ничего никогда не забывал? — огрызнулся, обернувшись, Серый брат и помчался вперёд, а Маугли не спеша побежал за ним, осаждённый тучами мыслей.

В другое время весть, которую принёс Серый брат, заставила бы все джунгли сбежаться на скалу Совета, но теперь стая была так занята охотой, боями, песнями, что почти не слушала, о чём он говорил. Серый брат носился от одного к другому и громко сообщал:

— Слушайте: повелитель джунглей возвращается к людям. Собирайтесь все поскорее на скалу Совета!

Но ему отвечали:

— Да пусть! Он всё равно к нам вернётся, когда жара придёт, а нет — так дожди приведут его обратно. Лучше побежали с нами, Серый брат! Будем петь песни!

— Повторяю: повелитель джунглей совсем уходит к людям, — ещё раз попытался привлечь внимание стаи Серый брат.

— Ну и пусть уходит! Время новых песен от этого не станет хуже! — легкомысленно отмахивались от него волки.

И когда Маугли, одолеваемый печальными думами, подходил к хорошо знакомой скале, где его когда-то приняли в стаю, там его ждали только четыре брата, Балу, почти ослепший от старости, да тяжеловесный, всегда спокойный Каа, который лежал, обогнув своим телом камень,

где в своё время восседал Акела и где теперь не сидел никто.

— Итак, твои следы кончаются здесь, человечек? — сказал Каа, когда Маугли, закрыв лицо руками, опустился среди своих друзей на землю. — Пой же свою прощальную песню! Мы с тобой были одной крови: человек и змей жили так долго вместе.

— Зачем не разорвали меня на куски красные собаки! — простонал Маугли. — Сила покидает моё тело, но это не от яда. Днём и ночью я слышу за собой чьи-то шаги. Я оборачиваюсь и зову, но никто мне не отвечает, а я по-прежнему слышу, как кто-то крадётся за мной. Я ложусь, но сон не приносит отдыха. Я бегаю, я мечусь, но прогулка не приносит успокоения. Я бросаюсь в воду, но купание не охлаждает моего жара. Я готов убить всех и каждого, но у меня не хватает духу, и я убиваю только для того, чтобы утолять голод. Красный Цветок овладел моим телом, кости мои стали водой, и… я сам не знаю, что мне нужно.

— Не стоит тратить так много слов! — сказал Балу, медленно поворачивая голову в сторону Маугли, хотя и не видел его. — Акела перед смертью на берегу Вайнганги сказал, что наступит время и Маугли погонит Маугли в человечью стаю. И я

говорил то же самое.

Но кто теперь слушает Балу? А Багира, где она сейчас? Она тоже подтвердила бы мои слова. Таков Закон!

— Когда я впервые увидел в Холодных Пещерах этого человечка, уже тогда знал всё это, — сказал Каа, слегка повернув голову. — Человек всегда в конце концов уходит к человеку, даже если бы джунгли и не гнали его.

Четыре волка то переглядывались между собой, то бросали взоры на Маугли, печальные, но покорные.

— Так, значит, джунгли меня не гонят? — медленно, отчётливо произнёс Маугли.

Серый брат, а за ним и три других волка в один голос завыли:

— Пока мы живы, никто не осмелится…

Но Балу не дал им закончить:

— Я учил его Закону и потому на его слова скажу своё слово. Хоть я теперь не вижу даже той скалы, что передо мной, мой внутренний взор простирается далеко. Маленький наш Лягушонок! Становись на свой след и иди по нему, устраивай себе новое логово вместе с единокровными, со своей стаей, со своим народом, но если придёт час, когда тебе понадобится чей-нибудь

острый зуб, зоркий глаз, неслышная нога; если понадобится мигом куда-нибудь передать весточку — вспомни тогда, повелитель джунглей, что все они в твоей власти.

— Средние джунгли также в твоей власти, а их население весьма немалочисленно, — добавил Каа.

— Ах, мои братья! — воскликнул Маугли, вскинув руки. — Я не понимаю, что со мной. Я не хочу уходить, а между тем что-то гонит меня. Мне никогда не забыть этих ночей!

— Нет ничего дурного в том, что ты собираешься уйти, — сказал Балу. — Когда мёд съеден, мы бросаем пустой улей.

— Скинув старую кожу, мы не влезаем в неё опять, — добавил Каа.

— Ты для меня дороже всех на свете, — продолжил Балу. — Так послушай же меня. Нет таких слов, нет такой силы, что могли бы удержать тебя здесь. Взгляни на себя! Кто смеет требовать ответа у повелителя джунглей? Я видел тебя в то время, как ты играл с белыми камешками, когда был маленьким лягушонком. Багира и вовсе выкупила твою жизнь, пожертвовав быком. Мы двое только и остались, все остальные давно уже почили. Нет в живых ни Ракши, Волчицы-

матери, ни Волка-отца, да и вся старая стая тех времён давно уже перемёрла. Тебе известно лучше, чем кому другому, куда ушёл Шер-Хан. Акела погиб на берегах Вайнганги, где погибла бы и вся теперешняя сеонийская стая, если бы не твои мудрость и сила. От тех далёких времён остались лишь старые кости. И нет уже того человеческого детёныша, который мог покинуть стаю, зато есть повелитель джунглей, вольный менять свой след. Кто смеет спрашивать человека о пути, какой ему угодно избрать!

— Но Багира и тот бык, которого она отдала за мою жизнь, я хотел бы… — начал Маугли, но его слова были прерваны рычанием и шумом в глубине леса.

Из чащи появилась Багира, лёгкая, сильная и ужасная, как всегда, и показала залитую кровью переднюю лапу.

— Вот почему я не могла прийти раньше. Это была нелёгкая охота, зато теперь он лежит в кустах, тот двухлетний бык, который освобождает тебя, Маленький брат. Все долги уплачены, а остальное пусть лучше скажет Балу. Не забывай только, что Багира любила тебя! — прорычала пантера, лизнула ноги Маугли и исчезла.

Издали, от подножия горы, до скалы донёсся её

громовой голос:

— Доброй охоты на новом следу, повелитель джунглей! Не забывай старую верную Багиру!

— Ты слышал? Ничто теперь тебя здесь не удерживает: можешь уходить, — но сначала подойди ко мне, мой маленький Лягушонок, подойди ко мне! — попросил Балу.

— Да, нелегко сходит старая кожа, — заметил Каа, глядя на Маугли, который безутешно рыдал, уткнувшись лицом в грудь слепому медведю, обхватив руками за шею, в то время как тот тихонько лизал ему руки.

— Звёзды гаснут, — сказал Серый брат, поймав носом дуновение ветерка с востока. — Сегодня нам придётся искать новое логово — ведь мы ступаем на новый след.

Прощальные песни

Эти песни неслись из джунглей вслед за Маугли, пока он шёл к хижине, где его ждала Мессуа.

Балу

ИЗ УВАЖЕНИЯ К УЧИТЕЛЮ ЗАКОНА,
КОТОРЫЙ ПУТЬ ТЕБЕ СРЕДЬ ДЖУНГЛЕЙ ПОКАЗАЛ,
ДЕРЖИСЬ ТЕПЕРЬ ТЫ НОВОГО ЗАКОНА,
ЧТОБ ОН ТВОЮ ДОРОГУ НАПРАВЛЯЛ.
ДЕРЖИСЬ ЕГО, КАКОВ БЫ НИ БЫЛ ОН:
ИСПАЧКАННЫЙ ИЛЬ ЧИСТЫЙ, СВЕЖИЙ, ПРОШЛОГОДНИЙ.
ХРАНИ ЕГО – НА ТО ОН И ЗАКОН! —
И ОН ТЕБЕ УКАЖЕТ ПУТЬ ТВОЙ НЕИЗМЕННЫЙ.

БЛЮДИ ЕГО И ДНЁМ И НОЧЬЮ,
ПРАВ ОН ИЛЬ НЕТ – НЕ ВОПРОШАЙ.
И СТАРОГО СЛЕПОГО БАЛУ,
БЛЮДЯ ЗАКОН, НЕ ЗАБЫВАЙ!
И ЕСЛИ ЧЕЛОВЕЧЬЯ СТАЯ
НАЧНЁТ
ТЕБЕ УЖ СЛИШКОМ ДОСАЖДАТЬ,
СКАЖИ: «ТАБАКИ СНОВА ВОЕТ», —

СНЕСИ И НАУЧИСЬ СЕБЯ СМИРЯТЬ.
А ЕСЛИ ЧЕЛОВЕЧЬЯ СТАЯ
ЗАДУМАЕТ ТЕБЯ ОПЯТЬ ПРОГНАТЬ,
СКАЖИ: «ШЕР-ХАН ВНОВЬ, ВИДНО, ОЖИЛ», —
НО
НЕ ПЫТАЙСЯ НОЖ СВОЙ ОБНАЖАТЬ.
ИДИ ЖЕ К ЛЮДЯМ, ЧТИ ИХ ЗАКОН,
КАК ТЯГОСТЕН БЫ НИ БЫЛ ОН.
ПЛОДЫ, ЛИСТВА, КОРЕНЬЯ, МЁД —
ПУСТЬ ВСЕ ТЕБЯ ХРАНЯТ ОТ БЕД!
ДЕРЕВЬЯ, ВЕТЕР, ЛЕС С ВОДОЙ,
БУДЬ МИЛОСТЬ ДЖУНГЛЕЙ НАД ТОБОЙ!

Каа

СТРАХ РОЖДАЕТСЯ ОТ ГНЕВА,
ПОТОМУ НЕ СЛЕД СЕРДИТЬСЯ.
ТОЛЬКО ГЛАЗ БЕЗ ВЕК – ОТКРЫТЫЙ —
ВИДИТ ЯСНО, ЧТО ТВОРИТСЯ.
НЕНАВИСТЕН КОБРЫ ЯД,
НЕНАВИСТЕН КОБРЫ ВЗГЛЯД.
БУДЬ СО ВСЕМИ ПРЯМ, УЧТИВ —
КТО СИЛЁН, ТОТ НЕ СПЕСИВ.
ИЗБЕГАЙ ГНИЛЫХ ВЕТВЕЙ,
ЧТО ПОЙМАЛ, ТО ЕШЬ СКОРЕЙ,
А ПОТОМ В ПЕЩЕРУ, СПАТЬ,
НО И ТАМ НЕЛЬЗЯ ЗЕВАТЬ.
ОСМОТРИСЬ ПРЕД СНОМ МАЛЕНЬКО
ДА ЗАПРЯЧЬСЯ ХОРОШЕНЬКО.

СЕВЕР, ЗАПАД, ЮГ, ВОСТОК —
ВСЁ ТЕБЯ ПУСТЬ БЕРЕЖЁТ!
ЯМЫ, ПРОПАСТИ, ПРУДЫ,
СРЕДНИХ ДЖУНГЛЕЙ И ВОДЫ —
ПУСТЬ ИЗБАВЯТ ОТ БЕДЫ!

ВОДЫ, ВЕТЕР, ЛЕС С ЛИСТВОЙ,
МИЛОСТЬ ДЖУНГЛЕЙ БУДЬ С ТОБОЙ!

Багира

В ЖЕЛЕЗНОЙ КЛЕТКЕ ЖИЗНЬ Я НАЧАЛА
И ДОЛГО ПОСРЕДИ ЛЮДЕЙ ЖИЛА,
И ЗНАЮ ПОТОМУ Я ХОРОШО ПУТИ ЛЮДЕЙ,
КОТОРЫМИ ТЕБЕ БРЕСТИ ПРИДЁТСЯ МНОГО ДНЕЙ.
КЛЯНУСЬ ЗАМКОМ, ЧТО МНЕ ВЕРНУЛ СВОБОДУ:
ТЫ ЧЕЛОВЕК – БЛЮДИ Ж СВОЮ ПРИРОДУ!

С ЛЮДЬМИ-ШАКАЛАМИ НЕ ЗНАЙСЯ,
НИ ДЕЛ, НИ ДРУЖБЫ С НИМИ НЕ ВОДИ.
ИХ ЛЁГКОЙ ЖИЗНЬЮ НЕ ПРЕЛЬЩАЙСЯ,
ВПЕРЁД СВОИМ ПУТЁМ ИДИ.
БУДЬ ТЫ СИЛЁН, НО СИЛОЙ НЕ ГОРДИСЬ
И МИРА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОЙНЫ, ДЕРЖИСЬ.
И ПУСТЬ НИЧТО, ЧТО Б НИ БЫЛО НА

СВЕТЕ,
ТЕБЯ
С ИЗБРАННОГО ПУТИ НЕ СОВРАТИТЬ.

ТУМАН ЗАРИ, ЗАКАТА ПОЛУСВЕТ
ДА СОХРАНЯТ ТЕБЯ ОТ ЗОЛ И БЕД.
ДЕРЕВЬЯ, ВЕТЕР, ЛЕС С ВОДОЙ,
БУДЬ МИЛОСТЬ ДЖУНГЛЕЙ НАД ТОБОЙ!

Все трое

НА НОВЫЙ СЛЕД ТЕПЕРЬ СТУПИЛ ТЫ,
И ПО НЕМУ ИДТИ НЕ МОЖЕМ МЫ:
ПУГАЕТ НАС ЦВЕТОК ТОТ КРАСНЫЙ,
КОТОРЫМ ЛЮДИ НАМ СТРАШНЫ.

УЖ ПО НОЧАМ ТЕБЯ НЕ БУДЕТ
РОДНОЙ СВОД НЕБА ЗАЩИЩАТЬ,
НО И ПОД КРОВЛЕЮ ЛЮДСКОЮ
ПРО НАС ТЫ БУДЕШЬ ВСПОМИНАТЬ.

ТВОИ ДРУЗЬЯ ПОРОЙ НОЧНОЮ
С ТОСКОЮ БУДУТ ПОДХОДИТЬ
К ТОМУ ПОРОГУ, ГДЕ ЛЮБИМЫЙ
ПРИЁМЫШ СТАИ БУДЕТ ЖИТЬ.

ДЕРЕВЬЯ, ВЕТЕР, ЛЕС С ВОДОЙ,
БУДЬ МИЛОСТЬ ДЖУНГЛЕЙ НАД ТОБОЙ!